Герритсен Тесс
Безмолвная

Биллу Харберу и Джанет Тамаро за веру в моих девочек

«Вот что ты должен сделать, — сказал Царь Обезьян, — вымани чудовище из его укрытия, но убедись, что выживешь в этой битве».

У Чэнъэнь.

«Царь обезьян: Путешествие на Запад», 1500–1581 гг.

Глава первая

Сан-Франциско

Весь день я наблюдаю за девушкой.

Она не подает никаких признаков того, что знает об этом, несмотря на то, что арендованный мной автомобиль виден из угла улицы, где она и другие подростки собрались во второй половине дня — обычное занятие для скучающих детишек, чтоб скоротать время. Девушка выглядит моложе остальных, возможно, потому что она азиатка и слишком маленького роста для своих семнадцати лет, обычная тоненькая девчушка. Ее черные волосы обрезаны очень коротко, как у мальчишки, голубые джинсы драные и поношенные. Думаю, это не дань моде, а результат постоянной носки и жизни на улицах. Девушка затягивается сигаретой и выдыхает облачко дыма с небрежностью шпаны, манерой, не соответствующей ее бледному лицу и тонким китайским чертам. Она достаточно хорошенькая, чтобы привлечь голодные взгляды двух мужчин, проходящих мимо. Девушка замечает эти взгляды и демонстративно поворачивается к ним спиной без капли страха, но бесстрашной быть легко, когда опасность всего лишь абстрактное понятие. Мне интересно, как отреагирует эта девушка, столкнувшись с реальной угрозой. Станет сражаться или погибнет? Хочется знать, из какого теста она сделана, но мне еще не представилось случая увидеть ее в деле.

В то время как опускается вечер, подростки на углу начинают расходиться. Сначала один, потом другой покидают компанию. В Сан-Франциско холод ощущается даже летними ночами, и оставшиеся сбиваются в кучку, кутаясь в свитера и куртки, освещая друг друга сигаретами и смакуя эфемерное тепло пламени. Но холод и голод, в конце концов, разгоняют по домам последних из них, оставив только девушку, которой некуда идти. Она машет рукой уходящим друзьям и некоторое время в одиночестве топчется на месте, словно ожидая кого-то. Наконец, пожав плечами, девушка выходит из закоулка и направляется в мою сторону, засунув руки в карманы. Когда она проходит мимо автомобиля, то не обращает на меня внимания, а смотрит прямо перед собой, взгляд сосредоточенный и жесткий, словно она мысленно решает какую-то дилемму. Возможно, раздумывает о том, где сегодня покопаться в отбросах в поисках ужина. Или, может быть, это нечто более важное. Ее будущее. Ее выживание.

Девушка, вероятно, не знает, что двое мужчин следуют за ней.

Пару секунд спустя после того, как она проходит мимо моей машины, я замечаю мужчин, выходящих из переулка. Я узнаю их, это та же парочка, что таращилась на нее ранее. Когда они проходят мимо моего автомобиля, следя за девушкой, один из них смотрит на меня через лобовое стекло. Всего лишь беглый взгляд, чтобы оценить, представляю ли я угрозу. То, что он видит, совсем не беспокоит мужчину, и он с компаньоном продолжает преследование. Они движутся с уверенностью хищников, преследующих слабую добычу, которая не сможет бороться с ними.

Я выхожу из машины и следую за ними. Точно так же, как и они следуют за девушкой.

Она направляется в район, где большинство зданий выглядит заброшенными, а тротуар

словно вымощен разбитыми бутылками. Девушка не выказывает ни страха, ни колебаний, словно для нее это знакомая территория. Она ни разу не оглядывается, и это говорит мне о том, что она либо безрассудна, либо слишком мало знает о мире и о том, что он может сделать с девушками вроде нее. Мужчины, преследующие ее, тоже не оборачиваются. Даже если бы они обнаружили меня, чему я не позволю случиться, они бы не заметили во мне ничего, чего бы стоило бояться. Никто никогда не замечает.

Пройдя еще одну многоэтажку, девушка поворачивает направо и исчезает в дверном проеме.

Я отступаю в тень и наблюдаю за тем, что будет дальше. Двое мужчин останавливаются у двери в здание, куда вошла девушка, обсуждают план действий. Затем они тоже шагают внутрь.

Стоя на тротуаре, я поднимаю глаза на заколоченные окна. Это пустой склад, на котором красуется предупреждение «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Дверь полуоткрыта. Я проскальзываю внутрь, где мрак настолько густой, что приходится остановиться, чтобы мои глаза приспособились к темноте, пока остальные чувства оценивают то, чего я пока еще не вижу. Я слышу поскрипывание полов. Я чувствую запах воска горящей свечи. Я вижу слабое свечение из дверного прохода слева от меня. Встав возле него, я заглядываю по ту сторону двери.

Девушка стоит на коленях перед импровизированным столом, ее лицо озаряет мерцающая свеча. Вокруг признаки временного жилья: спальный мешок, консервы и маленькая походная кухня. Она вскрывает банку консервным ножом и не подозревает о двух мужчинах, приближающихся сзади.

Пока я набираю воздух для предупредительного окрика, девушка резко оборачивается и сталкивается лицом к лицу со злоумышленниками. Все, что у нее есть — консервный нож в руке, слабое оружие против двух больших мужчин.

— Это мой дом, — говорит она. — Выметайтесь.

Я могу вмешаться. Но вместо этого стою на прежнем месте, наблюдая за происходящим. Чтобы понять, из чего сделана эта девушка.

Один из мужчин смеется:

— Мы просто зашли в гости, сладенькая.

— Разве я вас приглашала?

— Подумай, как ты смогла бы воспользоваться нашей компанией.

— Подумай, как ты смог бы воспользоваться своими мозгами.

Не самый мудрый способ урегулировать ситуацию, как мне кажется. Теперь их похоть смешалась с гневом, опасная комбинация. Но девушка стоит совершенно неподвижно, абсолютно спокойная, потрясая этим жалким кухонным прибором. Когда мужчины кидаются вперед, кончики моих пальцев ног уже напряжены, готовы к прыжку.

Она прыгает первая. Один рывок, и ее нога ударяет прямо в грудную клетку первого мужчины. Это грубый, но эффективный удар, и нападавший шатается, сжимая грудь, словно не может дышать. Прежде чем второй успевает отреагировать, она уже бросается к нему и ударяет открывашкой по голове. Тот воет и отступает.

Это становится интересным.

Первый мужчина приходит в себя и бросается на нее, толкнув девушку так сильно, что они оба падают на пол. Она лягается и размахивает руками, ее кулак заезжает нападающему в челюсть. Но ярость притупляет болевые ощущения, и он с ревом наваливается на девушку, нейтрализовав ее своим весом.

В этот момент подскакивает и второй мужчина. Схватив ее запястья, он прижимает их к полу. Юность и неопытность загнали ее в неприятности, от которых та не сможет убежать. Какой бы сильной она не была, девушка все еще зеленая и неподготовленная, и не сможет избежать того, что сейчас произойдет. Первый мужчина расстегивает ее джинсы и сдергивает их вниз с тощих бедер. Его возбуждение очевидно, ширинка разбухла. Самое уязвимое положение для атаки.

Он не слышит, как я приближаюсь. В одно мгновение насильник расстегивает ширинку на штанах. А в следующее уже лежит на полу с разбитой челюстью, выбитые зубы вываливаются из его рта.

Его товарищ успевает выпустить руки девушки и вскочить, но он недостаточно быстр. Я — тигр, а он не более чем неуклюжий буйвол, тупой и беспомощный против моего удара. С воплем он падает на пол, и, судя по тому, под каким причудливым углом располагается рука, его кости сломаны в двух местах.

Я хватаю девушку и ставлю ее на ноги.

— Ты в порядке?

Она застегивает свои джинсы и смотрит на меня.

— Кто *ты* , черт побери?

— Обсудим это позже. Сейчас нам надо уходить! — рявкаю я.

— Как тебе это удалось? Уложить их так быстро?

— Ты хочешь научиться?

— Да!

Я гляжу на двух мужчин, которые стонут и корчатся у наших ног.

— Тогда вот тебе первый урок: знай, когда пора бежать.

Я толкаю ее к двери.

— Это время наступило сейчас.

Я наблюдаю, как она ест. Для такой маленькой девушки у нее волчий аппетит, она слопала три тако с курицей и большой стакан «Кока-Колы». Она захотела мексиканской кухни, поэтому мы сидим в кафе, где играет музыка мариачи, а стены украшены яркими картинками с танцующими сеньоритами. Хотя черты лица девушки китайские, она стопроцентная американка, от коротко стриженых волос до рваных джинсов. Грубое и дикое существо, которое с шумом высасывает остатки своей «Колы», а затем громко грызет кубики льда.

Я начинаю сомневаться в разумности этого предприятия. Она уже слишком взрослая, чтобы начать тренировки, и слишком дикая, чтобы научиться дисциплине. Мне нужно отпустить ее обратно на улицу, если это то место, куда она хочет отправиться, и найти другой вариант. Но потом я замечаю шрамы на костяшках пальцев и вспоминаю, как близка она была к тому, чтобы в одиночку расправиться с двумя мужчинами. У нее есть талант и бесстрашие — две вещи, которым нельзя научить.

— Ты помнишь меня? — спрашиваю я.

Девушка ставит свой стакан и нахмуривается. На мгновение мне кажется, что я вижу искру узнавания, но затем она исчезает. Девушка качает головой.

— Это было давно, — говорю я. — Двенадцать лет назад.

Вечность для столь молодой девушки.

— Ты была маленькой.

Она пожимает плечами.

— Неудивительно, что я вас не помню.

Она лезет в свою куртку, достает сигарету и прикуривает ее.

— Ты загрязняешь свое тело.

— Это мое тело, — огрызается она.

— Нет, если ты хочешь тренироваться.

Я тянусь через стол и вырываю сигарету из ее губ.

— Если ты хочешь учиться, твое отношение должно измениться. Ты должна проявлять уважение.

Она фыркает.

— Ты говоришь, как моя мама.

— Я знаю твою мать. По Бостону.

— Ну, она умерла.

— Я в курсе. Она написала мне в прошлом месяце. Рассказала, что больна и у нее осталось мало времени. Вот почему я здесь.

Я удивляюсь, увидев слезы, заблестевшие в глазах девушки, и то, как она быстро отворачивается, словно стыдится показать слабость. Но в это уязвимое мгновение, прежде чем она спрятала глаза, она напомнила мою собственную дочь, которая была моложе девушки, когда покинула меня. Мои глаза жгут слезы, но я не пытаюсь скрыть их. Скорбь сделала меня тем, кто я есть. Она была очищающим огнем, который оттачивал мою решительность и усиливал мою волю.

Мне нужна эта девушка. Очевидно, что и она нуждается во мне.

— Мне понадобились две недели, чтобы найти тебя, — говорю я ей.

— Приемная семья — отстой. Я лучше буду сама по себе.

— Если бы твоя мать видела тебя сейчас, ее сердце бы разбилось.

— У нее никогда не было на меня времени.

— Возможно, потому что она надрывалась на двух работах, пытаясь прокормить тебя? Потому что ей не на кого было рассчитывать, кроме самой себя?

— Она позволила миру вытирать об себя ноги. Ни разу я не видела, чтобы она смогла постоять за что-нибудь. Даже за меня.

— Она боялась.

— Она была бесхребетной.

Я подаюсь вперед, в ярости от этой неблагодарной соплячки.

— Твоя бедная мать страдала до такой степени, что ты и представить себе не можешь. Все, что она делала, было для тебя.

С отвращением я швыряю в девушку ее сигаретой. Это не та девушка, которую я надеюсь найти. Она может быть сильной и бесстрашной, но у нее нет ни чувства дочернего долга, связывающего ее с покойной матерью, ни чувства семейной чести. Без связи с нашими предками мы всего лишь одинокие пылинки, брошенные на произвол судьбы и плывущие по течению, не привязанные ни к чему и ни к кому.

Я оплачиваю счет за ее еду и поднимаюсь.

— Когда-нибудь, я надеюсь, ты найдешь в себе мудрости, чтобы понять, чем твоя мать пожертвовала ради тебя.

— Вы уходите?

— Я ничему не смогу научить тебя.

— Почему вы хотели этого? Зачем приехали, чтобы разыскать меня?

— Мне казалось, что я найду кого-то другого. Кого-то, кого смогу обучить. Того, кто поможет мне.

— Для чего?

Я не знаю, как ответить на ее вопрос. На мгновение только металлический звук музыки мариачи льется из динамиков.

— Ты помнишь своего отца? — спрашиваю я. — Ты помнишь, что с ним произошло?

Она смотрит на меня.

— Так вот из-за чего все это, не так ли? Вот почему вы приехали искать меня. Потому что моя мать написала вам о нем.

— Твой отец был хорошим человеком. Он любил тебя, а ты обесчестила его. Ты обесчестила обоих родителей.

Я кладу перед ней стопку наличных.

— Это в память о них. Уходи с улицы и возвращайся в школу. По крайней мере, тебе не придется драться с незнакомыми мужчинами.

Я разворачиваюсь и выхожу из ресторана.

В считанные секунды она выскакивает из дверей и бежит за мной.

— Подождите! — зовет она. — Куда вы идете?

— Возвращаюсь домой, в Бостон.

— Я вспомнила вас. Думаю, я знаю, чего вы хотите.

Я останавливаюсь и смотрю в ее лицо.

— Это то, чего *ты* тоже должна хотеть.

— Что мне нужно делать?

Я осматриваю ее сверху донизу, разглядываю тощие плечи и настолько узкие бедра, что голубые джинсы едва держатся на них.

— Это не то, что тебе нужно делать, — отвечаю я. — Это то, кем тебе нужно *быть* .

Медленно я приближаюсь к ней. До этого момента у нее не было никаких причин бояться меня, да и с чего бы? Я всего лишь женщина. Но то, что она сейчас видит в моих глазах, заставляет ее сделать шаг назад.

— Ты боишься? — спрашиваю я мягко.

Ее подбородок вздергивается вверх, и она заявляет с глупой бравадой:

— Нет, не боюсь.

— Ты должна бояться.

Глава вторая

Семь лет спустя

— Меня зовут доктор Маура Айлз, фамилия произносится как А-Й-Л-З. Я судебно-медицинский эксперт, работаю в Бюро Судмедэкспертизы штата Массачусетс.

— Пожалуйста, опишите суду ваше образование и квалификацию, доктор Айлз, — произнесла Кармела Агилар, помощник окружного прокурора округа Саффолк.

Маура не отводила от нее взгляда, пока отвечала на вопрос. Было гораздо проще сосредоточиться на лице Агилар, чем видеть свирепые взгляды ответчика и его сторонников, десятки которых собрались в зале суда. Агилар, казалось, не замечала или просто не обращала внимания на них, она обосновывала свою позицию по делу перед враждебно настроенной аудиторией, но Маура очень переживала из-за этого; большую часть этих слушателей составляли сотрудники полиции и их друзья. Им не понравится то, что должна сказать Маура.

Обвиняемым был Уэйн Брайан Графф, офицер Бостонского Управления Полиции, с квадратной челюстью и широкими плечами, выглядящий как всеамериканский герой. Симпатии зала были на стороне Граффа, а не жертвы — мужчины, попавшего на стол для вскрытия Мауры с побоями и переломами шесть месяцев назад. Мужчины, который был похоронен неоплаканным и невостребованным. Мужчины, который за два часа до смерти совершил роковую ошибку, выстрелив в офицера полиции и убив его.

Маура чувствовала все эти взгляды, прожигающие ее лицо, словно лазерные лучи, пока рассказывала свою биографию.

— Я окончила Стэндфордский университет со степенью бакалавра в антропологии, — сказала она. — Получила степень по медицине в Калифорнийском университете Сан-Франциско и там же прошла полную пятилетнюю резидентуру в патологии. Я получила сертификацию в анатомической и клинической патологии. После резидентуры прошла двухлетнюю аспирантуру по специализации «судебная медицина» в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса.

— А вы сертифицированы в вашей сфере деятельности?

— Да, мэм. В общей и судебной патологии.

— А где вы работали до того, как поступили на службу в Бюро Судмедэкспертизы здесь, в Бостоне?

— На протяжении семи лет я была патологоанатомом в Бюро Судмедэкспертизы Сан-Франциско Калифорния. Я также работала клиническим профессором патологии в Калифорнийском университете. У меня есть медицинские лицензии Массачусетса и Калифорнии.

Эта информация была большим, чем у нее спрашивали, и она заметила, как хмурится

Агилар, потому что Маура отклонилась от запланированной последовательности вопросов. Маура прежде много раз излагала эту информацию в суде, поэтому точно знала, о чем у нее спросят, и отвечала на автомате. Где она училась тому, что требуется в ее работе и была ли достаточно компетентна для дачи показаний по этому делу.

Формальности завершены, Агилар, наконец-то перешла к деталям.

— Вы проводили вскрытие мужчины по имени Фабиан Диксон в октябре прошлого года?

— Да, — ответила Маура. Ожидаемый ответ, но она почувствовала, как напряжение в зале суда мгновенно возросло.

— Расскажите нам, как мистер Диксон оказался в Бюро Судмедэкспертизы. — Агилар стояла, уставившись на Мауру, словно говоря: *Игнорируйте всех остальных в зале. Смотрите только на меня и констатируйте факты* .

Маура выпрямилась и начала говорить, достаточно громко, чтобы ее слышали в зале суда.

— Умерший был двадцатичетырехлетним мужчиной, обнаружен неподвижно лежащим на заднем сиденье патрульного автомобиля Управления Полиции Бостона. Это случилось примерно через двадцать минут после его ареста. Он был доставлен на «скорой помощи» в Главную Массачусетскую больницу, где и был объявлен мертвым в отделении неотложной помощи.

— И это сделало его пациентом судмедэкспертизы?

— Да. Впоследствии его перевели в наш морг.

— Опишите суду, как выглядел мистер Диксон, когда вы впервые увидели его.

От внимания Мауры не ускользнуло, что Агилар называет покойного по имени. Не *тело* или *покойный* . Это был ее способ напомнить суду, что жертва была личностью. С именем, лицом и жизнью.

Маура ответила таким же образом:

— Мистер Диксон был хорошо развитым мужчиной, среднего роста и веса, который поступил в наше учреждение, одетым лишь в хлопковые трусы и носки. Другая его одежда была снята ранее во время попытки реанимации в отделении неотложной помощи. Датчики ЭКГ все еще были прикреплены к груди, а в левой руке остался внутривенный катетер…

Она сделала передышку. Здесь становилось неуютно. Хотя она и старалась не смотреть на публику и ответчика, Маура знала, что их глаза устремлены на нее.

— А состояние его тела? Могли бы вы описать его нам? — подгоняла ее Агилар.

— Было несколько синяков на груди, на боковой части живота и в верхнем отделе брюшной полости. Оба глаза были распухшими и затекшими, также имелись рваные раны губ и кожи головы. Два зуба — передние резцы, были выбиты.

— Протестую, — поднялся защитник, — невозможно узнать, когда он потерял те два зуба. Он мог ходить без них много лет.

— Один зуб обнаружился на рентгеновском снимке. В его желудке, — пояснила Маура.

— Свидетель должен воздерживаться от комментариев, пока я не разрешу, — строго оборвал ее судья. Он посмотрел на защитника: — Протест отклоняется. Мисс Агилар, продолжайте.

Помощник окружного прокурора кивнула, ее губы дернулись в улыбке, и она снова сосредоточилась на Мауре.

— Итак, мистер Диксон был сильно избит, у него имелись рваные раны, и, по крайней мере, один из его зубов недавно был выбит.

— Да, — сказала Маура. — Вы сможете увидеть это на снимках из морга.

— Если это будет угодно суду, сейчас мы хотели бы показать эти фотографии, — произнесла Агилар. — Должна предупредить аудиторию, что это неприятное зрелище. Если кто-либо из слушателей предпочитает не видеть их, предлагаю им покинуть здание.

Она помолчала и огляделась вокруг.

Никто не покинул зал суда.

Когда появился первый слайд, демонстрирующий избитое тело Фабиана Диксона, раздался вздох. Маура намеренно не стала в подробностях описывать побои Диксона, потому что знала, фотографии расскажут историю лучше, чем она. Снимки не станут обвинять какую-либо из сторон или лгать. И истина, смотрящая с этой фотографии, была очевидна для всех: Фабиан Диксон был жестоко избит перед тем, как его засунули на заднее сиденье полицейской машины.

Остальные слайды появлялись, пока Маура рассказывала о том, что обнаружила при вскрытии. Множественные переломы ребер. Проглоченный зуб в желудке. Наполненные кровью легкие. И причина смерти: разрыв селезенки, который привел к массивному брюшному кровотечению.

— И что послужило причиной смерти мистера Диксона, доктор Айлз? — спросила Агилар.

Это был ключевой вопрос, тот самый, на который она боялась отвечать из-за того, что последует дальше.

— Убийство, — сказала Маура. Не ее дело определять виновного. Она ограничила свой ответ одним словом, но не смогла не взглянуть на Уэйна Граффа. Обвиняемый офицер полиции неподвижно сидел, его лицо застыло, как гранит. Более десятилетия он с отличием служил городу Бостон. С десяток свидетелей выходили вперед, чтобы рассказать суду, как офицер Графф бесстрашно приходил им на помощь. Он был героем, говорили они, и Маура верила им.

Но ночью 31-го октября, когда Фабиан Диксон убил полицейского, Уэйн Графф и его напарник превратились в ангелов мести. Они произвели арест, и Диксон был у них под стражей, когда скончался. *Объект был возбужден и склонен к насилию, словно был под воздействием «ангельской пыли» или крека* , написали они в своем заявлении. Они описали сумасшедшее сопротивление Диксона, его сверхчеловеческую силу. Оба офицера засунули дерущегося заключенного в полицейский автомобиль. *Чтобы контролировать его, они применили силу, но тот не чувствовал боли. В процессе борьбы он хрюкал и издавал звуки, словно животное, а также пытался сорвать с себя одежду, несмотря на то, что той ночью было всего +5 С°.* Они слишком хорошо описали известное заболевание, сопровождаемое бредом, в состоянии которого убивали другие заключенные-наркоманы.

Но месяцем позже токсикологический отчет показал, что в организме Диксона был только алкоголь. Это отбросило последние сомнения Мауры в том, что это было убийство. И эти убийцы теперь сидели на скамье подсудимых, уставившись на нее.

— У меня больше нет вопросов, — сказала Агилар. Она села, уверенная в том, что успешно выполнила свою миссию.

Моррис Уэйли, адвокат подсудимого, поднялся для перекрестного допроса, и Маура почувствовала, что ее мышцы напряглись. Уэйли начал достаточно приветливо, когда он подошел к свидетелю, можно было подумать, что его интересует всего лишь дружеская беседа. Если бы они встретились на вечеринке, она, вероятно, посчитала бы его приятной компанией, весьма привлекательным мужчиной в костюме от «Братьев Брукс».[1]

— Думаю, мы все поражены вашим послужным списком, доктор Айлз, — заявил Уэйли. — Посему не буду более отнимать время у суда рассмотрением ваших академических достижений.

Она не произнесла ни слова, лишь посмотрела в его улыбающееся лицо, размышляя, с какой стороны последует нападение.

— Не думаю, что кто-либо в этом зале сомневается в том, что вы упорно работали, чтобы добиться того, что имеете сегодня, — продолжал Уэйли. — Особенно учитывая некоторые личные проблемы, с которыми вы столкнулись в последние несколько месяцев.

— Протестую, — Агилар поднялась со вздохом раздражения. — Это не имеет

---

[1] «Братья Брукс» (Brooks Brothers) — фирма, основанная в 1818 году, которая производит одни из лучших в

значения.

— Имеет Ваша Честь. Это характеризует свидетеля, — возразил Уэйли.

— Каким образом? — поинтересовался судья.

— Прошлый опыт может показать, как свидетель искажает данные.

— Какой опыт вы имеете в виду?

— Если вы позволите мне разъяснить этот вопрос, все станет очевидным.

Судья пристально посмотрел на Уэйли:

— На данный момент я разрешаю придерживаться этой линии допроса. Но только на данный момент.

Агилар уселась назад, хмурясь.

Уэйли вернулся к Мауре:

— Доктор Айлз, можете вспомнить дату, когда вы проводили вскрытие?

Маура замерла, ошеломленная резким возвращением к теме вскрытия. От нее не ускользнуло и то, что он намеренно избегал называть жертву по имени.

— Вы имеете в виду мистера Диксона? — спросила она и увидела раздражение, мелькнувшее в его глазах.

— Да.

— Дата вскрытия — первое ноября прошлого года.

— И в тот же день вы определили причину смерти?

— Да. Как я уже говорила, он умер от массивного внутреннего кровоизлияния в результате разрыва селезенки.

— В тот же день вы указали также и характер смерти?

Она колебалась:

— Нет. По крайней мере, не окончательно…

— А почему нет?

Она вздохнула, осознавая, что все глаза следят за ней:

— Я хотела дождаться результатов токсикологической экспертизы. Чтобы убедиться, что мистер Диксон был под воздействием кокаина или других лекарственных препаратов. Я хотела быть осмотрительной.

— Так вам и следует поступать. Когда ваше решение может разрушить карьеру, даже жизни, двух преданных блюстителей порядка.

— Я всего лишь стараюсь быть точной с фактами, мистер Уэйли, везде, где они могут быть.

Уэйли не понравился ответ, она поняла это по его задергавшимся челюстным мышцам. Вся напускная приветливость исчезла, теперь это было настоящее сражение.

— Итак, вы сделали вскрытие первого ноября, — повторил он.

— Да.

— Что произошло после этого?

— Не уверена, что понимаю, о чем вы.

— Вы уехали на выходные? Вы проводили другие вскрытия на следующей неделе?

Она уставилась на него, нарастающая тревога змеей зашевелилась в желудке. Она не понимала, куда он клонит, но ей не нравилось это направление.

— Я уезжала на конференцию патологоанатомов, — ответила она.

— В Вайоминг, полагаю.

— Да.

— Где с вами произошло некое травмирующее происшествие. Вы подверглись нападению продажного офицера полиции.

Агилар вскочила на ноги:

— Протестую! Не имеет отношения к делу!

— Отклонено, — произнес судья.

Уэйли заулыбался, ему расчистили дорогу к вопросам, которых так боялась Маура.

— Это правда, доктор Айлз? На вас напал офицер полиции?

— Да, — прошептала она.
— Боюсь, я не расслышал.
— Да, — повторила она громче.
— И как же вы выжили в этом нападении?
В зале воцарилась гробовая тишина, все жаждали услышать ее историю. Историю, о которой ей не хотелось даже думать, из-за которой ее до сих пор преследовали ночные кошмары. Она вспомнила пустынный холм в Вайоминге. Вспомнила стук дверцы автомобиля заместителя шерифа, когда та захлопнулась, заперев ее на заднем сиденье за решеткой для заключенных. Она вспомнила свою панику, когда тщетно пыталась разбить окно руками, пытаясь убежать от человека, который хотел убить ее.
— Доктор Айлз, как вы выжили? Кто пришел вам на помощь?
Она сглотнула:
— Мальчик.
— Джулиан Перкинс, шестнадцати лет, полагаю. Юноша, который выстрелил и убил офицера полиции.
— У него не было выбора!
Уэйли наклонил голову:
— Вы защищаете мальчика, который убил полицейского?
— Плохого полицейского.
— А затем вы вернулись домой в Бостон. И объявили, что смерть мистера Диксона была убийством.
— Потому что это было убийством.
— Или это был несчастный случай? Неизбежное последствие борьбы с агрессивным арестованным, чтобы усмирить его?
— Вы видели фотографии из морга. Полиция применила гораздо большую силу, чем было необходимо.
— Так же, как и тот мальчик в Вайоминге Джулиан Перкинс. Он застрелил заместителя шерифа. Вы считаете это превышение самообороны оправданным?
— Протестую, — воскликнула Агилар. — Здесь судят не доктора Айлз.
Уэйли перешел к следующему вопросу, его взгляд сосредоточился на Мауре:
— Что произошло в Вайоминге, доктор Айлз? Пока вы боролись за свою жизнь, к вам пришло озарение? Внезапное осознание, что полицейские — враги?
— Протестую!
— Или полицейские всегда были врагами? Члены вашей семьи, кажется, так и думают.
Раздался удар молотка.
— Мистер Уэйли, *немедленно* подойдите к судье.
Маура села, ошарашенная, пока адвокаты совещались с судьей. Итак, дошло до этого, начали ворошить прошлое ее семьи. Каждый коп в Бостоне, скорее всего, знал о ее матери Амалтее, в настоящий момент отбывавшей пожизненный срок в женской тюрьме Фремингема. Монстр, который родил меня, подумала она. Каждый, кто смотрит на меня, должно быть, размышляет, просочилось ли зло и в мою кровь тоже. Она заметила, что обвиняемый, офицер Графф, не сводит с нее глаз. Их взгляды встретились, и его губы скривились в улыбке. *Добро пожаловать в неприятности* , прочла она в его глазах. *Вот что происходит, когда переходишь тонкую голубую линию* .[2]
— Суд удаляется на перерыв, — объявил судья. — Мы продолжим слушание в два часа пополудни.
Пока присяжные покидали зал, Маура откинулась на стуле, не заметив, что Агилар стоит позади нее.

[2] Термин, использующийся в полицейских кругах. Преобразован из фразы «The Thin Red Line» и означает, что полиция является тонкой и единственной гранью, останавливающей цивилизованное общество перед полным хаосом.

— Это был удар ниже пояса, — сказала Агилар. — Такого нельзя было допускать.

— Он преуспел насчет меня, — произнесла Маура.

— Да, но это все, что у него есть. Потому что фотографии вскрытия выглядят чертовски убедительными. — Агилар жестко взглянула на нее. — Есть что-то еще, что мне нужно знать о вас, доктор Айлз?

— Помимо того факта, что моя мать осуждена за убийство, а я пытаю котят забавы ради?

— Я не шучу.

— Вы же сами сказали сегодня. Здесь судят не меня.

— Нет, но они попытаются вытряхнуть это из вас. Ненавидите ли вы копов. Есть ли у вас недобрые намерения. Мы проиграем это дело, если присяжные посчитают, что вы нечестны. Поэтому скажите мне, есть ли что-то еще, что они могут вытащить на всеобщее обозрение? Любые секреты, о которых вы мне еще не рассказывали.

Маура обдумывала личные проблемы, которые держала в секрете. Запретная любовная связь, которую она недавно прервала. Ее семейная история насилия.

— У каждого есть секреты, — сказала она. — Мои не имеют значения.

— Будем надеяться, что нет, — произнесла Агилар.

Глава третья

Куда не глянь в Бостонском Чайнатауне, призраки были везде. Они населяли тихий Тай Дун Виллидж[3] так же, как и пеструю Бич-стрит, парили вдоль Пинг-он-Элли и спускались по темному переулку за Оксфорд-плейс.[4] Призраки были повсюду на этих улицах. По крайней мере, именно так рассказывал гид Билли Фу, и настаивал на этом. Неважно, верил ли он в это сам, его работой было убедить туристов в том, что эти улицы населены призраками. Люди *хотят* верить в привидений, вот почему многие из них готовы выложить по пятнадцать баксов с носа и стоять на углу Бич и Оксфорд, трясясь от страха и слушая кровавые истории Билли об убийстве. В этот вечер тринадцать из них благополучно записались на «Ночной призрачный тур по Чайнатауну», включая парочку непослушных десятилетних близнецов, которым пора было мирно спать в кроватках еще три часа назад. Но когда нужны деньги, не стоит отворачиваться от платежеспособных клиентов, даже если те всего лишь проказливые мальчишки. Билли был безработным актером безо всяких перспектив на горизонте, и его сегодняшний заработок составлял сто девяносто пять долларов плюс чаевые. Неплохой куш за пару часов рассказывания небылиц, даже если при этом приходится носить унизительные атласный китайский халат и накладную косичку.

Билли откашлялся и поднял руки, используя приемы для привлечения внимания аудитории, почерпнутые им после шести семестров обучения на театральных курсах.

— 1907 год! Вторая половина августа, теплый вечер пятницы, — его голос, низкий и зловещий, поднялся, заглушая собой отвлекающий звук дорожного движения. Словно Смерть, выбирающая следующую жертву, Билли указал на другую сторону улицы. — Там, на площадке, известной как Оксфорд Плейс, бьется сердце Китайского квартала Бостона. Сейчас, пройдя за мной, вы шагнете назад в эпоху, когда эти улицы кишели иммигрантами. Когда душная ночь пахла потными телами и странными специями. Вернемся в ночь, когда *убийство* витало в воздухе!

Драматическим жестом он пригласил группу следовать за ним на Оксфорд Плейс, где

---

[3] Тай Дун Виллидж (Tai Tung Village) — район Чайнатауна с многоквартирными домами.

[4] Бич-стрит — улица Чайнатауна; Пинг-он-Элли (или аллея Мира и Безопасности) — бывшая Оливер-плейс, переименована в 1989 году в честь первых китайских иммигрантов Бостона; Оксфорд-плейс — спортивная площадка в Чайнатауне; Оксфорд-стрит — одна из улиц Китайского квартала.

все они подошли поближе и приготовились слушать. Глядя на их внимательные лица, он подумал: *Теперь пришло время очаровать их, оплести чарами, как умеет только профессиональный актер.* Он развел руки, и рукава китайского халата трепетали, словно атласные крылья, пока он готовился заговорить.

— Мааа-мочкаааа! — заскулил один из сорванцов. — Он *пнул* меня!

— Перестань Майкл, — рявкнула мать. — Прекрати это сию же минуту.

— Я ничего не делал!

— Ты раздражаешь своего брата.

— Ну, это он меня раздражает.

— Вы, мальчики, хотите вернуться в отель? Вы этого хотите?

«О Бога ради, возвращайтесь в свой отель, *пожалуйста»* , — подумал Билли. Но братья просто стояли, сердито посматривая друг на друга, скрестив руки на груди, и прекратив свои игры.

— Как я уже сказал… — продолжил Билли. Но заминка загубила его представление, и он почти мог слышать «пшик», с которым исчезла вся драматическая напряженность, словно воздух вытек через дырочку в воздушном шарике. Стиснув зубы, он продолжал.

— Была душная августовская ночь. На этой площадке после долгого трудового дня в прачечных и продуктовых магазинах, отдыхала толпа китаез, — Билли ненавидел слово *«китаёза»* , но заставил себя произнести его, чтобы передать дух той эпохи, когда газеты постоянно упоминали о *вороватых и зловещих жителях Востока* . Когда даже журнал «Тайм» считал целесообразным изображать *преступников с коварными усмешками на лицах, таких же желтых, как телеграфные бланки* . Эпоху, когда Билли Фу, китайский американец, не нашел бы для себя никакой работы, кроме как прачки, повара или разнорабочего.

— Здесь, на этой площадке, вот-вот вспыхнет битва, — сказал Билли. — Битва между двумя соперничающими китайскими кланами Он Леонгс и Хип Сингс. Сражение, которое заставит этот квартал искупаться в крови… Кто-то из них поджег запал. Внезапно ночь разорвалась оружейными выстрелами! Десятки китайцев бегут, охваченные ужасом! Но некоторые не так быстры, и когда пули умолкают, пять человек лежат на земле, мертвые или умирающие. Они — всего лишь небольшие потери в кровавых и печально известных войнах тайных китайских группировок…

— Мам, *теперь* мы можем идти?

— Тсс. Слушайте рассказ этого человека.

— Но он *скууучный* .

Билли замолчал, руки так и чесались схватить маленького щенка за горло. Он метнул в мальчишку злобный взгляд. Ничуть не впечатленный, ребенок только пожал плечами.

— Туманными ночами, подобными этой, — продолжил Билли, стиснув зубы, — иногда можно услышать доносящиеся издалека звуки этих выстрелов. Вы можете увидеть призрачные фигуры, проносящиеся в смертельном ужасе, бесконечное количество раз отчаянно пытаясь избежать пуль, летевших в ту ночь! — Билли повернулся, махнув рукой. — Теперь следуйте за мной через Бич-стрит. Еще одно место, где обитают призраки.

— Мамочка. *Мамочка* !

Билли проигнорировал маленького засранца и повел группу по улице. *Улыбайся, не переставай говорить. Все это приносит чаевые.* Он должен оставаться энергичным еще лишь час. Сначала они направятся на Напп-стрит для следующей остановки. Затем на Тайлер-стрит и к подпольному казино, где пять человек были убиты в 1991 году. В Чайнатауне места убийств имелись в изобилии.

Он повел группу в направлении Напп-стрит. Здесь было чуть шире переулка, плохо освещено и практически безлюдно. Когда они оставили позади себя огни и движение Бич-стрит, казалось, температура резко упала. Дрожа, Билли потуже запахнул китайский халат. Он замечал это неприятное явление и прежде, всякий раз, как осмеливался идти по этому участку Напп. Даже теплыми летними ночами он всегда ощущал здесь озноб, словно

холод уже давно поселился на улочке, никогда не ослабевая. Его тургруппа, казалось, тоже заметила это, и Билли услышал, как застегиваются куртки, увидел, как достаются из карманов перчатки. Даже те два сорванца притихли, словно почувствовали, что воздух стал другим. Нечто существовало здесь, что-то, пожирающее весь смех и радость.

Билли остановился возле заброшенного здания с запертыми воротами и стальными решетками, защищающими окна первого этажа. Ржавые ступеньки пожарной лестницы взбирались к третьему и четвертому этажам, где каждое окно было плотно заколочено, словно некто прятал внутри узника. Его группа плотнее жалась друг к другу, стремясь избежать холода. Или они почувствовали на этой улочке что-то еще, нечто, заставившее их сбиться в тесный круг, словно для защиты?

— Добро пожаловать в атмосферу одного из самых ужасных преступлений Чайнатауна, — провозгласил Билли. — Сейчас вывески на здании нет, но девятнадцать лет назад за этими зарешеченными окнами был небольшой китайский ресторанчик морепродуктов под названием «Красный феникс». Это было скромное заведение, всего на восемь столиков, но славилось своими свежими моллюсками. Все случилось тридцатого марта, сырой и холодной ночью. Ночью, как эта, когда на обычно шумных улицах Китайского квартала было до странного тихо. Внутри «Красного Феникса» находились всего два сотрудника: официант Джимми Фэнг и повар, нелегальный иммигрант из Китая по имени Ву Вэйминь. Три клиента заехали поужинать этой ночью… ночью, которая станет для них последней. Потому что на кухне что-то пошло не так. Мы никогда не узнаем, что заставило повара съехать с катушек и впасть в исступление. Возможно, его доконали долгие, тяжелые часы работы. Или глубокая печаль из-за жизни на чужой земле.

Билли остановился. Его голос упал до жуткого шепота.

— А может, какая-то чуждая сила подчинила его себе, некое зло завладело им. Зло, которое заставило его вытащить пистолет. Заставило впасть в буйство в зале ресторана. Зло, которое по-прежнему таится здесь, на этой темной улице. Все, что мы знаем — он направил свой пистолет и… — Билли замолчал.

— И что он сделал? — взволнованно спросил кто-то.

Но внимание Билли сосредоточилось над головой, взгляд был прикован к крыше. Он мог поклясться, там что-то двигалось. Это была всего-навсего невидимая вибрация, как будто крыло гигантской птицы, колыхающееся на фоне неба. Он напряженно пытался снова поймать взглядом это движение, но все, что он теперь видел — план эвакуации при пожаре на стене.

— Что случилось потом? — потребовал один из сорванцов.

Билли оглядел тринадцать лиц, выжидательно смотревших на него и попытался вспомнить, на чем остановился. Но он все еще был в замешательстве из-за того колыхания наверху. Внезапно ему отчаянно захотелось уйти с этой узкой улочки, убежать от этого здания. Так отчаянно, что пришлось собрать каждую унцию силы воли, чтобы не кинуться назад на Бич-стрит. Он глубоко вдохнул и выпалил:

— Повар застрелил их. А затем покончил с собой.

На этом Билли повернулся и быстро помахал им, уводя группу от мрачного здания с призраками и отголосками ужасов. Харрисон-авеню была впереди, ее огни и движение манили теплом. Место для живых, а не мертвых. Он шел так быстро, что группа отстала, но Билли не мог избавиться от чувства нависшей угрозы, которая, казалось, все туже обвивала их. Чувства, что нечто наблюдало за ними. Наблюдало за *ним* .

Громкий женский крик заставил его обернуться, сердце заколотилось. Затем группа внезапно разразилась громким смехом, а один из мужчин сказал:

— Эй, хороший трюк! Вы используете его на всех экскурсиях?

— Что? — не понял Билли.

— Напугали нас до усрачки! Выглядит чертовски реалистично.

— Я не знаю, о чем вы говорите, — ответил Билли.

Человек показал на то, что он принял за часть представления.

— Эй, малыш, покажи ему, что ты обнаружил.

— Я нашел это там, в урне, — заявил один из сорванцов, держа в руках свое открытие. — Иууу. Оно даже *на ощупь* как настоящее. Отпад!

Билли подошел ближе и внезапно обнаружил, что не может двигаться, не может говорить. Он замер, глядя на то, что мальчик держал в руках. Он видел, как чернильные капли падают и просачиваются на куртку парнишки, но тот, казалось, этого не замечал.

Первой закричала мать мальчика. Затем присоединились другие, визжа и пятясь назад. Сбитый с толку, мальчишка просто стоял, подняв свой приз, в то время как кровь все капала и капала на его рукав.

Глава четвертая

— Я как раз обедал там в прошлую субботу, — сказал детектив Барри Фрост, пока они ехали в сторону Чайнатауна. — Я водил Лиз на балет в театре Вонг. Она любит балет, но я, подруга, его просто не понимаю. Заснул на середине. После мы ходили ужинать в ресторан «Оушен сити».

Было два часа ночи, слишком поздно, чтобы быть таким чертовски болтливым, но детектив Джейн Риццоли позволила своему напарнику бубнить по поводу его последнего свидания, в то время как сама сосредоточилась на вождении. Ее усталым глазам каждый фонарь казался чересчур ярким, каждый свет встречных фар обжигал сетчатку. Час назад она находилась в теплом коконе постели со своим мужем, сейчас же пытается заставить себя бодрствовать, пока двигается по дороге, где движение необъяснимо замедлилось и образовало пробку в час ночи, когда нормальные граждане должны спать дома.

— Ты когда-нибудь ела там? — спросил Фрост.

— Что?

— Ресторан «Оушен сити». Лиз заказала этих огромных моллюсков с соусом из чеснока и черных бобов. Я чувствую себя голодным, всего лишь думая о них. Не могу дождаться, когда вернусь туда снова.

— Кто такая Лиз? — спросила Джейн.

— Я рассказывал тебе о ней на прошлой неделе. Мы встретились в спортзале.

— Мне казалось, ты говорил о ком-то по имени Маффи.

— Мэгги. — Он пожал плечами. — Из этого ничего не вышло.

— Никто не годится на роль той самой единственной. Как бы ее не звали.

— Эй, я все еще пытаюсь понять, чего хочу от женщин, понимаешь? Похоже на то, словно я целую вечность не был на рынке. Подруга, я и понятия не имел, что вокруг столько одиноких девушек.

— Женщин.

Он вздохнул.

— Да, да. Элис взяла привычку вдалбливать это мне в голову. Теперь ты должен говорить *«женщины»*.

Джейн затормозила на красный свет и взглянула на него.

— Ты и Элис очень много разговариваете в последнее время?

— О чем нам разговаривать?

— Возможно, о десяти годах брака?

Он уставился в окно.

— Здесь не о чем говорить. Она двигается дальше.

Но Фрост-то не двигается, подумала Джейн. Восемь месяцев назад его жена Элис съехала из дома. С тех пор Джейн была вовлечена в хронику похождений Фроста, полную захватывающих, но безрадостных приключений с женщинами. Там была грудастая блондинка, сообщившая ему, что не носит нижнего белья. Устрашающе спортивная библиотекарша с замусоленным экземпляром «Кама-Сутры». Румяная квакерша, которая сделала ему минет под столом. Он рассказывал эти истории со смешанным недоумением и

удивлением, но большей частью, в эти дни Джейн видела в его глазах печаль. Не потому что он был плохой добычей. Фрост строен, держит себя в форме, привлекателен и вежлив, поэтому знакомиться для него проще простого.

Но он все еще скучает по Элис.

Они свернули на Бич-стрит, въехав в центр Чайнатауна, и были буквально ослеплены мигалками автомобиля управления полиции Бостона. Джейн припарковалась позади патрульной машины, и они вышли в леденящую кости сырость весенней ночи. Несмотря на поздний час, на тротуаре собралось несколько зрителей, и Джейн расслышала бормотание на китайском и английском, каждый из зевак, несомненно, задавал универсальный вопрос: *«Кто-нибудь знает, что произошло?»*

Она и Фрост прошли к Напп-стрит и поднырнули под полицейскую ленту, возле которой на страже стоял патрульный.

— Детективы Риццоли и Фрост, убойный отдел, — объявила она.

— Это там, — последовал немногословный ответ полицейского. Он указал на мусорный контейнер внизу улочки, где стоял другой охранник.

Когда Джейн и Фрост подошли, она поняла, что полицейский охранял не мусорный бак, а что-то, лежавшее на тротуаре. Она остановилась, уставившись вниз, на отрубленную правую руку.

— Вау, — сказал Фрост.

Полицейский рассмеялся:

— У меня была точно такая же реакция.

— Кто ее обнаружил?

— Туристы из «Призрачного тура по Чайнатауну». Какой-то ребенок поднял ее, приняв за подделку. Вскоре он понял, что рука настоящая и бросил туда, где она лежит сейчас. Предполагаю, они никак не ожидали обнаружить *такое* во время тура.

— Где эти туристы сейчас?

— Они были чертовски взволнованы. Настаивали на том, чтобы вернуться в свои гостиницы, но я записал имена и контактные данные. Гид — местный китайский парнишка, сказал, что с радостью поговорит с вами, когда пожелаете. Никто не видел ничего, кроме руки. Они позвонили в 911, и диспетчер принял это за розыгрыш. Мы приехали, потому что поступил вызов, что какие-то хулиганы шалят в Чайнатауне.

Джейн присела и посветила фонариком на руку. Это была поразительно чистая ампутация, разрез покрывала лишь корочка засохшей крови. Рука явно была женской, с бледными стройными пальцами и безукоризненным элегантным маникюром. Ни кольца, ни часов.

— Она просто лежала здесь, на земле?

— Ага. Со свежим мясом вроде нее крысы расправились бы довольно быстро.

— Я не вижу следов укусов. Она здесь недавно.

— О, я обнаружил кое-что еще. — Полицейский навел фонарик, и луч опустился на серый объект, лежащий в нескольких метрах от них.

Фрост подошел поближе, чтобы рассмотреть предмет.

— Это «Хеклер и Кох».[5] Дорогущий, — сказал он. Фрост взглянул на Джейн. — Он с глушителем.

— Кто-нибудь из туристов прикасался к оружию? — спросила Джейн.

— Никто его не касался, — ответил коп. — Они даже не видели его.

— Итак, у нас есть пистолет с глушителем и свежеотрезанная правая рука, — произнесла Джейн. — Кто хочет поставить на то, что они связаны?

---

[5] «Хеклер и Кох» (Heckler&Koch GmbH) — германская компания по производству стрелкового оружия, основанная в 1949 году. Один из ведущих поставщиков армии и полиции Германии и других стран мира и один из наиболее плодовитых среди современных производителей стрелкового оружия; кроме штурмовых винтовок, пистолетов-пулеметов и пистолетов он выпускает множество моделей пулеметов.

— Это действительно хорошая пушка, — вымолвил Фрост, по-прежнему любуясь оружием. — Не могу представить, что кто-то выбросил такую вещицу.

Джейн поднялась на ноги и уставилась на мусорный контейнер.

— Вы проверяли его на наличие остальных частей тела?

— Нет, мэм. Я посчитал, что отрезанной руки более чем достаточно, для того, чтобы вызвать вас, ребята. Не хотел затоптать что-нибудь здесь до вашего приезда.

Джейн вытащила из кармана пару перчаток. Как только она одела их, то почувствовала, что сердце начало гулко биться в ожидании того, что она может обнаружить. Вместе она и Фрост подняли крышку, и зловоние гниющих морепродуктов ударило им в лицо. Борясь с тошнотой, Джейн вглядывалась в разорванные картонные коробки и объемный черный мешок для мусора. Они с Фростом переглянулись.

— Хочешь принять честь на себя? — съехидничал Фрост.

Она наклонилась, потянула мешок и сразу поняла, что трупа в нем нет. Тот был недостаточно тяжелым. Морщась от вони, она развязала его и заглянула внутрь. Панцири креветок и оболочки крабов.

Они оба отступили назад, и крышка бака захлопнулась с громким лязгом.

— Ничего не нашли? — спросил патрульный.

— Здесь нет. — Джейн взглянула на отрубленную руку. — Так где же ее остальные части?

— Возможно, некто разбросал конечности по всему городу, — предположил Фрост.

Полицейский засмеялся.

— Или, может быть, один из этих китайских ресторанов приготовил ее и подал как красиво сервированное тушеное мясо.

Джейн посмотрела на Фроста.

— Хорошо, что ты заказывал моллюсков.

— Мы уже смотрели вокруг, — добавил патрульный. — Не смогли ничего найти.

— Тем не менее, я собираюсь прогуляться по кварталу, — заявила Джейн.

Вместе с Фростом они медленно брели вдоль Напп-стрит, рассекая своими фонариками тени. На глаза попадались осколки разбитых бутылок, обрывки бумаги, окурки. Никаких частей тела. В зданиях, возвышающихся по обе стороны, окна были темны, но ей было любопытно, смотрели ли из этих окон чьи-либо глаза, следя за их молчаливым движением внизу. Они должны были осмотреть здесь все заново при свете дня, но Джейн не хотела упустить какую-нибудь зацепку. Поэтому они с Фростом потихоньку двигались от улочки ко второй полицейской ленте, преграждающей путь к Харрисон-авеню. Здесь были тротуары, фонари и движение. Но Джейн и Фрост продолжали кропотливо кружить вокруг квартала, от Харрисон до Бич-стрит, пристально вглядываясь в землю. К тому времени, как они закончили и вернулись к мусорному контейнеру, на место преступления прибыли криминалисты.

— Полагаю, вы не нашли остальную ее часть, — констатировал патрульный.

Джейн наблюдала, как оружие и отрезанную руку упаковывают в пластиковые пакеты, удивляясь, зачем убийца оставил конечность в таком месте, где кто-то с легкостью мог ее обнаружить. Было ли это спешкой? Или это какого-то рода сообщением? Затем ее взгляд поднялся на пожарную лестницу, которая тянулась по четырехэтажному зданию перед улочкой.

— Нам нужно проверить крышу, — заявила она.

Нижняя ступенька лестницы проржавела, и они не смогли стянуть ее вниз; придется подняться на крышу обычным способом, по лестничной клетке. Они вышли с улочки и вернулись на Бич-стрит, откуда смогли бы зайти в эту часть зданий. Предприниматели оккупировали все первые этажи: китайский ресторан, пекарня и азиатский продуктовый магазинчик — в этот час все было закрыто. Над всем этим располагались квартиры. Всматриваясь вверх, Джейн заметила, что все окна верхних этажей были темными.

— Нам придется разбудить кого-то, кто нас впустит, — заметил Фрост.

Джейн подошла к группе пожилых китайцев, которые собрались на тротуаре, чтобы понаблюдать за шумихой.

— Кто-нибудь из вас знает жильцов этого дома? — спросила она. — Нам нужно попасть внутрь.

Они безучастно смотрели на нее.

— Это здание, — повторила она, показывая на дом. — Нам нужно подняться наверх.

— Знаешь, говорить громче не поможет, — заметил Фрост. — Не думаю, что они понимают по-английски.

Джейн вздохнула. *Вот тебе Китайский квартал* .

— Нам нужен переводчик.

— Район А-1 принял на работу нового детектива. Кажется, он китаец.

— На то, чтоб дождаться его, уйдет слишком много времени. — Она поднялась к главному входу, просмотрела имена квартиросъемщиков и наугад нажала кнопку. Несмотря на неоднократное жужжание, никто не ответил. Она попытала счастья с другой кнопкой, и в этот раз в домофоне наконец-то затрещал голос.

— *Вэй?* — произнесла женщина.

— Это полиция, — сказала Джейн. — Вы не могли бы впустить нас в здание, пожалуйста?

— *Вэй?*

— Пожалуйста, откройте дверь!

Прошло несколько минут, затем детский голос ответил:

— Моя бабушка хочет знать, кто вы.

— Детектив Джейн Риццоли, управление полиции Бостона, — сказала Джейн. — Нам нужно подняться на крышу. Можете впустить нас в подъезд?

Наконец, замок с гудением открылся.

Зданию было, по крайней мере, лет сто, и деревянные ступени стонали, пока Джейн и Фрост поднимались по лестнице. Когда они добрались до второго этажа, дверь распахнулась, и Джейн увидела тесную квартирку, из которой смотрели любопытные глаза двух девочек. Младшая была примерно того же возраста, ее собственная дочь, Реджина, и Джейн остановилась, улыбнувшись и пробормотав приветствие.

Молниеносно младшую девочку схватила женская рука, и дверь захлопнулась.

— Полагаю, мы большие плохие чужаки, — хохотнул Фрост.

Они продолжали подниматься. Прошли четвертый этаж и мелкими шажками поднялись на крышу. Дверь была не заперта, и издала пронзительный визг, когда ее открыли.

Они вышли в предрассветный мрак, освещаемый лишь рассеянным свечением городских огней. Посветив своим фонариком, Джейн разглядела пластиковые стол и стулья, цветочные горшки с растениями. Белье на веревке, провисшей от тяжести, танцевало на ветру, словно призраки. Сквозь хлопанье простыней она заметила что-то другое, лежавшее у самой кромки крыши, накрытое простыней.

Не произнеся ни слова, они с Фростом автоматически вытащили бумажные бахилы из карманов и нагнулись, чтобы одеть их. Только после этого они поднырнули под висящее белье и шагнули к тому, что увидели лишь мельком, захрустев ботинками по рубероиду.

Мгновение царила тишина. Они стояли рядом, фонарики освещали озеро крови. И то, что лежало в этом озере.

— Думаю, мы нашли ее остальную часть, — промолвил Фрост.

Глава пятая

Чайнатаун расположился в самом сердце Бостона, прячась между финансовым районом на севере и газоном Коммона[6] на западе. Но когда Маура проходила под воротами Пайфан[7]

---

[6] Коммон (также известный как Бостон-Коммон (Boston Common) — центральный парк города Бостон,

воротами с их четырьмя резными львами, то чувствовала, словно входит в другой город, другой мир. Последний раз она была в Китайском Квартале утром одной октябрьской субботы, и тогда здесь не было кучки стариков, которые сидели под воротами, попивая чай за игрой в шашки и сплетничая на китайском. В тот холодный день она встречалась здесь с Дэниелом, чтобы позавтракать димсамом.[8] Это было одно из последних блюд, которые они больше никогда не съедят вместе, и память об этом дне сейчас пронзала сердце словно кинжал. Несмотря на яркий весенний рассвет, и нескольких игроков в шашки, которые сидели, болтая без умолку в утренней прохладе, меланхолия омрачала все, что она видела, превращая солнечный свет во мрак.

Маура прошла мимо ресторанов, где аквариумы для морепродуктов кишели серебристой рыбой, мимо пыльных иноземных магазинов, забитых мебелью из розового дерева, нефритовыми браслетами и безделушками из поддельной слоновой кости, к плотной толпе зевак. Она заметила полицейскую форму, возвышающуюся над азиатской толпой и начала пробиваться к ней.

— Позвольте пройти. Я судмедэксперт, — объявила она.

Холодный взгляд, которым ее одарил коп, не оставлял сомнений, что офицер точно знал, кто она такая. Доктор Маура Айлз, предавшая братство тех, кому поручено служить и защищать. Чьи показания могут отправить одного из «своих» в тюрьму. Он не произнес ни слова, лишь уставился на нее, словно не догадывался, чего от него ожидают.

Маура вернула ему такой же ледяной взгляд.

— Где умершая? — спросила она.

— Вам следует спросить детектива Риццоли.

Коп не собирался облегчать ей задачу.

— И где она?

Прежде чем он успел ответить, Маура услышала, как кто-то позвал:

— Доктор Айлз?

Молодой азиат в костюме и галстуке переходил улицу, направляясь к ней.

— Они ждут вас на крыше.

— Как туда подняться?

— Идите за мной. Я провожу вас по лестнице наверх.

— Вы новичок в убойном отделе? Не припомню, чтобы мы встречались.

— Извините, мне стоило представиться. Я детектив Джонни Тэм из района А-1. Риццоли понадобился кто-то из местных для перевода, и так как я урожденный китаец, то присоединился к ее команде.

— Вы первый раз работаете над убийством?

— Да, мэм. Всегда мечтал об этом. Я стал детективом всего лишь два месяца назад, поэтому и вправду немного на взводе. — Резко отодвинув зевак в сторону, он расчистил ей дорогу сквозь толпу и открыл дверь в здание, где пахло чесноком и ладаном.

— Я заметила, что вы говорите на мандаринском наречии. А кантонский тоже знаете? — поинтересовалась она.

— Вы различаете их на слух?

— Я жила в Сан-Франциско. Часть моих коллег была китайцами.

старейший городской парк в Соединенных Штатах (1634 г.).

[7] Пайфан, или Пайлоу (кит.) — резные триумфальные ворота с орнаментом из камня или дерева, возводившиеся в Китае в честь правителей, героев, выдающихся событий. Перекрыты одной или несколькими крышами в зависимости от числа пролетов. Вне Китая, Пайфан давно является символом китайского квартала.

[8] Димсам или дяньсинь (кит.) — легкие блюда, которые в китайской традиции чаепития подают к столу вместе с чашкой китайского чая сорта пуэр, как правило, до обеда. Представляют собой разложенные по нескольким блюдцам небольшие порции десерта, овощей либо морепродуктов.

— Хотелось бы мне говорить на кантонском, но для меня это все равно что греческий язык, — вздохнул Тэм, когда они поднялись на лестничную клетку. — Боюсь, что мой мандаринский не очень-то и полезен. Большинство из здешних старожилов говорят на кантонском или тайшаньском диалекте. Половину времени мне самому нужен переводчик.

— Так вы не из Бостона.

— Родился и вырос в Нью-Йорке. Мои родители приехали из провинции Фуцзянь.

Они добрались до двери, ведущей на крышу и шагнули наружу, к блеску утреннего солнца. Щурясь от яркого света, Маура увидела место преступления, личный состав, прочесывающий крышу, и услышала, как кто-то крикнул:

— Мы нашли еще одну гильзу.

— Что, эта уже пятая?

— Запиши и упакуй ее.

Внезапно голос умолк и Маура поняла, что ее появление заметили. Все уставились на нее. Предатель пришел.

— Эй, док, — прокричала Джейн, направляясь к ней, ветер трепал ее темные волосы. — Вижу Тэм наконец-то нашел тебя.

— Что это за гильзы? — спросила Маура. — По телефону ты говорила об ампутации.

— Так и есть. Но мы обнаружили пистолет «Хеклер и Кох» внизу аллеи. Похоже, кто-то выстрелил отсюда несколько раз. По меньшей мере, пять.

— Были сообщения о выстрелах? У нас есть приблизительное время?

— Винтовка была с глушителем, так что никто ничего не слышал. — Джейн повернулась. — Жертва здесь.

Маура натянула бахилы и перчатки и проследовала за Джейн к накрытому телу, лежащему рядом с краем крыши. Наклонившись, она подняла пластиковую пленку и уставилась на труп, на минуту потеряв дар речи.

— Ага. Это и из нас на минуту выбило дух, — произнесла Джейн.

Это была белая женщина чуть младше тридцати, стройная и подтянутая, одетая во все черное — хлопчатобумажную толстовку и леггинсы. Тело находилось в стадии полного трупного окоченения. Она лежала на спине, лицом к небу, словно собираясь полюбоваться звездами. Ее волосы, густые и каштановые, были собраны на затылке в простой конский хвост. Кожа бледная и безупречная. Выступающие скулы модели, скорее всего славянские. Но рана, на которой сосредоточилась Маура, была настолько глубокой, что разделяла кожу, мышцы и хрящи, разрывала просвет трахеи и выставляла наружу жемчужно-белую поверхность шейного отдела позвоночника. Фонтан артериальной крови был достаточно мощным, чтобы забрызгать все вокруг в поразительно широком радиусе, оставив потеки на простынях, развешанных на бельевой веревке неподалеку.

— Ампутированная рука лежала внизу, справа по улочке, — сказала Джейн. — Так же как «Хеклер и Кох». Предполагаю, что на рукоятке имеются ее отпечатки пальцев. И мы наверняка обнаружим следы пороха на этой руке.

Маура оторвала взгляд от шеи и сосредоточилась на правом запястье, которое привлекало внимание чистым разрезом. Она попыталась представить себе, каким инструментом можно было настолько эффективно полоснуть по хрящам и костям. Это должно быть что-то острое, и взмахнули этим без колебания. Воображение нарисовало удар лезвия и падающую руку, перелетевшую через край крыши. Лезвие, рассекающее тонкую шею.

Дрожа, она поднялась на ноги и посмотрела с крыши на полицейских, стоявших в дальнем конце Напп-стрит, сдерживая любопытных. Толпа увеличилась в два раза за несколько прошедших минут, а ведь было еще раннее утро. Любопытно, как некоторые всегда чувствуют запах крови.

— Ты уверена, что и вправду хочешь быть здесь, Маура? — тихо спросила Джейн.

Маура повернулась к ней.

— А почему мне может не хотеться?

— Я всего лишь интересуюсь, не слишком ли рано ты вернулась к работе. Знаю, эта неделя была для тебя тяжелой, со всем этим судом и прочим, — Джейн помолчала. — Сейчас ситуация Граффа выглядит совсем нехорошо.

— Она и не должна хорошо выглядеть. Он убил человека.

— А этот человек убил полицейского. Хорошего полицейского, у которого были жена и дети. Должна признаться, на его месте могла бы оказаться я.

— Пожалуйста, Джейн. Не говори мне, что ты защищаешь офицера Граффа.

— Я работала с Граффом, и не видела человека, лучше него прикрывавшего мне спину. Ты же в курсе, что происходит с копами, которые заканчивают в тюрьме, не так ли?

— Я не должна оправдываться за это. Мне приходит достаточно гневных писем. Не начинай еще и ты.

— Я всего лишь хочу сказать, что сейчас непростое время. Мы все уважаем Граффа, и можем понять, почему в ту ночь он потерял контроль над собой. Убийца полицейского мертв и, возможно, это и есть часть правосудия.

— Вершить правосудие — не моя работа. Я всего лишь перечислила факты.

Смех Джейн был язвительным.

— Угу, ты во всем придерживаешься фактов, не правда ли?

Маура отвернулась и пробежала взглядом по крыше, где криминалисты изучали место преступления. *Не обращай внимания и сосредоточься на своей работе. Ты здесь, чтобы говорить за эту мертвую женщину, и ни для чего более* .

— Что она делала на этой крыше? — спросила Маура.

Джейн посмотрела на тело:

— Понятия не имею.

— Мы знаем, как она сюда проникла?

— Возможно, по пожарной лестнице или через подъезд. Если ты сможешь пробраться на одну крышу, то получаешь доступ ко всем крышам этого квартала, от Харрисон-авеню до Напп-стрит. Она могла войти через любое из этих зданий. Или спрыгнула с вертолета, если уж на то пошло. Никто из тех, с кем мы говорили, не помнят, чтобы видели ее прошлой ночью. А мы знаем, что это случилось именно прошлой ночью. Когда мы нашли ее, трупное окоченение только начиналось.

Маура снова сфокусировалась на жертве и нахмурилась при виде ее одежды.

— Странно, что она одета во все черное.

— Как говорится, черное идет всем.

— Удостоверение личности?

— Нет. Все, что мы обнаружили в ее карманах — триста баксов и ключи от автомобиля «Хонда». Мы прочесываем район в поисках машины, — Джейн покачала головой. — Так жаль, что она не ездила на «Юго».[9] Это как искать иголку в чертовом стоге сена из «Хонд».

Маура вернула пленку на место, и зияющая рана исчезла под слоем пластика.

— Где рука?

— Она уже упакована.

— Ты уверена, что она от этого тела?

Джейн от удивления рассмеялась:

— Какие шансы, что это не так?

— Я никогда не делаю предположений. Ты об этом знаешь, — она развернулась.

— Маура?

Она снова взглянула на Джейн. Они встали лицом к лицу в этом ослепительном солнечном свете так, словно все управление полиции Бостона могло видеть и слышать их.

— Насчет суда. Я понимаю, из каких соображений ты исходишь, — заявила Джейн. — Ты знаешь об этом.

---

9 Yugo — модель автомобиля, лицензионная копия Fiat 128, производимая на заводе «Zastava» в Сербии.

— И ты этого не одобряешь.

— Но понимаю. Я всего-навсего надеюсь, что ты понимаешь, кто это такие, парни вроде Граффа, которым приходится иметь дело с реальным миром. Они находятся на линии фронта. Правосудие не такое чистенькое, как научный эксперимент. Иногда оно бывает чертовски грязным, и факты просто делают вещи хуже, чем они есть.

— Так мне надо было солгать, да?

— Просто не забывай, кто на самом деле плохие парни.

— Это не входит в мои должностные инструкции, — парировала Маура. Она покинула крышу и вышла на лестничную клетку, с облегчением сбежав от резких бликов солнца и глаз сотрудников полиции Бостона. Но когда она спустилась до первого этажа, то столкнулась нос к носу с детективом Тэмом.

— Наверху очень кроваво, да? — спросил он.

— Кровавей, чем обычно.

— А когда вскрытие?

— Я сделаю его завтра утром.

— Можно понаблюдать?

— Добро пожаловать, если у вас крепкий желудок.

— Я наблюдал за несколькими вскрытиями, когда учился в академии. Справился, в обморок не упал.

Она остановилась, мгновение рассматривая его. Оглядела серьезные темные глаза и резкие красивые черты лица, но без враждебности. В утро, когда вся полиция Бостона, казалось, считала ее врагом, детектив Джонни Тэм был просто копом, который не осуждал ее.

— В восемь утра, — произнесла она. — Буду рада видеть вас.

Глава шестая

Маура плохо спала в эту ночь. Поужинав увесистым куском лазаньи и запив все это тремя бокалами вина, она забралась в кровать, совершенно измотанная. Проснувшись через несколько часов, она с болью осознала, что пространство кровати рядом с ней пустое. Протянув руку, Маура коснулась холодных простыней и задалась вопросом, как и в другие ночи этих последних четырех месяцев — лежал ли Дэниел Брофи без сна так же, как и она, чувствовал ли себя таким же одиноким. Хотелось ли и ему взять телефонную трубку и прервать это молчание между ними. Или он спал спокойно, без сожалений, чувствуя облегчение оттого, что их роман наконец-то закончился? Хотя теперь она и могла снова быть самой собой, свобода имела свою цену. Пустая постель, бессонные ночи и вопрос без ответа: *мне лучше с ним или без него?*

Следующим утром Маура пришла на работу разбитая, испытывая чувство отвращения к кофе, которым она накачалась, чтобы быть в форме. Когда она стояла в передней морга, надевая маску, бумажную шапочку и бахилы, то, взглянув в смотровое окно, обнаружила, что Джейн уже стояла у стола и ждала ее. Вчера они расстались, обменявшись неприятными замечаниями, и Маура все еще ощущала укол саркастического ответа Джейн: *Ты во всем придерживаешься фактов, не правда ли?* Да, факты имели для нее значение. Факты были незыблемыми вещами, которые нельзя скрывать, даже если они угрожают дружбе. Суд над офицером Графом вогнал клин между ней и Джейн, напомнив Мауре, как невероятна была их дружба с самого начала. Когда она завязывала свой медицинский халат, то боялась столкнуться не с трупом, а с Джейн.

Глубоко вздохнув, она толкнула дверь.

Ее помощник, Йошима, уже поместил тело на стол для вскрытия. На подносе рядом с ним лежала отрезанная рука, покрытая хирургической салфеткой. Остро осознавая, что Йошима слышит их разговор, Маура по-деловому кивнула и произнесла:

— Разве Фрост не присоединится к нам?

— Он проспал, но детектив Джонни Тэм на пути сюда. Думаю, ему не терпится посмотреть, как ты начнешь резать.

— Детектив Тэм, кажется, стремится проявить себя.

— Мне кажется, он глаз отдаст за вступление в убойный отдел. И из того, что я видела до сих пор, он вполне может туда попасть, — она повернулась. — Легок на помине.

Через смотровое окно Маура увидела, что Тэм уже приехал и надевает хирургический халат. Мгновение спустя он вошел, черные как смоль волосы были спрятаны под бумажной шапочкой. Джонни подошел к столу, его взгляд был спокоен и бесстрастен, когда сосредоточился на закрытом теле.

— Прежде чем мы начнем, Тэм, — пояснила Джейн, — я просто хочу показать вам, что блевательная раковина — это вон там.

Он пожал плечами.

— Она мне не понадобится.

— Это вы сейчас говорите.

— Мы начнем с легкой части, — сказала Маура, и открыла поднос с отрубленной рукой. Она выглядела как пластиковая. Неудивительно, что тургруппа приняла ее за хэллоуинскую подделку с фальшивой кровью. Ее уже исследовали и нашли следы выстрелов из пистолета. Отпечатки пальцев этой руки также обнаружились на рукоятке «Хеклер и Кох», не оставив никаких сомнений в том, что жертва выпустила пули, оставившие пять гильз на крыше. Маура взяла лупу и рассмотрела разрубленное запястье.

— Разрез проходит прямо между дистальным отделом лучевой кости и полулунной костью, — сказала она. — Но я вижу здесь большой осколок трехгранной кости.

— И что это означает? — спросила Джейн.

— Что-то сделало этот разрез, разрубив кость запястья. А эти кости очень прочные.

— Значит, это было очень острое лезвие.

— Достаточно острое, чтобы разрубить одним взмахом, — Маура подняла глаза. — Я не вижу никаких признаков других разрезов.

— Просто скажи мне, что рука подходит к этому телу.

Маура повернулась к столу и расстегнула мешок с телом. Пластик разделился, освобождая тошнотворный запах охлажденного мяса и запекшейся крови. Труп внутри все еще был полностью одет, голова откинута назад, обнажая зияющую рану шеи. Пока Йошима делал снимки, взгляд Мауры был направлен на золотисто-каштановые волосы в запекшейся крови. Красивые волосы, подумала она, и красивая женщина. Женщина, которая была вооружена и стреляла в кого-то на той крыше.

— Доктор Айлз, у нас есть улика — какой-то волосок, — произнес Йошима. Он склонился над черной толстовкой трупа, вглядываясь в светлую нить, зацепившуюся за рукав.

Маура подцепила ее пинцетом и изучила на свету. Нить была около двух дюймов в длину, серебристо-серой и немного изогнутой. Она взглянула на труп.

— Очевидно, что это не ее волос.

— Взгляни, вон еще один, — заметила Джейн, указывая на вторую нить, прицепившуюся к черным леггинсам жертвы.

— Возможно, шерсть животного, — предположил Йошима, — например, золотистого ретривера.

— Или, может быть, она подцепила это от седовласого дедушки.

Маура разложила волоски по конвертам для улик и отложила в сторону.

— Хорошо, давайте разденем ее.

Первым делом они сняли единственное ювелирное изделие, которое она носила на левом запястье — черные швейцарские часы «Ганова». Затем обувь, черные кроссовки «Рибок», толстовку и футболку с длинными рукавами, хлопчатобумажные трусики и спортивный бюстгальтер. Под всем этим обнаружилось тело в отличной форме, стройное, но мускулистое. Маура когда-то слышала, как один профессор анатомии утверждал, что за годы

вскрытий он никогда не встречал привлекательного трупа. Эта женщина могла бы стать исключением из этого правила. Несмотря на зияющую рану, трупные пятна на спине и ягодицах, несмотря на стеклянные глаза, она все еще была потрясающе красива.

Наконец труп был полностью раздет, Маура и два детектива вышли из комнаты, чтобы Йошима мог сделать рентгеновские снимки. В передней они наблюдали через окошко, как он надел рентгенозащитный фартук и достал картриджи с пленкой.

— Женщину вроде нее, — произнесла Маура, — непременно станут разыскивать.

— Ты говоришь так, потому что она красивая? — усмехнулась Джейн.

— Я так говорю, потому что она выглядит невероятно подтянутой, у нее отличные зубы, и те леггинсы, что были на ней, они от Донны Кэран.

— Пожалуйста, вопрос от невежественного человека, — вмешался Тэм. — Это означает, что они дорогие?

Джейн сказала:

— Держу пари, доктор Айлз может назвать вам точную цену.

— Дело в том, — продолжала Маура, — что она не какая-то уличная бродяжка без гроша в кармане. У нее было много наличных, и она была вооружена «Хеклер и Кох», а это, как я понимаю, не обычный уличный пистолет.

— Еще у нее не было удостоверения личности, — добавил Тэм.

— Его могли украсть.

— Но что за вор оставил бы триста баксов? — Тэм покачал головой. — Это было бы странно.

В смотровом окне Маура увидела, как Йошима помахал рукой.

— Он закончил, — сказала она и открыла дверь назад в лабораторию.

В первую очередь Маура осмотрела разрубленную шею. Как и разрез, ампутировавший руку, эта рана появилась за один взмах, сделанный без колебаний. Поднеся рулетку к ране, Маура сообщила:

— Почти восемь сантиметров глубиной. Рассекает трахею и проникает до шейного отдела позвоночника. — Она переместила рулетку. — Шире, чем в глубину, около двенадцати сантиметров от одного края до другого. Не колотая рана, а глубокий разрез. — Она сделала паузу, изучая раскрытый разрез. — Он необычно гладкий. Здесь нет ни зазубрин, ни повторных разрезов. Нет раздробленностей и раздавленностей. Это произошло так быстро, что у жертвы не было никакого шанса защититься. — Она приподняла голову трупа и наклонила ее вперед. — Кто-нибудь может удерживать череп в этом положении? Я хочу соединить края раны.

Без каких-либо колебаний детектив Тэм шагнул вперед и обхватил голову жертвы руками в перчатках. Хотя человеческое тело можно рассматривать всего лишь как безличные кожу, кости и мышцы, лицо трупа показывает больше, чем хотят видеть большинство полицейских. Правда, Джонни Тэм не прятал свой взгляд. Он смотрел прямо в глаза мертвой женщины, словно надеясь, что те смогут дать ответы на множество его вопросов.

— Вот так, прямо сюда, — бормотала Маура, водя лупой по коже. — Я не вижу никаких отметок от зубцов. Ничего, что сказало бы мне, каким ножом… — Она замолчала.

— Что? — спросила Джейн.

— Этот угол разреза странный. Не похож на обычный.

— Да, обычно они такие скучные.

— Представь, как бы ты разрезала горло, — продолжала Маура. — Чтобы проникнуть так глубоко до самых позвонков, тебе потребовалось бы подойти сзади. Ты бы схватила жертву за волосы, притянула голову назад и сделала бы разрез от уха до уха.

— Метод коммандос, — сказал Тэм.

— Подкрасться сзади — такой подход позволяет управлять жертвой и максимально глубоко проникнуть в горло. И это обычно оставляет изогнутые разрезы, когда края раны почти соприкасаются друг с другом. Но этот порез находится под углом, немного вверх, справа налево. Он был сделан, когда голова находилась в прямом положении, а не была

наклонена назад.

— Возможно, убийца стоял прямо перед ней, — предположила Джейн.

— Тогда почему она не сопротивлялась? Нет никаких синяков, указывающих на борьбу. Почему она просто стояла, пока кто-то практически отрезал ей голову?

Йошима произнес:

— Я подготовил снимки.

Все они повернулись к негатоскопу, где сейчас висели рентгенограммы, кости выделялись белым на подсвеченном экране. В первую очередь Маура сосредоточилась на снимках правой культи и отрезанной руки, мысленно сравнивая углы пересечения трехгранной кости. Они были идентичны.

— Это определенно ее рука, — подтвердила Маура.

— Я ни на секунду в этом не сомневалась, — хмыкнула Джейн.

Затем Маура сосредоточилась на снимках шеи, всматриваясь в разрывы мягких тканей, где была так чисто разделена плоть. Ее взгляд мгновенно сфокусировался на светлом осколке в шейном позвонке.

— Ты сделал снимок сбоку этого отдела позвоночника?

Йошима явно ожидал этого, потому что сразу опустил руку, вытянул снимки и развесил новые рентгенограммы, но этот раз вид шеи сбоку.

— Я заметил эту штуку раньше. Подумал, ты захочешь получить подробную информацию о ней.

Маура вгляделась в боковой снимок пятого шейного позвонка. Объект, тоненький осколок, был виден и на этом снимке.

— Что это? — спросила Джейн, подвигаясь поближе.

— Нечто металлическое, и оно врезалось в переднюю часть пятого позвонка, — она развернулась к столу для вскрытия. — Думаю, часть лезвия откололась, когда убийца полоснул им, и осколок застрял в ее шейном позвонке.

— Это означает, что у нас есть возможность проанализировать металл, — сказала Джейн, — определить, кто изготовил нож.

— Не думаю, что это был нож, — ответила Маура.

— Топор?

— Топор оставил бы щель, и мы увидели бы значительные повреждения мягких тканей. У нее таких нет. Этот разрез тонкий и длинный. Он сделан лезвием, тонким как бритва, и достаточно длинным, чтобы практически разрубить шею одним взмахом.

— Как у мачете? — спросила Джейн.

— Или меча.

Джейн посмотрела на Тэма:

— Мы ищем Зорро. — Ее смех прервал звук звонка мобильника. Она сняла перчатки и потянулась за телефоном, закрепленным на ремне. — Риццоли.

— Вы прежде видели раны от меча, доктор Айлз? — спросил Тэм, все еще изучающий снимок.

— Однажды, в Сан-Франциско. Мужчина до смерти изрубил свою девушку самурайским мечом.

— Анализ металла сможет показать, был ли это самурайский меч?

— В наше время они массового производства, так что, скорее всего, он нам не поможет, разве что мы найдем само оружие. Тем не менее, никогда не знаешь, когда небольшая улика вроде этой окажется кусочком паззла, необходимым для изобличения преступника. — Она взглянула на Тэма, лицо которого было залито сиянием светового табло. Хотя бумажная шапочка и прикрывала его волосы, она снова поразилась их яркости. И отсутствию чувства юмора. — Вы задаете хорошие вопросы, — заметила она.

— Всего лишь пытаюсь учиться.

— Риццоли — умный полицейский. Держитесь ее, и у вас все получится.

— Тэм, — заявила Джейн, вешая трубку, — оставайтесь и закончите здесь. Я должна

идти.

— Что-то случилось?

— Это был Фрост. Мы нашли машину жертвы.

Четвертый этаж крытой парковки на Тайлер Стрит был почти пуст, но синяя «Хонда-Цивик» одиноко стояла в дальнем углу. Это был тусклый и уединенный участок, место подобного рода выбирают, если не хотят, чтобы кто-то увидел, как вы идете к автомобилю. Пока Джейн и Фрост проверяли автомобиль, их зрителями были работник парковки и два офицера полиции, которые обнаружили машину этим утром.

— На приборной панели есть парковочный талончик с отметкой времени — двадцать часов пятнадцать минут среды, — сказал Фрост. — Я проверил запись камеры слежения, на ней видно, как «Хонда» въезжает сюда в это время. Через пять минут женщина выходит из гаража. На голове капюшон, поэтому лица не видно, но выглядит похожей на нашу жертву. С тех пор автомобиль не покидал парковки.

Пока Фрост рассказывал, Джейн медленно обошла вокруг «Хонды». Этой модели было три года, серьезные вмятины и царапины отсутствуют. Шины в хорошем состоянии. Багажник открыт, крышка поднята для проверки внутренностей.

— Номерные знаки были пять дней назад украдены в Спрингфилде, — продолжал Фрост, — автомобиль угнан неделю назад, тоже в Спрингфилде.

Джейн нахмурилась, заглянув в багажник, оказавшийся пустым за исключением запасного колеса.

— Ничего себе, здесь намного чище, чем у меня.

Фрост рассмеялся:

— Это можно сказать о большинстве автомобилей.

— Сказал парень с ОКР.[10]

— Непохоже, что ее недавно открывали. В бардачке лежат документы и страховой полис настоящего владельца. И тебе понравится то, что осталось на переднем сиденье, — он натянул перчатки и открыл дверь со стороны водителя. — Портативный GPS.

— Почему всегда именно ты находишь интересные вещи?

— Предполагаю, это совсем новенький прибор, потому что в него введены всего два адреса. Оба в Бостоне.

— Где?

— Первый — квартира в Роксбери Кроссинг, принадлежащая Лу Ингерсоллу.

Джейн с удивлением уставилась на него:

— Это случайно не детектив Лу Ингерсолл?

— Он самый. По этому адресу он числится в базе данных.

— Когда он уволился из убойного? Шестнадцать, семнадцать лет назад?

— Шестнадцать. Никак не могу с ним связаться. Я позвонил его дочери, и она говорит, что Лу отправился на север, чтобы недельку порыбачить. Там, где он находится, может не быть мобильной связи. Или он выключил свой телефон, чтобы не отвлекаться.

— А что насчет второго адреса в GPS?

— Это студия, здесь, в Чайнатауне. Называется «Академия боевых искусств „Дракон и Звезды“». Тамошний автоответчик сообщил, что они открываются в полдень, — Фрост взглянул на часы. — То есть, десять минут назад.

Глава седьмая

---

[10] ОКР (мед.) — обсессивно-компульсивное расстройство, характеризуется развитием навязчивых мыслей, воспоминаний, движений и действий, а также разнообразными патологическими страхами. Одно из распространенных навязчивых действий у страдающих ОКР — частое мытье рук и патологическая страсть к чистоте.

Академия боевых искусств «Дракон и Звезды» расположилась на втором этаже кирпичного здания на Харрисон-авеню, и пока Джейн и Фрост поднимались по узкой лестнице, то слышали песнопения, кряхтение, топот ног и уже из раздевалки почуяли запах пота. Внутри студии с десяток учеников в черных кимоно двигались с такой сосредоточенностью, что ни один из них, казалось, не заметил вторжения двух детективов. За исключением выцветших постеров с изображениями боевых искусств, это была абсолютно пустая комната с голыми стенами и обшарпанным деревянным полом. С минуту Джейн и Фрост незамеченными стояли у двери, наблюдая, как группа прыгает и отрабатывает удары ногами.

Внезапно молодая азиатка вышла из боевой стойки и приказала:

— Продолжайте тренировку! — Затем она пересекла комнату, направляясь к двум посетителям. Она была грациозной, словно танцовщица, кожа блестела от пота, но, несмотря на свои упражнения, девушка не выглядела запыхавшейся. — Могу я помочь вам? — спросила она.

— Мы из управления полиции Бостона. Я детектив Джейн Риццоли, а это детектив Фрост. Мы хотели бы поговорить с владельцем этой студии.

— Я могу увидеть ваши документы? — Просьба была резкой и совсем не тем, чего Джейн могла ожидать от кого-то, выглядящего как ученица средней школы. В то время как девушка изучала удостоверение Джейн, Джейн изучала девушку. Возможно, она не так молода, как изначально показалось. Около двадцати лет; судя по произношению, американская китаянка с татуировкой тигра на левом предплечье. Со своими короткими торчащими волосами и угрюмым взглядом, она походила на азиатскую версию девушки-гота, маленькую, но опасную.

Девушка вернула удостоверения.

— Вижу, вы из убойного. Зачем вы здесь?

— Сначала я бы хотела узнать, как вас зовут, — произнесла Джейн, вынимая записную книжку.

— Белла Ли. Я преподаю в начальном и среднем классах.

— Ваши ученики невероятны, — Фрост до сих пор с восхищением смотрел на то, как прыгает и кружится группа.

— Это средний класс. Они репетируют демонстрацию боевых искусств для выступления в Нью-Йорке в следующем месяце. Сейчас они используют движения леопарда.

— Леопарда?

— Это одна из древних техник животных Северного Китая. Леопард полагается на скорость и агрессию, которую вы и видите в этом упражнении. Каждая техника животного — отражение природы этого существа. Змея хитрая и скользкая. Аист отличается спокойствием и равновесием. Обезьяна быстрая и умная. Студенты выбирают, какое животное больше всего соответствует их собственной личности, и изучают этот стиль.

Фрост засмеялся:

— Это похоже на то, что показывают в фильмах про кунг-фу.

Его замечание было встречено ледяным взглядом.

— Надлежащее название этого искусства — ушу, и оно было изобретено тысячи лет назад. То, что вы видели в этих фильмах — дерьмовая голливудская подделка. — Она замолчала, когда ее класс закончил свои упражнения и, замерев, смотрел на нее, ожидая дальнейших инструкций. — Возьмите мечи. Практикуйте спарринг, — приказала она, и ученики направились к стойке с оружием, где расположились их деревянные мечи для тренировок.

— Мы можем поговорить с владельцем? — спросила Джейн.

— *Сифу* Фэнг в задней комнате, занимается с частным учеником.

— Как пишется это имя? Вы сказали Ши…

— *Сифу* это не имя, — ответила Белла, — это китайское слово, означающее «мастер» или «учитель». Знак уважения.

— Тогда можем ли мы поговорить с *мастером* ? — Джейн взорвалась, раздраженная отношением девушки. — Это не светский визит, мисс Ли. Это официальное дело.

Белла обдумывала ее требование. Студенты начали спарринг-тренировку, и в комнате раздалось клацанье деревянных мечей.

— Минутку, — наконец произнесла она. Девушка постучала в дверь, ради приличия выждала немного, прежде чем открыть ее, и объявила: — *Сифу* , здесь двое полицейских хотят увидеться с тобой.

— Впусти их, — ответил голос. Женский.

В отличие от гибкой молодой Беллы Ли, китаянка, поднявшаяся со своего стула, чтобы поприветствовать их, двигалась медленно, словно боролась с болями в суставах, хотя ей было не больше пятидесяти. Средний возраст едва проявился на ее лице, а в длинных черных волосах было всего несколько серебряных прядок. Она взглянула на них с достоинством императрицы. Хотя она была ниже Джейн, царственная поза, казалось, делала ее гораздо выше. Рядом с ней стоял маленький белокурый мальчик лет шести, одетый в кимоно и сжимающий в руках деревянный посох, почти одной высоты с ним самим.

— Я Ирис Фэнг, — сказала женщина. — Чем могу вам помочь? — Ее акцент подсказал Джейн, что женщина родилась не в Америке.

— Детектив Риццоли и детектив Фрост, — произнесла Джейн. Она бросила взгляд на маленького мальчика, который смотрел на нее без малейшего страха. — Ваш ученик может выйти? Нам нужно поговорить наедине, мэм.

Ирис кивнула.

— Белла, отведи Адама в другую комнату, где он подождет мать.

— Но *Сифу* , — запротестовал мальчик, — я хочу показать вам, как я тренируюсь с обезьяньим посохом!

Ирис улыбнулась ему.

— Покажешь на следующей неделе, Адам, — сказала она, ласково взъерошив пальцами его волосы. — Обезьяны также должны обучаться терпению. А теперь иди. — Улыбка оставалась на ее губах, пока Белла выводила мальчика из комнаты.

— Этот парнишка изучает боевые искусства? — спросил Фрост.

— У него есть талант и страсть. Я не трачу силы на всех подряд. — Улыбка исчезла с лица Ирис, пока она рассматривала своих посетителей неприветливым взглядом. Ее глаза остановились на Джейн, словно она решила для себя, какой из двух посетителей имеет значение. — Зачем полиции приходить в мою студию?

— Мы из отдела по расследованию убийств, — ответила Джейн. — Нам нужно задать вам несколько вопросов о том, что произошло в Чайнатауне прошлой ночью.

— Полагаю, они будут о мертвой женщине на крыше?

— Так вы уже в курсе.

— Все говорят об этом. Это небольшой район, и как в любой китайской деревне, здесь есть свои сплетники и кумушки. Они говорят, что ее горло было разрезано, а руку сбросили с крыши. И утверждают, что у нее было оружие.

Кем бы *они* не были, эти люди знали чертовски много, подумала Джейн.

— Эти истории правдивы? — спросила Ирис.

— Мы не можем рассказывать об этом, — ответила Джейн.

— Но именно поэтому вы здесь, не так ли? Чтобы поговорить об этом? — спокойно произнесла Ирис.

С мгновение они рассматривали друг друга, и Джейн вдруг поняла: *не я одна ищу информацию.*

— У нас есть фотографии, которые хотелось бы вам показать, — проговорила она.

— Есть причина, по которой вы спрашиваете именно меня? — уточнила Ирис.

— Мы опрашиваем много народа в этом районе.

— Но я впервые слышу о каких-либо фотографиях. И думаю, что я бы знала об этом.

— Сначала нам нужно показать Вам фото. Тогда и поговорим о том, почему

показываем их именно вам. — Джейн посмотрела на Фроста.

— Сожалею, что вам придется увидеть это, мэм, — извинился он. — Это может немного вывести вас из равновесия. Может быть, вам лучше для начала сесть?

Его спокойный уважительный тон, казалось, растопил немного льда в глазах женщины, и она кивнула.

— Сегодня я чувствую себя немного усталой. Пожалуй, я присяду, спасибо.

Фрост мгновенно придвинул стул поближе, и Ирис опустилась на него с вздохом облегчения, который дал им понять, насколько она благодарна за этот жест. Только тогда Фрост достал цифровой снимок, который Маура отправила по электронной почте из морга. Хотя рана жертвы была благоразумно прикрыта простыней, бледность лица, обвисшая челюсть и наполовину раскрытые глаза не оставляли сомнений, что это было фото покойницы.

Молча, Ирис с минуту рассматривала снимок, выражение ее лица оставалось неизменным.

— Мэм? — спросил Фрост. — Вы узнаете ее?

— Она красива, не так ли? — сказала Ирис и подняла глаза. — Но я ее не знаю.

— Вы уверены, что никогда ее не видели?

— Я живу в Чайнатауне уже тридцать пять лет, с тех пор как мой муж и я эмигрировали из Тайваня. Если бы эта женщина бывала в моем районе, я бы ее знала. — Она посмотрела на Джейн: — Это все, что вы хотели у меня узнать?

Джейн не сразу ответила, потому что заметила пожарную лестницу, протянувшуюся за окном. Из этой комнаты, думала она, ты могла бы попасть на крышу. Это означает, что у тебя есть доступ на все крыши в этом квартале, в том числе и на ту, где погибла жертва. Она повернулась к Ирис.

— Сколько сотрудников здесь работают?

— Я главный инструктор.

— Что насчет той молодой девушки, которая отвела нас сюда? — Джейн взглянула на имя в блокноте. — Белла Ли.

— Белла Ли со мной уже почти год. Она обучает некоторые классы, и занимается с частными учениками.

— Вы упомянули своего мужа. Мистер Фэнг тоже работает здесь?

— Мой муж умер, — тихо сказала она, — Джеймс ушел девятнадцать лет назад.

— Мне жаль, миссис Фэнг, — произнес Фрост почтительно, и было очевидно, что это он действительно имел в виду.

На минуту воцарилась тишина, за исключением громкого треска деревянных мечей из соседней комнаты, где класс занимался спаррингом.

— Я единственная владелица этой школы, — заявила Ирис, — так что, если у вас есть вопросы, спрашивайте только меня. — Она выпрямилась. Ее самообладание вернулось, и взгляд остановился на Джейн, словно та поняла, кто больше всего сомневается в ее словах. — Почему вы считаете, что я могу знать эту мертвую женщину?

Они больше не могли избегать вопроса. Джейн ответила:

— Сегодня утром мы нашли автомобиль жертвы, припаркованный в гараже Чайнатауна. В нем было устройство GPS, и один из адресов в памяти ваш.

Ирис нахмурилась:

— Этот адрес? Моя студия?

— Она была пунктом назначения жертвы. Вы знаете, почему?

— Нет, — ответ был незамедлительным.

— Могу ли я спросить, где вы были в среду вечером, миссис Фэнг?

Ирис замолчала, ее глаза сузились, когда она взглянула на Джейн.

— Я занималась с вечерним классом. Затем пошла домой.

— В какое время вы ушли отсюда?

— Около десяти. Я была дома в десять пятнадцать. Это в нескольких минутах ходьбы,

в Тай Дун Виллидж. Я живу на Гудзон-стрит, буквально на краю Китайского квартала.

— Кто-нибудь шел с вами?

— Я была одна.

— И живете вы одна?

— У меня нет семьи, детектив. Мой муж ушел, а моя дочь… — Она замолчала. — Да, я живу одна, — заявила женщина, и ее подбородок вздернулся, словно предотвращая любую жалость, которую мог вызвать этот ответ. Но в ее глазах промелькнул предательский блеск, слезы, которые она быстро смахнула, несколько раз моргнув. Сквозь маску неуязвимости проскользнула женщина, по-прежнему не оправившаяся от потери.

В соседней комнате занятия закончились, и они услышали топот ног, спускающихся по лестнице. Ирис посмотрела на настенные часы и произнесла:

— Скоро придет мой следующий ученик. Мы закончили?

— Не совсем, — сказала Джейн, — у меня еще один вопрос. В GPS-навигаторе был еще один адрес. Это квартира, здесь, в Бостоне. Вы знакомы с детективом в отставке по имени Лу Ингерсолл?

В одно мгновение все краски исчезли с лица женщины. Она сидела, замерев, лицо стало твердым, как камень.

— Миссис Фэнг, вы в порядке? — спросил Фрост. Он коснулся ее плеча, и женщина вздрогнула, словно от огня.

Джейн спокойно произнесла:

— Так вам знакомо это имя.

Ирис сглотнула.

— Я встретила детектива Ингерсолла девятнадцать лет назад. Когда умер мой муж. Когда он… — Ее голос утих.

Джейн и Фрост переглянулись. *Ингерсолл работал в убойном отделе.*

— Миссис Фэнг, — произнес Фрост. На этот раз, когда он коснулся ее, она не дрогнула, но сняла его руку со своего плеча. — Что случилось с вашим мужем?

Ирис опустила голову, и ответила почти шепотом:

— Он был застрелен. В ресторане «Красный феникс».

Глава восьмая

Из окна своей студии я вижу, как два детектива выходят из моего дома и останавливаются ниже по улице. Они смотрят вверх, и хотя каждый инстинкт велит мне отступить назад, я упорно остаюсь на виду, зная, что они видят, как я наблюдаю за ними. Я отказываюсь прятаться от друзей или врагов, поэтому мое лицо за стеклом, мой взгляд, сосредоточены на женщине. ДЕТЕКТИВ ДЖЕЙН РИЦЦОЛИ, сказано на визитке, которую она мне оставила. На первый взгляд, она вряд ли кажется бойцом, обычная трудолюбивая женщина в сером брючном костюме и практичной обуви, со спутанной шапкой темных локонов. Но ее глаза открывают много другого. Они ищут, наблюдают и оценивают. У нее глаза охотника, и она пытается решить, являюсь ли я добычей.

Я бесстрашно стою на виду, где она и остальной мир могут видеть меня. Они могут изучать меня, как пожелают, но все, что увидят — тихую и скромную женщину, с прядками первого легкого снега прожитых лет в моих волосах. Старость все еще, несомненно, далеко, но сегодня я чувствую ее неустанное приближение. Я знаю, что мой запас времени, чтобы закончить начатое, уже на исходе. И из-за этого визита двух детективов придется отклониться от избранного пути, чего я не ожидала.

Два детектива, наконец, ушли с улицы. Вернулись к охоте.

— Какие-то проблемы, *Сифу* ?

— Не знаю. — Я оборачиваюсь, чтоб посмотреть на Беллу, и в который раз поражаюсь, до чего безупречна и молода ее кожа, даже в ярком свете, бьющем через окно. Единственный изъян — шрам на подбородке, следствие невнимательности во время спарринг-тренировки.

Это была ошибка, которая больше не повторилась. Она держится прямо, бесстрашно и уверенно. Возможно, чересчур уверенно, на поле боя высокомерие может стать фатальным.

— Зачем они сюда приезжали? — спрашивает она.

— Они детективы. Их работа — задавать вопросы.

— Ты узнала что-нибудь еще о женщине? Кто она такая, кто ее послал?

— Нет, — я снова смотрю в окно, на прохожих, идущих по Харрисон-авеню. — Но кем бы она ни была, она знала, как меня найти.

— Она не станет последней, — мрачно произносит Белла.

Ей нет необходимости предупреждать меня; мы обе знаем — спичка зажглась, и запал уже горит.

В своем кабинете я опускаюсь в кресло и рассматриваю фотографию в рамке на моем столе. Мне не обязательно смотреть на это фото, настолько крепко изображение врезалось в память. Я беру его в руки и улыбаюсь. Я знаю точную дату, когда был сделан этот снимок, потому что это был День Рождения моей дочери. Матери могут забыть многое, но мы всегда помним день, когда родились наши дети. Но фото Лоре четырнадцать. Мы стоим вместе перед Бостонским Симфоническим Дворцом, куда мы ходили слушать выступление Джошуа Белла. Весь месяц перед концертом Лора только и говорила, Джошуа Белл то, Джошуа Белл се. *Разве он не красавчик, мамочка? Не правда ли, его скрипка практически поет?* На фото Лора все еще сияла оттого, что увидела выступление своего кумира. Мой муж, Джеймс, тоже был с нами в тот вечер; его нет ни на одном нашем фото, потому что он всегда держал фотоаппарат. Как бы мне сейчас хотелось хотя бы разок забрать фотоаппарат из его рук и сделать снимок любимого лица в очках. Но в мою голову никогда не приходила мысль о том, что эта возможность, такая драгоценная, внезапно исчезнет. Поэтому его улыбка живет только в моей памяти, его образ застыл в возрасте тридцати семи лет. Мой вечно молодой муж. Слеза капает на рамку, и я возвращаю фотографию на стол.

Их обоих уже нет. Сначала дочь, потом мужа вырвали из моих рук. Как можно жить, когда твое сердце дважды вырезали из груди? Тем не менее, я здесь, все еще жива, все еще дышу.

Пока что.

Глава девятая

— Я очень хорошо помню резню в «Красном Фениксе». Это был классический случай *амока* ,[11] — психолог-криминалист доктор Лоуренс Цукер откинулся на спинку стула, глядя поверх стола на Джейн и Фроста тем проникающим взглядом, который всегда заставлял Джейн чувствовать себя неуютно. Хотя Фрост сидел рядом с ней, казалось, Цукер смотрел только на нее, взгляд сканировал ее разум, выискивая тайны, словно Джейн была единственным предметом его любопытства. Цукер уже знал слишком много ее секретов. Он был свидетелем ее тернистого восхождения в убойном отделе, когда Джейн еще была единственной женщиной среди двенадцати детективов и боролась за то, чтобы ее признали равной. Он знал о ночных кошмарах, преследовавших ее после серии особо жестоких убийств, совершенных преступником по кличке Хирург. И он знал о шрамах, которые навсегда остались на ее ладонях, в которые этот убийца воткнул скальпель, пронзив ее плоть. Всего одним взглядом Цукер проник сквозь все ее баррикады к внутренним ранам, и Джейн злилась на то, какой уязвимой это заставило ее себя почувствовать.

---

[11] Амок — психическое заболевание, одна из разновидностей сумеречного состояния сознания. Проявляется в виде приступов нарушения сознания, которые возникают внезапно или после некоторого периода расстройства настроения. Больной начинает метаться, бессмысленно уничтожая всё вокруг. По окончании приступа остаются смутные воспоминания о случившемся или же вовсе отсутствуют. Амок как немотивированный приступ слепого агрессивного возбуждения, сходный с эпилептическим, используется в качестве синонима состояния неконтролируемого бешенства.

Она сосредоточилась на открытой папке, лежащей на столе. Там хранился его отчет о «Красном Фениксе» девятнадцатилетней давности, в том числе психологический портрет Ву Вэйминя, китайского повара, ответственного за стрельбу. Она знала, Цукер был дотошным и обстоятельным клиницистом, чьи исследования иногда простирались на бесконечные десятки страниц, поэтому Джейн удивилась появлению столь тонкой папки.

— Это весь ваш отчет? — уточнила она.

— Это все, что я внес в расследование. Включает в себя посмертный психологический портрет мистера Ву, а также четыре отчета о жертвах. Копия всего этого должна храниться в архиве управления полиции Бостона. Детектив Ингерсолл вел это дело. Вы говорили с ним?

— Он уехал из города на всю неделю, и у нас не было возможности связаться с ним, — ответил Фрост. — Его дочь говорит, что он где-то на севере, на какой-то рыбацкой турбазе, где нет сотовой связи.

Цукер вздохнул:

— Должно быть, отставка идет ему на пользу. Кажется, он ушел из полиции давным-давно. Как он сейчас, в свои семьдесят?

— Которые для копа идут за сто десять, — с улыбкой произнес Фрост.

Джейн заставила их вернуться к главной теме:

— Другим детективом, расследовавшим эти убийства, был Чарли Стейнс, но он умер. Поэтому надеемся, что вы могли бы поделиться своим взглядом на дело.

Цукер кивнул:

— Картина произошедшего стала ясна уже на месте преступления. Мы знаем, что повар, китайский иммигрант по имени Ву Вэйминь, вошел в обеденный зал и принялся стрелять по четверым людям. Первым погибшим был мужчина по имени Джоуи Гилмор, который заскочил заказать еду на вынос. Жертвой номер два был официант, Джеймс Фэнг, считавшийся близким другом повара. Жертвы три и четыре — супружеская пара Мэллори, которые сидели за столиком. В финале повар вошел в кухню, приставил оружие к виску и покончил с собой. Это был случай *амока* с последующим самоубийством.

— В ваших устах *амок* звучит как клинический термин, — сказал Фрост.

— Так и есть. Это малазийское слово для явления, которое капитан Кук описал еще в конце 1700-х годов, когда жил среди малайцев. Он описывал случаи убийства без видимого мотива, в которых человек — почти всегда мужчина — впадал в безумство и убивал. Убийца уничтожал всех в пределах досягаемости. Капитан Кук считал, что такое поведение свойственно Юго-Восточной Азии, но сейчас ясно, что это происходит по всему миру, в каждой культуре. В настоящее время это явление получило труднопроизносимое название ВМНСОЧ.

— И что это означает?

— Внезапное Множественное Нападение, Совершенное Одним Человеком.

Джейн глянула на Фроста.

— Так же известное, как постал.[12]

Цукер метнул в нее неодобрительный взгляд:

— Что несправедливо по отношению к почтовым работникам. ВМНСОЧ случается во всех профессиях. Синие воротнички, белые воротнички.[13] Молодые, старые. Женатые,

---

[12] Постал — название произошло от американской идиомы «going postal», возникшей после серии убийств почтовыми работниками своих сослуживцев в период с 1986 по 1997 год. Первым убийцей был Патрик Шеррилл из города Эдмонд, Оклахома, который расстрелял четырнадцать сослуживцев, ранил ещё шестерых, а затем покончил с собой. Впоследствии этот случай послужил сюжетом для серии игр «Postal».

[13] Синий воротничок — (англ. *blue-collar worker*) — термин, обозначающий принадлежность работника к рабочему классу, представители которого, как правило, заняты физическим трудом с почасовой оплатой. Синие воротнички противопоставляются работникам сферы услуг и белым воротничкам, которые не занимаются физическим трудом.

одиночки. Но они почти всегда мужчины.

— Так что же общего у этих убийц? — спросил Фрост.

— Пожалуй, это можно предположить. Они часто изолированы от общества. У них проблемы с отношениями. Некоторые из переломных моментов, приводящих к нападению — потеря работы, развод. И, наконец, эти люди имеют доступ к оружию.

Джейн пролистала свою копию полицейского отчета.

— Это был «Глок-17» с удлиненным стволом, числился украденным в Джорджии годом ранее, — она подняла глаза. — Зачем иммигранту с зарплатой повара покупать «Глок»?

— Возможно, для защиты. Потому что он чувствовал угрозу?

— Вы психолог, доктор Цукер. Не хотите ответить?

Рот Цукера сжался:

— Нет, не хочу. Я не экстрасенс. И у меня не было возможности расспросить единственного близкого ему человека — жену. К тому времени, как управление полиции Бостона попросило моей консультации, она покинула город, и мы не знали, как ее найти. Мой психологический портрет мистера Ву основан на беседах с другими людьми, которые его знали. И этот список был длинным.

— Одной из тех людей была Ирис Фэнг, — сказала Джейн.

Цукер кивнул:

— Ах, да. Жена официанта. Я очень хорошо ее помню.

— По какой-то конкретной причине?

— Причина одна — она была красивой женщиной. Совершенно потрясающей.

— Мы только что с ней познакомились, — сказал Фрост, — она по-прежнему потрясающая.

— Правда? — Цукер полистал страницы в своей папке. — Давайте-ка посмотрим, когда я опрашивал ее, ей было тридцать шесть. Значит сейчас ей… пятьдесят пять. — Он взглянул на Фроста. — Должно быть, это азиатские гены.

Джейн почувствовала себя отвергнутой и уродливой сводной сестрой.

— Опустив тот факт, что вы считаете ее великолепной, что еще вы помните о миссис Фэнг?

— На самом деле, довольно много. Я разговаривал с ней несколько раз, потому что она была моим основным источником информации о Ву Вэймине. Это был мой первый год работы с полицией, и этот особенный инцидент был настолько ужасен, что его трудно не запомнить. Вы приходите в Чайнатаун для позднего ужина, и вместо того, чтобы наслаждаться курицей «гунбао»,[14] вас в конечном итоге убивает повар. Вот почему история привлекла так много внимания. Это заставило общественность почувствовать себя уязвимой, потому что жертвой мог стать любой. Плюс началась обычная истерия насчет опасных нелегальных иммигрантов. Как мистер Ву попал в страну, где раздобыл пистолет, и так далее, и тому подобное. Я только несколько лет как закончил свою докторскую программу,[15] и уже консультировал в одном из ярчайших дел года, — он остановился. — Это было неудачное выражение.

— Какое заключение вы вынесли о стрелке? — спросил Фрост.

---

[14] Курица «гунбао» (кит.) — классическое блюдо сычуаньской кухни, изобретенное в провинции Сычуань в западном Китае (в английском языке называется «kung pao chiken»). Готовится из кусочков куриного филе, обжаренных с арахисом и красным перцем Чили. Как и большинство блюд сычуаньской кухни, это острое блюдо с ярко выраженным вкусом.

[15] Докторская программа — в США большинство людей, стремящихся получить докторскую степень в психологии или в смежных с ней науках (например, степень доктора философии, психологии, педагогики, соц. работы), записываются на соответствующие программы в государственных или частных университетах, где психология — одна из нескольких специализаций.

— Он был довольно печальным персонажем, если честно. Приехал из провинции Фуцзянь и попал в США, когда ему было около двадцати лет. Невозможно назвать более точные даты из-за отсутствия документов. Всю информацию мы получили от миссис Фэнг, которая сказала, что мистер Ву был близким другом ее мужа.

— Который погиб в перестрелке, — добавил Фрост.

— Да. Несмотря на это, миссис Фэнг отказывалась говорить что-нибудь плохое о Ву. Она не верила, что это сделал он. Она называла его мягким и трудолюбивым. Сказала, у него было многое, ради чего стоило жить. Он обеспечивал жену и дочь, а также отправлял деньги семилетнему сыну от предыдущего брака.

— Так была и бывшая жена?

— В другом городе. Но Ву и его вторая жена, Ли Хуа, жили в Бостоне несколько лет. Они проживали в квартире прямо над рестораном, где он работал, и в основном держались обособленно. Возможно, боялись привлекать к себе внимание, потому что оба находились в Америке незаконно. Помимо этого, их жизнь мог осложнять язык, так как они говорили на мандаринском плюс у них был очень редкий диалект, известный как Минь.

— Хотя в Чайнатауне большинство говорит на кантонском, — уточнил Фрост.

Цукер кивнул:

— Эти диалекты совершенно разные, и уже одно это могло изолировать семью Ву ото всех. Так мужчина мог получить несколько источников стресса. Он скрывает свой нелегальный статус. Он изолирован. И у него есть семья, которую нужно содержать. Прибавьте к этому долгие часы работы, и каждый согласится, что подобная ситуация — большая нагрузка для любого человека.

— Это и сломало его? — спросила Джейн.

— Миссис Фэнг не знала. В неделю, когда произошла стрельба, она уезжала из страны навестить родственников. Я опрашивал ее после возвращения домой, когда она все еще находилась в состоянии шока. Единственное, на чем она настаивала снова и снова, было то, что Ву никогда бы никого не убил. Он, конечно же, не убивал ее мужа Джеймса, потому что мужчины были друзьями. Она также утверждала, что Ву даже не умел обращаться с оружием.

— Откуда она это знала? Она же не была за ним замужем.

— Ну, у меня не было возможности опросить жену Ву. Через несколько дней после стрельбы они с дочерью собрали вещи и исчезли. Тогда еще не было министерства внутренней безопасности, отслеживающего иностранцев, поэтому нелегалам было легко ускользнуть из поля зрения или совсем исчезнуть. Это и сделала жена Ву. Она испарилась. И даже Ирис Фэнг не имела представления, куда они отправились.

— Вы полностью доверяете словам миссис Фэнг. Откуда вы знаете, что она сказала правду? — хмыкнула Джейн.

— Возможно, вы посчитаете меня наивным, но я никогда не сомневался в ее искренности, ни разу. В ней есть что-то такое, — Цукер покачал головой. — Такая трагическая личность. Мне до сих пор жаль ее. Не представляю, как кто-то может пережить так много потерь, как она.

— Потерь?

— Она также потеряла свою дочь.

Джейн вдруг вспомнила слова Ирис о том, что она живет одна. Что не имеет семьи.

— Ее дочь умерла?

— Предполагаю, что да. Я не упомянул об этом в своем отчете, потому что это не имело отношения к инциденту в «Красном Фениксе». У Ирис и Джеймса была четырнадцатилетняя дочь, которая исчезла двумя годами ранее. Никаких следов девочки обнаружено не было.

— Иисусе, — проговорил Фрост, — мы и понятия не имели. Она ничего об этом не сказала.

— Она не из тех женщин, которые нуждаются в чьей-то жалости. Но я помню, что,

глядя в ее глаза, видел в них боль. Такую боль, которую я и вообразить не смогу. И, тем не менее, такую невероятную выдержку, — Цукер немного помолчал, словно почтив память о горе женщины.

Это была боль, которую Джейн и представить себе не могла. Она подумала о своей дочери Реджине, всего двух с половиной лет от роду. Представила, как пытается жить дальше, год за годом, не зная, жив или мертв ее ребенок. Только это уже могло довести женщину до безумия. *И затем вдобавок потерять еще и мужа…*

— После любой трагедии, — заявил Цукер, — всегда есть последствия. Но то, что произошло после событий в «Красном Фениксе», вышло за рамки и полностью раздавило ближайших родственников. Словно к этой резне прилагалось проклятье. И оно продолжает собирать все новые и новые жертвы.

В комнате внезапно стало холоднее. Настолько, что руки Джейн начало покалывать от мороза.

— Что вы имеете в виду, говоря о проклятье? — спросила она.

— В течение месяца произошло много плохих вещей. Детектив Стейнс неожиданно упал и умер от сердечного приступа. Лаборант, работавший на месте преступления, погиб в автокатастрофе. Жена детектива Ингерсолла умерла от инсульта. И, в конце концов, пропала одна девушка.

— Что за девушка?

— Шарлота Дион. Семнадцатилетняя дочь Дины Мэллори, одной из жертв, погибших в ресторане. Спустя несколько недель после того, как Дина была застрелена в «Красном Фениксе», Шарлотта исчезла во время школьной экскурсии. Ее так и не нашли.

Джейн внезапно услышала собственное сердцебиение, громко стучащее в ушах, будто барабан.

— И вы сказали, что дочь Ирис Фэнг тоже исчезла.

Цукер кивнул:

— Они исчезли с разницей в два года, но совпадение по-прежнему кажется жутким, не правда ли? У двух жертв из «Красного Феникса» пропали дочери.

— А *было ли* это совпадением?

— А чем еще это могло быть? Две семьи не были знакомы друг с другом. Фэнги — иммигранты, едва сводящие концы с концами. Родители же Шарлотты принадлежали к бостонской аристократии. Между ними не существовало никакой связи. С таким же успехом можно обвинить в этом проклятье «Красного Феникса», — он посмотрел на папку с делом. — Или, возможно, дело в этом здании. В Чайнатауне считают, что там обитают призраки. Говорят, что когда входишь внутрь, зло проникает в тебя, — он посмотрел на Джейн, — и следует за тобой до дома.

Глава десятая

Джейн не любила совпадения. В сложных хитросплетениях жизни они, конечно же, случались, но она всегда чувствовала потребность проверить, что соединило ниточки, действительно случайность или часть большого плана, схему которого можно увидеть, только если проследить, откуда тянутся эти нити. И вот, она сидит за своим столом, пытаясь сделать именно это — проследить за пятью разными ниточками, которые трагически пересеклись в ресторане Китайского квартала девятнадцать лет назад.

Папка с делом «Красного Феникса» не была особенно толстой. Для детективов из убойного отдела убийство-самоубийство[16] — это удачная находка, разновидность дела, которое подается на блюдечке с голубой каемочкой. Преступник очень кстати сам свершил

---

[16] Убийство-самоубийство (murder-suicide) — совмещение убийства и самоубийства, случай, когда лицо убивает одного или несколько человек, после чего кончает жизнь самоубийством.

правосудие, выпустив себе пулю в лоб. Полицейский отчет Стейнса и Ингерсолла делал основной акцент не на том, кто стрелял, а почему он это сделал, и их выводы основывались на том, что доктор Цукер уже рассказал Джейн и Фросту о Ву Вэймине.

Поэтому она перешла к четырем жертвам.

Жертвой номер один был Джоуи Гилмор, двадцать пять лет, родился и вырос в Южном Бостоне. В отчете о Гилморе было достаточно много информации, потому что тот имел судимость. Кража со взломом, незаконное проникновение, нападение и избиение. Эта судимость, а также имя его работодателя — «Мясные продукты Донохью оптом» — сразу же привлекли внимание Джейн. В полиции Бостона все были слишком хорошо знакомы с владельцем компании, Кевином Донохью, в связи с его глубокими и прочными связями с местной преступной группировкой. За последние четыре десятилетия Донохью продвинулся по служебной лестнице от рядового уличного бандита до одного из трех самых влиятельных имен в местной ирландской мафии. Правоохранительные органы точно знали, кем и чем был Донохью, они просто не могли доказать это в суде. Пока не могли.

Джейн вынула папку с фотографиями места преступления и достала снимок тела Джоуи Гилмора, лежавшего на полу, посреди беспорядочно разбросанных картонных коробок с едой. Он был убит одним выстрелом в затылок. Доктор Цукер мог называть это дело *амоком* , но на взгляд Джейн это было чертовски похоже на гангстерскую разборку.

Жертвой номер два был Джеймс Фэнг, тридцать семь лет, работал привратником, официантом и кассиром в ресторане «Красный феникс». Он и его жена Ирис эмигрировали из Тайваня шестнадцать лет назад, он прибыл в Соединенные Штаты как бакалавр со степенью в азиатской литературе. Работа в ресторане была всего лишь вечерней подработкой, в течение же дня он преподавал группе продленного дня факультативную программу в Районном Центре Китайского Квартала Бостона. Он и Ву Вэйминь описывались, как хорошие друзья, вместе проработавшие в «Красном Фениксе» пять лет. Ни о каких конфликтах между ними известно не было. Джейн не нашла в отчете упоминания о дочери Фэнга, Лоре, которая пропала за два года до этого. Возможно, Стейнс и Ингерсолл даже и не подозревали об этой трагедии, произошедшей в семье Фэнг.

Жертвами три и четыре была супружеская пара, Артур и Дина Мэллори из Бруклина, штат Массачусетс. Сорокавосьмилетний Артур был президентом и главным исполнительным директором инвестиционной фирмы «Уэллесли Груп». У сорокалетней Дины не имелось никакой профессии, судя по должности мужа, она не нуждалась в работе. Для обоих из них это был второй брак, соединивший две семьи. Первой женой Артура была Барбара Харт, и их сыну Марку исполнилось двадцать. Бывшего мужа Дины звали Патрик Дион, у них была дочь семнадцати лет. Полицейский отчет тщательно рассматривал вопрос, который автоматически задает себе каждый хороший следователь: всевозможные конфликты, которые привели жертв к разводам и повторным бракам.

> По словам сына Артура Мэллори, Марка Мэллори, отношения между семьями Мэллори и Дион были очень теплыми, несмотря на то, что Дина и Артур бросили своих первых супругов ради друг друга пять лет назад. Даже после развода и повторного брака, Дина Мэллори и ее бывший муж, Патрик, оставались в дружеских отношениях, и семьи часто собирались за общими праздничными обедами.

До чего невероятно цивилизованно это выглядело, подумалось Джейн. Жена Патрика уходит от него к другому мужчине, а потом они все вместе встречают Рождество. Это звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой, но информация поступила от Марка, сына Артура Мэллори, который был в курсе дела. Это была идеально восстановленная семья, все улыбаются и не конфликтуют. Она предполагала, что такое возможно, но не могла представить подобное по отношению к своей семье. Джейн попыталась вообразить воссоединение Риццоли, которое включало в себя отца, мать, девицу отца и нового парня матери, Винса Корсака. Тут оставалось только ждать начала побоища и делать ставки на

того, кто останется в живых.

Но у Мэллори и Дионов каким-то образом это сработало. Возможно, ради Шарлотты, которой было всего двенадцать, когда родители развелись. Как и большинство детей, чьи родители были в разводе, она, вероятно, курсировала между двумя семьями, бедная богатая маленькая девочка, мечущаяся между домами ее матери Дины и своего отца Патрика.

Джейн открыла последнюю страницу папки и нашла небольшое дополнение к отчету:

> Шарлотта Дион, дочь Дины Мэллори, пропала без вести 24-го апреля. Последний раз ее видели в окрестностях Фанейл Холла[17] во время школьной экскурсии. Согласно заявлению детектива Хэнка Бакхольца, улики указывают на вероятность похищения. Расследование продолжается.

Это дополнение от 28-го апреля было написано детективом Ингерсоллом.

Две пропавшие девочки, Лора Фэнг и Шарлотта Дион. Обе были дочерьми жертв, погибших в «Красном Фениксе», но в отчете ничто не указывало на то, что это было большее, нежели просто печальное совпадение. Именно так, как и сказал доктор Цукер. Иногда не существует ни системы, ни плана, а лишь слепая жестокость судьбы, не подсчитывающей, кому выпадает страдать слишком много.

— Знаете, Риццоли, все, что вам было нужно, это спросить меня.

Она подняла глаза и увидела Джонни Тэма, стоящего у ее стола.

— О чем спросить?

— О резне в «Красном Фениксе». Я тут столкнулся с Фростом. Он сказал, что вы двое изучаете все материалы по этому делу. Если бы вы спросили, я бы рассказал все об этом случае.

— Откуда вам знать об этом? Вам ведь, похоже, было лет восемь, когда это произошло?

— Я работаю в Чайнатауне, поэтому обязан знать о том, что там происходит. Знаете ли, китайцы до сих пор говорят о «Красном Фениксе». Это как незажившая рана. И она никогда не заживет, потому что все это связано с позором.

— С позором? Почему?

— Убийцей оказался один из своих. И под «своими» я имею в виду всех китайцев, — он ткнул рукой в папки на ее столе. — Я изучал это дело два месяца назад. Обращался к Лу Ингерсоллу. Читал отчеты судмедэкспертизы, — он постучал по своей голове. — Вся информация находится здесь.

— Я представления не имела, что вы в курсе дела.

— Разве трудно было спросить меня? Я считал себя частью команды.

Ей не понравились обвинительные нотки в его голосе.

— Да, вы часть команды, — признала Джейн. — Я постараюсь это запомнить. Но всем нам станет намного проще, если вы прекратите давить на свою любимую мозоль.

— Я всего лишь хочу быть в курсе расследования. Чтобы со мной не обращались как с придурковатым парнишкой, временно находящимся здесь и слишком часто крутящимся поблизости.

— Что вы имеете в виду?

— Полицейское управление Бостона — это один большой и счастливый плавильный котел,[18] верно? — он рассмеялся. — Чушь собачья.

---

[17] Фанейл Холл (Faneuil Hall) — здание, построенное в 1742 году. В свое время здесь высказывались революционеры, которые выступали против Британского правительства. Дом носит название в честь Питера Фанейла (Peter Faneuil), на деньги которого и было построено. В настоящий момент здесь все еще проводятся различные дебаты, а на первом этаже находится рынок, где можно приобрести интересные сувениры.

[18] Теория плавильного котла — теория формирования американской нации, объединившей в единый сплав иммигрантов различных рас и национальностей из многих стран мира. Впервые понятие «плавильный котел»

Мгновение она изучала Тэма, пытаясь прочесть каменное выражение его лица. Внезапно Джейн узнала себя в его возрасте, жаждущую проявить себя и обиженную на то, что ее слишком часто игнорировали.

— Присядьте, Тэм, — сказала она.

Вздохнув, он придвинул ближайший стул и уселся.

— Да?

— Думаете, я не знаю, каково это — быть в меньшинстве?

— Понятия не имею. Знаете?

— Осмотритесь вокруг. Как много женщин-детективов вы видите в убойном отделе? Всего одна, и вы сейчас с ней говорите. Я знаю, каково это, когда парни намеренно не вводят меня в курс дела, потому что я — девушка, и они считают, что я недостаточно хороша для этой работы. Вам просто нужно научиться справляться со всеми болванами и ничтожествами, потому что и тех, и других здесь огромное количество.

— Но это не означает, что мы перестанем обращаться к ним.

— Это не имеет значения.

— Для вас это должно иметь большое значение. Потому что теперь они обращаются к вам.

Она подумала, что это было правдой. Вспомнила, какой была жизнь, когда она только начала работать в отделе и как приходилось мириться со смешками, шуточками о тампонах и пренебрежительным отношением. Да, сейчас все стало намного лучше, но война была нелегкой и заняла несколько лет.

— Не стоит жаловаться на то, что отличаетесь от других, — произнесла она. — Подумайте о том, как выполнить работу лучше всех остальных. — Она помолчала. — Слышала, вы сдали экзамен на детектива с первой попытки?

Он коротко кивнул:

— С самым лучшим результатом, если быть точным.

— Сколько вам? Двадцать пять?

— Двадцать шесть.

— Знаете, это работает против вас.

— Что именно, тот факт, что я выгляжу как очередной азиатский умник?

— Нет. Тот факт, что вы все еще ребенок.

— Замечательно. Еще одна причина быть не принятым всерьез.

— Дело в том, что есть с десяток различных причин, которые позволят вам чувствовать себя в невыгодном положении. Некоторые из них существуют на самом деле, некоторые находятся только в вашей голове. Просто разберитесь с этим и делайте свою работу.

— Если вы будете вспоминать о том, что я — часть команды. Позвольте мне собрать кое-какие факты о «Красном Фениксе», тем более что я уже в курсе дела. Я могу нанести визиты и поговорить с семьями жертв.

Она кивнула:

— Отлично. А теперь расскажите о том, что вам уже известно.

— Я начал изучать дело еще в феврале, когда получил назначение в район А-1 и узнал, что некоторые местные жители Чайнатауна говорят об этом. Я вспомнил, что слышал об этом случае в Нью-Йорке, когда был ребенком.

— Вы слышали об этом в Нью-Йорке?

— Если это важные новости и они о ком-то из китайцев, поверьте, вся китайская община сплетничает об этом в любой точке страны. Даже в Нью-Йорке мы судачили о «Красном Фениксе». Помнится, бабушка говорила мне о том, как ей стыдно за то, что убийцей оказался один из нас. Она сказала, что это плохо отразится на всех китайцах.

употреблено английским драматургом И. Зангуиллом в одноименной пьесе (1908) о жизни еврейских иммигрантов в США. В последние годы социологи говорят об обратном процессе — сохранении, а не «расплавлении» элементов этнических культур в американском обществе.

Заставит людей смотреть на нас, как на преступников.

— Господи. Разговор о коллективной вине.

— Да, мы и вправду хороши в этом. Бабушка сердилась, если я пытался выйти из дома в драных джинсах, потому что не хотела, чтобы люди считали всех китайцев неряхами. Я вырос с ношей того, что представляю целую расу и думаю об этом каждый раз, выходя на улицу. Так что, да. Я уже был заинтересован в «Красном Фениксе». Затем, когда в марте вышло это объявление в *«Бостон Глоуб»,* я заинтересовался еще сильнее. Я прочитал дело во второй раз.

— Что за объявление?

— Оно появилось тридцатого числа, в годовщину стрельбы. Занимало около четверти страницы в местном разделе.

— Я его не видела. О чем там говорилось?

— Оно состояло из фото повара, Ву Вэйминя, под которым жирным шрифтом было написано слово *«невиновен»,* — он рассматривал помещение убойного отдела поверх столов. — Когда я увидел объявление, мне захотелось, чтобы это оказалось правдой. Чтобы Ву Вэйминь был невиновен, потому что тогда мы смогли бы избавиться от этой черной метки.

— Вы же на самом деле не думаете, что он невиновен?

Он посмотрел на нее:

— Я не знаю.

— Стейнс и Ингерсолл никогда не сомневались в том, что стрелком был он. Так же, как и доктор Цукер.

— Но это объявление заставило меня задуматься. Задать себе вопрос, не ошиблась ли полиция Бостона девятнадцать лет назад.

— Просто потому, что Ву был китайцем?

— Потому что люди в Чайнатауне никогда не верили в то, что это сделал он.

— Кто оплатил объявление? Вы что-нибудь узнали?

Он кивнул:

— Я позвонил в *«Глоуб».* Его оплатила Ирис Фэнг.

Мобильный Джейн зазвонил. Даже когда она потянулась за ним, ее мозг все еще обрабатывал этот последний кусочек информации. Хотелось бы знать, почему через девятнадцать лет после произошедшего, Ирис оплатила объявление в защиту человека, убившего ее мужа. Взглянув на экран телефона, Джейн увидела, что входящий звонок был из криминалистической лаборатории и ответила:

— Риццоли.

— Прямо сейчас я смотрю на те волоски, — провозгласила криминалист Эрин Волчко, — и будь я проклята, если смогу определить, чьи они.

Джейн потребовалось некоторое время, чтобы сосредоточить внимание на словах Эрин.

— Ты говоришь о тех волосках с одежды жертвы?

— Да. Офис судмедэкспертизы прислал вчера два. Один сняли с рукава мертвой женщины, а другой с ее леггинсов. У них одинаковая структура и цвет, поэтому, вероятно, они из одного источника.

Джейн почувствовала, как Тэм наблюдает за ней, пока она спрашивала:

— А эти волосы настоящие или синтетические?

— Они не искусственные. Определенно органического происхождения.

— Так они человеческие?

— Я не уверена.

Глава одиннадцатая

Джейн вглядывалась в окуляр микроскопа, пытаясь найти какие-нибудь отличия, но то, что она видела через объектив, едва ли отличалось от других волос, которых она повидала за

многие годы. Она отошла в сторону, чтобы Тэм тоже взглянул.

— То, что вы видите в этом микроскопе — остевой волос, — сказала Эрин. — Остевые волосы выполняют защитную функцию у животных.

— А они отличаются от шерсти? — спросил Тэм.

— Да, отличаются. Шерсть — это волосяной покров, и она обеспечивает теплоизоляцию. У людей нет шерсти.

— Итак, если это волосы, откуда они взялись?

— Гораздо проще сказать, — хмыкнула Эрин, — откуда они не могли взяться. Пигментация равномерно расположена по всей длине волоса, так что мы знаем, что это животное, чьи волоски имеют одинаковый цвет от корней до кончиков. Здесь нет чешуек кутикулы, что исключает грызунов и летучих мышей.

Тэм оторвался от микроскопа:

— Что за чешуйки кутикулы?

— Чешуйки создают структуру кутикулы — наружный слой волоса, выполняющий защитную функцию, вроде чешуи у рыб. Структура, с помощью которой можно с уверенностью определить, к каким семействам животных относятся чешуйки.

— И ты сказала, что у грызунов нет этих чешуек кутикулы.

Она кивнула:

— Этот волос не содержит остистых чешуек, что говорит нам, что он не принадлежит кошке, норке или морскому котику.

— Мы собираемся пройтись по всему списку видов животных? — поинтересовалась Джейн.

— В некотором роде, это метод исключения.

— И к этому времени ты исключила, крыс, летучих мышей и кошек.

— Верно.

— Замечательно, — пробормотала Джейн, — мы можем исключить Бэтмена и Женщину-кошку из списка подозреваемых.

Вздохнув, Эрин сняла очки и помассировала переносицу.

— Детектив Риццоли, я всего лишь объясняю, как трудно идентифицировать волос животного, используя только оптическую микроскопию. Эти морфологические улики помогают мне исключить некоторые группы животных, но этот образец не похож ни на что, с чем я сталкивалась в этой лаборатории.

— Кого еще можно исключить? — спросил Тэм.

— Если бы это был олень или карибу, корень бы имел форму рюмки, и сам волосок был бы грубее. Так что он не из семейства оленьих. Цвет отбрасывает енота и бобра, и он слишком жесткий для кролика или шиншиллы. Если судить по форме корня, диаметру и структуре чешуйки, я бы сказала, что больше всего это похоже на человеческий волос.

— Тогда почему это не мог быть человек? — уточнила Джейн.

— Посмотри в микроскоп еще раз.

Джейн наклонилась, чтобы заглянуть в окуляр.

— На чем я должна сфокусироваться?

— Обрати внимание, что волосок довольно прямой, не изогнут, как половые волосы на лобке и в области подмышек.

— Значит, это волос с головы?

— Это то, чем он кажется на первый взгляд. Волоском с головы человека. Сейчас сфокусируйся на мозговом веществе, самой сердцевине волоса. Выглядит как канавка, протянувшаяся по всей длине стержня. В этом образце есть нечто странное.

— Ты можешь поконкретнее?

— Срединный индекс. Это соотношение между диаметром мозгового вещества и диаметром волоса. Я изучила бесчисленное количество человеческих образцов и никогда прежде не видела такого широкого мозгового вещества у волоса с головы. У людей нормальный показатель составляет менее одной трети. Этот же занимает более половины

диаметра стержня. Это не бороздка, а здоровенный водосток.

Джейн выпрямилась и уставилась на Эрин:

— Это может быть какой-то разновидностью заболевания? Генетического отклонения?

— Ни одно, о которых мне известно.

— Тогда что с этим волосом? — спросил Тэм.

Эрин сделала глубокий вздох, словно пытаясь подобрать подходящие слова.

— Во всех других отношениях он выглядит как человеческий. Но это не так.

Неожиданный смех Джейн прорезал тишину.

— О чем мы тут толкуем? О снежном человеке?

— Предполагаю, что это какая-то разновидность примата. Я не могу идентифицировать вид при помощи микроскопа. Здесь нет эпителиальных клеток, так что мы можем воспользоваться только ДНК, похожей на митохондриальную.

— На то, чтобы получить эти результаты, уйдет целая вечность, — протянул Тэм.

— Думаю, есть еще один тест, — заявила Эрин. — Я нашла индийскую научную статью об электрофоретическом анализе кератина волос. У них там огромная проблема с незаконной торговлей мехом, и они используют этот тест, чтобы вычислять меха экзотических видов.

— Какие лаборатории могут провести этот тест?

— В США есть несколько лабораторий по изучению дикой природы, с которыми я могу связаться. Это может оказаться самым быстрым способом идентифицировать вид, — Эрин взглянула на микроскоп. — В любом случае я намерена выяснить, кто это волосатое существо.

Детектив на пенсии, Хэнк Бакхольц, походил на человека, который вел длительную и тяжелую войну с алкогольным дьяволом, но, в конце концов, сдался на милость неизбежному. Джейн нашла его на обычном месте, сидящим за барной стойкой «У Джи Пи Дойла» и смотрящим в стакан со скотчем. Еще не было пяти, но Бакхольц уже положил неплохое начало для вечера — когда он встал, чтобы поприветствовать ее, Джейн заметила его нетвердое рукопожатие и слезящиеся глаза. Но восемь лет отставки не изменили прежних привычек, и он по-прежнему одевался как детектив, в пиджак и шерстяную рубашку, даже если эта рубашка и потерта вокруг воротничка.

Было еще слишком рано для обычного наплыва посетителей в «У Дойла» — излюбленном местечке полицейских Бостона. Одним взмахом руки Бакхольцу удалось привлечь внимание бармена.

— Ее выпивка за мой счет, — заявил он, указывая на Джейн. — Что вы будете, детектив?

— Я обойдусь, спасибо, — отказалась Джейн.

— Ну же. Не заставляйте старого копа пить в одиночку.

Она кивнула бармену:

— Лагер[19]«Сэм Адамс».

— И еще порцию скотча для меня, — добавил Бакхольц.

— Не хотите пересесть за стол, Хэнк? — спросила Джейн.

— Да нет, мне здесь нравится. Это мой стул. Всегда им был. Кроме того, — добавил он, озираясь по почти пустому помещению, — кто здесь подслушает? На такое старое дело больше никто не обратит внимания. За исключением, разве что, семьи.

— И вас.

— Ага, такое тяжело отбросить, знаете? Даже годы спустя, те дела, которые я не закрыл, все еще не отпускают по ночам. Особенно дело Шарлотты Дион, потому что когда ее

[19] Лагер — тип пива, при изготовлении которого используется низовое брожение с последующей ферментацией при низкой температуре. В настоящее время это наиболее распространённый тип пива, доля которого в мировом потреблении доходит до 80 %.

отец нанял частного детектива для расследования, это разозлило меня. Подразумевалось, что я паршивый коп, — он крякнул и сделал глоток виски. — Все эти деньги он потратил впустую, просто чтобы доказать, что я ничего не упустил.

— Так частный детектив ничего не обнаружил, верно?

— Нет. Эта девушка просто исчезла. Ни свидетелей, ни каких-либо улик, кроме ее рюкзака, лежавшего в переулке. Девятнадцать лет назад у нас не было столько наружных камер вокруг, которые могли бы что-то заснять. Тот, кто схватил ее, сделал это быстро и чисто. Ему пришлось действовать, воспользовавшись моментом.

— Как вы представляете картину произошедшего?

— Это была школьная экскурсия. Они выехали из того шикарного пансиона, академии Болтон, во Фрамингеме. Тридцать детей приехали в город на частном автобусе прогуляться по «Тропе Свободы».[20] В последний момент они решили остановиться у Фанейл Холла. Учитель сказал мне, что дети проголодались, поэтому они остановились на ланч. Думаю, преступник заметил Шарлотту и просто пошел за ней, — он покачал головой. — Это похищение было высокопрофессиональным. Патрик Дион, бизнесмен, был в Лондоне, когда все произошло. Прилетел домой на своем частном самолете. Учитывая, кем он был и каким капиталом обладал, я ожидал требования о выкупе. Но этого не произошло. Шарлотта просто исчезла с лица земли. Ни улик, ни тела. Ничего.

— Ее мать была убита в ресторане «Красный феникс» всего за месяц до этого.

— Да, я знаю. Скверное везение у этой семьи, — он отпил свой виски. — Деньги не в силах остановить старуху с косой.

— Вы считаете, что все дело в этом? Невезении?

— Лу Ингерсолл и я постоянно говорили и говорили об этом. Мы не нашли способа связать вместе два события, а ведь мы проверили все варианты. Борьба за опеку над Шарлоттой? Тяжелый развод? Деньги?

— Ничего?

Бакхольц покачал головой:

— Я сам прошел через развод, и до сих пор ненавижу эту потаскуху. Но Патрик Дион и его бывшая жена остались друзьями. Он даже ладил с ее новым мужем.

— Несмотря на то, что Артур увел у Патрика жену?

Он рассмеялся.

— Да, можете представить? Они создали две счастливых семьи. Патрик, Дина и Шарлотта. Артур, Барбара и их сын Марк. Оба ребенка учились в этой пафосной академии Болтон, где и познакомились их семьи. Они начали обедать вместе. Затем Артур сблизился с женой Патрика, и все развелись. Артур женился на Дине, Патрик получил опеку над двенадцатилетней Шарлоттой, и все стали друзьями. Я скажу, что это неестественно, — он поставил свой стакан. — Было бы нормальным, если бы они ненавидели друг друга.

— А вы уверены, что так и не было на самом деле?

— Предполагаю, что, может быть, они просто скрывали это. Вполне возможно, что через пять лет после развода Патрик Дион выследил свою бывшую и ее мужа в том ресторане и расстрелял их в припадке ярости. Но Марк Мэллори поклялся мне, что все были мирно настроены. А ведь он потерял отца в той перестрелке.

— А мать Марка? Была ли она так уж рада уходу мужа к другой женщине?

— У меня не было возможности поговорить с Барбарой Мэллори. За год до стрельбы у нее случился инсульт. В день, когда исчезла Шарлотта, Барбара находилась в реабилитационной клинике. Она умерла через месяц. Еще одно невезение этой семьи.

Он помахал бармену:

---

20 «Тропа Свободы» (Freedom Trail) — популярный пешеходный туристический маршрут по Бостону, отмеченный на тротуаре красным и белым кирпичом, красной краской и гранитным камнем. На маршруте расположено шестнадцать исторических памятников. «Тропа Свободы» — одно из важнейших мест в Бостоне и истории США.

— Эй, мне нужна добавка.

— Гм, вы за рулем, Хэнк? — спросила Джейн, нахмурившись на его пустой стакан.

— Все о'кей. Обещаю, это последняя.

Бармен поставил еще один скотч на стойку, и Бакхольц уставился на стакан, словно одного его присутствия здесь было достаточно, чтобы получить удовлетворение на данный момент.

— Такова вкратце эта история, — сказал он. — Шарлотта Дион была семнадцатилетней, блондинкой и красоткой. Когда она не посещала частный пансион, то жила со своим богатым папочкой. Она получала все, что хотела и затем… пфф. Ее похитили на улице. Мы просто еще не нашли ее останки. — Он взял скотч, его рука сейчас была твердой. — Хреновая штука — жизнь.

— И смерть.

Он засмеялся и сделал глоток:

— Это точно.

— У вас имеются какие-нибудь догадки о другой пропавшей девушке? Лоре Фэнг?

— Это дело вел Седлек, упокой Господь его душу. Но я ознакомился с ним из-за связи с «Красным Фениксом». Не обнаружил ничего, что бы заставило меня подумать о том, что исчезновения связаны между собой. Считаю, что похищение Шарлотты было спонтанным, ее приметили и схватили. С Лорой было по-другому. Это произошло сразу после того, как она вышла из школы и направилась домой. Один из ее одноклассников видел, как Лора добровольно садится в какую-то машину, и выглядело это так, словно она знала водителя. Но номера он не запомнил, и девушку больше никогда не видели. Так что это еще одно тело, которое никогда не найдут, — он рассматривал бутылки, выстроившиеся по другую сторону барной стойки. — Заставляет задуматься о том, как много скелетов лежит в лесах и на свалках. Миллионы людей в этой стране пропадают без вести. Все эти кости. Я могу принять тот факт, что однажды умру, при условии, что симпатичная табличка будет рассказывать миру, где я похоронен. Но никогда не быть найденным? В конечном итоге покрыться какими-то сорняками? Это словно ты никогда и не существовал. — Он вздрогнул. — Как бы то ни было, вот в двух словах и все дело Шарлотты Дион. Это чем-нибудь помогло?

— Не знаю. В данный момент это всего лишь один кусочек очень запутанной головоломки, — Джейн помахала бармену. — Счет, пожалуйста.

— Даже не думайте, — запротестовал Бакхольц.

— Вы только что оказали мне услугу, рассказав о Шарлотте.

— Я все равно все время торчу здесь. На этом месте, в этом баре. Вы знаете, где меня найти, — он опустил глаза на ее зазвонивший мобильник. — Вижу, вы пользуетесь спросом. Счастливица.

— Зависит от того, кто звонит. — Она ответила на звонок. — Детектив Риццоли.

— Сожалею, что пришлось совершить этот звонок, — голос был мужской, и в нем действительно звучало нежелание говорить с ней. — Полагаю, вы куратор детектива Тэма?

— Да, мы работаем вместе.

— Я звоню от имени всех семей жертв. Мы предпочли бы больше не иметь дела с детективом Тэмом. Ему удалось расстроить всех, особенно бедняжку Мэри Гилмор. Почему нам снова задают все эти вопросы спустя столько лет?

Джейн помассировала висок, с нетерпением предвкушая предстоящий разговор со своим молодым сотрудником. *Вы государственный служащий. А это означает, что вы не должны раздражать общественность* .

— Извините, сэр, — сказала она, — я не расслышала ваше имя.

— Патрик Дион.

Она выпрямилась. Посмотрела на Бакхольца, который с большим интересом прислушивался к разговору. Бывших полицейских не бывает.

— Дина Мэллори была вашей женой? — спросила она.

— Да. И воспоминание о том, как она умерла, все еще болезненно для меня.

— Я понимаю, что вам тяжело, мистер Дион, но детектив Тэм обязан был задать эти вопросы.

— Дина погибла девятнадцать лет назад. Нет никаких сомнений в том, кто ее убил. Почему это снова всплыло?

— Я действительно не могу это обсуждать. Это…

— Да, понимаю. Это часть *текущего расследования* . Так сказал детектив Тэм.

— Потому что это правда.

— Марк Мэллори в ярости, и это расстроило Мэри Гилмор и ее дочь. Сначала мы получаем по почте эти послания, затем нас начинает расспрашивать детектив Тэм. Нам всем хотелось бы знать, почему это происходит сейчас.

— Извините, — перебила она, — что там было про послания?

— Это продолжается уже шесть-семь лет. Каждый год тридцатого марта они появляются в наших почтовых ящиках, словно некое мрачное напоминание о годовщине.

— Что в этих сообщениях?

— Я всегда получаю копию некролога Дины. На обратной стороне кто-то пишет: *«Разве вы не хотите знать правду?»*

— Вы сохранили эти письма?

— Да, и Мэри тоже. Но Марк был так зол, что выбросил свои.

— Кто отправляет эти послания? Вы знаете?

— Предполагаю, что их посылает тот же самый человек, который поместил объявление в *«Глоуб».* Это Ирис Фэнг.

— Зачем миссис Фэнг это делать?

Повисло долгое молчание.

— Мне не хочется плохо говорить о миссис Фэнг. Она потеряла мужа, поэтому я понимаю, что она тоже страдает. Мне жаль ее. Но, думаю, что все совершенно очевидно.

— Что очевидно?

— Эта женщина, — сказал Патрик, — она безумна.

Глава двенадцатая

К тому времени, как раздался звонок в дверь, Маура уже раскладывала приборы на обеденном столе, а баранья нога подрумянивалась в духовке. Подростки славились своим аппетитом, поэтому она купила два пирога — черничный и яблочный, запекла четыре картофелины и с полдесятка кукурузных початков. Ест ли мальчик салат? Она не знала. В те отчаянно голодные дни, которые они провели вместе в безлюдных местах Вайоминга, она и Рэт выживали на всем, что могли разыскать. Она видела, как он жует собачий корм, консервированную фасоль и древесную кору. Конечно, он не станет воротить нос от салата-латука и, возможно, даже съест эти зеленые витамины. Когда она последний раз видела его в январе, он был бледным и худым, и для того недоедающего мальчика она и наготовила сегодня еды. Неважно, как пройдет встреча, думала она, но Рэт не покинет мой дом голодным. Это была та деталь, к которой она могла подготовиться, которую могла контролировать.

Потому что все остальное, касающееся первого визита мальчика в ее дом, было покрыто неизвестностью.

Она была обязана своей жизнью Джулиану «Рэту» Перкинсу, но вряд ли хорошо его знала, и он почти ничего не знал о ней. Они вместе боролись за выживание, и не существует более интимной связи, чем у двух человек, знающих, каково это — вместе смотреть в лицо смерти. Теперь они собирались узнать, останется ли эта связь прежней, используя как своеобразную лакмусовую бумажку — неделю в компании друг друга в условиях цивилизации.

Услышав дверной звонок, она вытерла руки кухонным полотенцем и поспешила в коридор, ощутив, что ее сердце внезапно шумно застучало. Расслабься, он всего лишь

мальчик, подумала она, открывая входную дверь. И чуть не оказалась сбита с ног, когда огромная черная собака кинулась навстречу, поставив две передние лапы ей на грудь.

— *Медведь! Лежать, мальчик!* — закричал Рэт.

Она рассмеялась, когда пес наградил ее, радостно облизав лицо шершавым языком. Затем он опустился на четвереньки, лая и виляя хвостом. Маура улыбнулась мальчику, который выглядел совершенно потрясенным плохими манерами своего товарища.

— Ну? — сказала она. — Ты не хочешь тоже меня обнять?

— Здравствуйте, мэм, — произнес он и неловко обхватил ее своими длинными руками. Она поразилась тому, сколько мышц он прибавил с их последней встречи. Возможно ли, что мальчик так вырос всего за несколько месяцев?

— Я скучала по тебе, Рэт, — прошептала она. — Я так сильно по тебе скучала.

Ступеньки крыльца заскрипели от чьих-то шагов, и мальчик быстро оторвался от нее, словно стыдясь быть застигнутым. Маура посмотрела на мужчину, остановившегося позади Рэта. Энтони Сансоне всегда казался неприступной личностью, производящей сильное впечатление, лицо которого ничего не выражало, но в этот мрачный полдень он улыбался, ставя на крыльцо рюкзак Рэта.

— Ну, вот и все, Джулиан, — сказал он.

— Спасибо, что привез его в Бостон, — поблагодарила она.

— С радостью, Маура. Это дало нам возможность поговорить. — Сансоне помолчал, взгляд бегал по ее лицу, и как обычно, казалось, что он видит о ней слишком многое. — Мы давненько не общались. Как ты?

— Я в порядке. Занята, — она выдавила из себя улыбку. — У меня никогда не бывает недостатка в клиентах. Хочешь зайти ненадолго?

Он посмотрел на мальчика, который переводил взгляд с одного на другого, с большим интересом слушая их разговор.

— Нет, я должен дать возможность наверстать упущенное тебе и Джулиану. Вы двое будете в порядке?

— В понедельник и вторник мне придется пойти на работу, но, начиная со среды, у меня будет свободное время. Мы отправимся на экскурсию по городу.

— Тогда я заеду за тобой в следующую субботу, Джулиан, — сказал Сансоне, протягивая ему руку.

Мужчина и мальчик пожали друг другу руки. Это было до странного формальное прощание, но у этих двоих оно выглядело вполне естественно и ожидаемо. Рэт подождал, пока Сансоне вернулся в свою машину и уехал. Только затем он посмотрел на Мауру.

— Мы говорили о тебе, — сказал он, — пока ехали сюда.

— Надеюсь, только хорошее.

— Думаю, он любит тебя. Очень сильно, — Рэт взял рюкзак. — Но он немного странный.

Люди могли бы сказать то же самое о тебе, подумала она, глядя на мальчика. О нас обоих. Она приобняла его и почувствовала, что он испугался неожиданной ласки. Слишком долго мальчик жил, словно дикий зверь, рыская по горам Вайоминга, и в его глазах она все еще видела остатки брошенного ребенка. Мир не был добр к Джулиану Перкинсу, и потребуется время, чтобы он начал доверять другим людям.

Они вошли в дом, и мальчик начал озираться в гостиной.

— Куда подевался Медведь?

— Думаю, он уже чувствует себя, как дома. Держу пари, что он уже обнаружил все вкусное, что есть на кухне.

Они и вправду обнаружили пса, уплетающим обрезки баранины, которые Маура сложила в керамическую собачью миску. У нее никогда не было собаки, и чашка была новой, как и огромная собачья подстилка, поводок, порошок от блох и банки собачьего корма в шкафу. Когда мальчик подошел к Медведю, она поняла, что эту неделю ей придется делить дом с двумя инопланетными существами — собакой и подростком. Духовка шипела

от капель, падающих с запекающейся баранины, и она увидела, как мальчик принюхивается словно зверь, почуявший ужин.

— Ужин будет готов в течение часа. Позволь показать твою комнату, — сказала она и нахмурилась, взглянув на его рюкзак. — Где твой чемодан?

— Это все, что я привез.

— Тогда, похоже, что нам придется отправиться за покупками.

— Нет, мне и вправду ничего не нужно, — проговорил он, когда они вышли в холл. — В школе мы все носим форму.

— Эта комната твоя.

Медведь вбежал первым, но мальчик замешкался в дверях, словно задумавшись, не сделал ли он ошибки. Внезапно Маура осознала, какой до абсурдного женской выглядела эта комната для мальчика и собаки. Неохотно Рэт вошел внутрь и осмотрел белое одеяло, вазу свежесрезанных цветов на комоде и бледно-зеленый турецкий ковер. Он ни к чему не прикасался, словно все вокруг было музейными экспонатами, и он боялся что-нибудь сломать. Осторожно он поставил свой рюкзак в углу.

— Как школа? — спросила она.

— Нормально, — мальчик опустился на колени, чтобы разобрать рюкзак. Оттуда появились две рубашки, свитер, пара брюк, все аккуратно свернутое.

— Так тебе нравится в Ивенсонге? Ты там счастлив?

— Она отличается от моей обычной школы. Люди хорошо ко мне относятся. — Это было заявление по существу, сказанное без жалости к себе, и показавшее, как больно однажды сделала ему жизнь. Она читала его дело из Вайоминга, поэтому знала о драках на школьном дворе и насмешках, которым он подвергался из-за поношенной одежды и разбитой семьи. Слишком много людей, от его социального работника до психолога, предупреждали ее, что мальчик был чересчур проблемным, что его появление в ее жизни может привести к последствиям, о которых Маура потом пожалеет. Сейчас она наблюдала, как этот проблемный мальчик спокойно разбирает свою одежду и аккуратно развешивает ее в шкафу, и думала: «Слава Богу, я никогда их не слушала!» Никого из них.

— У тебя есть друзья в школе? — спросила она. — Тебе нравятся другие ученики?

— Они очень похожи на меня, — ответил он. Мальчик открыл ящик комода и сложил внутрь носки и нижнее белье.

Она улыбнулась.

— Ты имеешь в виду, что они особенные.

— У них тоже нет родителей.

Это стало для нее новостью. Когда Сансоне сказал ей, что предлагает мальчику стипендию в школе Иверсонг, то сделал упор на академическое образование, школьный кампус, международный преподавательский состав и превосходную библиотеку. Он не упомянул, что это школа для сирот.

— Ты уверен? — спросила она. — Должны же быть какие-то родители, навещающие детей.

— Иногда я вижу чьих-то дядю или тетю. Но ни разу не встречал чьих-нибудь маму или папу. Он говорит, что теперь мы семья друг для друга.

— Он?

— Мистер Сансоне, — Рэт закрыл шкаф и уставился на нее. — Он все время спрашивает о тебе.

Маура почувствовала, что краснеет и сосредоточилась на Медведе, который все крутился на собачьей подстилке, словно желая прочувствовать вкус этой новой роскоши.

— О чем он спрашивает?

— Писала ли ты мне что-нибудь в последнее время. Приезжала ли ко мне в школу. Не хотела ли бы преподавать там.

— В Ивенсонге? — она покачала головой. — Я не уверена, что такой предмет, как судебно-медицинская экспертиза подходит для школьников.

— Но мы изучаем много крутых вещей. В прошлом месяце мисс Сол показала нам, как построить римскую катапульту. И они позволили мне обучать класс следам животных, потому что я многое об этом знаю. Мы даже вскрывали коня.

— Неужели?

— Он сломал ногу, и его пришлось усыпить. Мы вскрыли его и изучили органы.

— Ты не находишь это отталкивающим?

— Я освежевывал оленя. Я знаю, как выглядят мертвые.

Да, ты знаешь, подумала она. В Вайоминге он видел, как человек до смерти истек кровью. Ей было интересно, спал ли он иногда тревожно по ночам, так же как и она, преследуемый воспоминаниями о том, что произошло с ними в горах. Он выглядел таким спокойным и сдержанным, когда раскладывал свои учебники на комоде, пока ставил зубную щетку в ванной, все его эмоции были наглухо запрятаны. *Он больше похож на меня, чем мне хочется думать.*

На кухне зазвонил ее мобильный.

— Можно выйти на улицу и посмотреть двор? — спросил он.

— Ступай. Я пока отвечу на звонок.

Она вошла в кухню и вытащила сотовый из сумочки.

— Доктор Айлз, — ответила Маура.

— Это детектив Тэм. Мне, правда, жаль, что приходится звонить вам в выходной.

— Без проблем, детектив. Чем я могу вам помочь?

— Мне нужно узнать ваше мнение о старом убийстве. Это случилось девятнадцать лет назад, стрельба в ресторане Чайнатауна. Было пять жертв. Тогда они назвали это убийством-самоубийством.

— Почему вы расследуете нечто, произошедшее девятнадцать лет назад?

— Это может быть связано с нашей Джейн Доу[21] на крыше. Возможно, по этой причине она и заявилась в Чайнатаун. Кажется, она разыскивала людей, которые знали о стрельбе в ресторане.

— А от меня вы, собственно, чего хотите?

— Просмотреть результаты вскрытия тех пяти человек, особенно стрелка. Сообщить нам, согласны ли вы с выводами. Патологоанатом, проводивший вскрытие, больше не работает в бюро судмедэкспертизы, поэтому его спросить я не могу.

Из окна кухни она увидела Рэта и пса, которые вышли наружу и кружили по двору, словно разыскивая выход для побега в большой мир. Он был мальчиком, созданным для дикой природы.

— На этой неделе я занята, — сообщила она. — Вы могли бы попытаться попросить доктора Бристола вместо…

— Но я на самом деле надеялся…

— Да?

— Я предпочел бы ваше мнение, доктор Айлз. Знаю, что вы всегда говорите, как есть, несмотря ни на что. Я доверяю вашему мнению.

Это поразило ее, потому что в эти дни подобное суждение не совпадало с позицией полиции Бостона и суда. Она подумала о пристальных взглядах и холодном молчании, которые ей пришлось терпеть от офицеров полиции всю прошедшую неделю. Подумала о действиях, которые сделали ее всеобщим врагом.

— Сегодня вечером я буду дома, — сказала она, — можете завезти папки в любое время.

Было чуть больше девяти вечера, когда Медведь принялся лаять на входную дверь.

---

[21] Джейн Доу и Джон Доу — имена, используемые для всех неопознанных жертв. Для мужчин — Джон Доу, для женщин — Джейн Доу, для детей — дитя Доу, других неопознанных членов семьи именовали Джеймс и Джуди Доу.

Маура открыла ее и обнаружила детектива Тэма, стоящего на крыльце. С мгновение он и пес осторожно рассматривали друг друга, но после нескольких разведывательных обнюхиваний Медведь дал свое одобрение и забежал назад в дом, позволив гостю войти. Тэм двигался все с той же пружинистой энергией, на которую она обратила внимание еще во время их знакомства в Китайском квартале, детектив остановился в холле, голова настороженно повернулась на звук работающего душа. Он ничего не спросил, но Маура смогла прочитать вопрос в его глазах.

— На этой неделе у меня гость, — пояснила она.

— Извините за вторжение в выходные, — он протянул ей стопку отсканированных страниц. — Здесь все пять отчетов о вскрытии плюс отчет полиции, поданный детективами Ингерсоллом и Стейнсом.

— Ого. Похоже, вы приложили немало усилий.

— Это мое первое дело об убийстве. Азарт новичка, понимаете? — он достал из кармана флешку. — Они не разрешили мне забрать оригиналы из бюро судмедэкспертизы, поэтому я отсканировал для вас фотографии и рентгеновские снимки. Понимаю, что это большой объем работы, и приношу извинения за то, что взваливаю это на вас. — Когда он вложил в флешку в руку Мауры, то смотрел прямо на нее, будто хотел подчеркнуть, насколько это было для него важно, и что он возлагал на нее все надежды.

Застигнутая врасплох его прикосновением, Маура опустила глаза на флешку.

— Прежде чем вы уйдете, давайте убедимся, что эти файлы откроются на моем компьютере, — сказала она. Они вошли в кабинет, и пока она загружала свой ноутбук, Тэм рассматривал собаку, которая проследовала за ними и теперь сидела у ног Тэма, наблюдая за этим новым посетителем.

— Какой породы этот пес? — спросил Тэм.

— Понятия не имею. Вероятно, овчарка плюс немного волка или хаски. Он принадлежит моему гостю.

— Вы очень гостеприимная хозяйка, раз позволили вашему гостю привести собаку.

— Я обязана этому псу своей жизнью. По моему мнению, он может заходить, куда пожелает. — Она вставила флешку в ноутбук, и через мгновение ряды эскизов фотографий появились на мониторе. Она нажала на первую, открыв жуткий вид обнаженного женского тела на столе для вскрытия. — Похоже, что все нормально открывается. Не могу точно сказать, когда я изучу их, но могу сказать, что это произойдет не раньше следующей недели.

— Я действительно ценю это, доктор Айлз.

Она выпрямилась и посмотрела на него:

— Доктора Бристол и Костас очень хорошие патологоанатомы. Вы с тем же успехом можете доверять их мнению. Есть какая-то причина, по которой Вы не обратились к ним?

Он замолчал, обернувшись на звук выключившегося душа. Медведь навострил уши и выбежал из кабинета.

— Детектив? — спросила она.

Он неохотно произнес:

— Предполагаю, вы в курсе того, что о вас говорят. В связи с судом над Уэйном Граффом и всем прочим.

Ее рот сжался.

— Уверена, ничего лестного.

— Это может быть и тонкая голубая линия, но эта линия занимает твердую позицию. Ей совсем не нравятся обвинения.

— Даже когда они правдивы, — добавила она с горечью.

— Вот почему я пришел к вам. Потому что знаю, что вы говорите правду. — Его глаза встретились с ее взглядом, в них была прямота и решительность. В день их встречи в Чайнатауне она посчитала Тэма невыразительным человеком, который не мог ей понравиться. Сейчас на его лице было все то же бесстрастное выражение, но оно было всего лишь маской, через которую она еще не могла проникнуть. В этом человеке было нечто

гораздо большее, чем она могла видеть, и ей хотелось узнать, позволит ли он кому-либо заглянуть за эту маску.

— Что, как вы надеетесь, я смогу обнаружить в этих отчетах? — поинтересовалась она.

— Возможно, противоречия. Вещи, которые не складываются между собой или не имеют смысла.

— Почему вы считаете, что они вообще могут быть?

— В тот же момент, как Стейнс и Ингерсолл прибыли на место преступления, это назвали убийством-самоубийством. Я читал их отчет, и они не рассматривали альтернативные версии. Было так легко закрыть дело, приняв вариант, что сумасшедший китайский иммигрант расстрелял людей в ресторане. А затем застрелился сам.

— Думаете, это не было убийством-самоубийством?

— Не знаю. Но девятнадцать лет спустя оно издает какие-то странные отголоски. У нашей Джейн Доу с крыши в портативном GPS были вбиты два адреса. Одним из них был дом детектива Ингерсолла. Другой принадлежит Ирис Фэнг, вдове одного из убитых. Эта мертвая женщина, очевидно, была заинтересована в деле «Красного Феникса». Мы не знаем, почему.

Они услышали, как скулит собака, и Маура обернулась, увидев в дверях Рэта, с еще влажными после душа волосами. Он уставился на фото вскрытия на экране ее компьютера. Она быстро свернула программу, и тревожное изображение исчезло из вида.

— Джулиан, это детектив Тэм, — сказала она. — А это мой гость, Джулиан Перкинс. Он учится в школе штата Мэн, и приехал сюда на весенние каникулы.

— Так ты хозяин это страшной собаки, — произнес Тэм.

Мальчик продолжал смотреть на монитор, словно все еще видел изображение, отображавшееся на нем.

— Кто она? — тихо спросил Рэт.

— Мы обсуждаем одно дело, — пояснила Маура, — и уже почти закончили. Почему бы тебе не пойти посмотреть телевизор?

Тэм выждал, пока из гостиной не раздался звук включенного телевизора, и сказал:

— Мне жаль, что он увидел это. Это не то, что хотелось бы показать ребенку.

— Я просмотрю файлы, когда будет время. Это может затянуться на неопределенный срок. Я полагаю, особой спешки нет?

— Было бы хорошо получить хоть какой-нибудь прогресс в деле Джейн Доу.

— Дело «Красного Феникса» произошло девятнадцать лет назад, — ответила она и выключила свой ноутбук. — Уверена, оно может подождать еще немного.

Глава тринадцатая

Еще до того, как я вижу его, то знаю, что он вошел мою студию. О его приходе возвестил свист влажного ночного воздуха, когда дверь открылась и закрылась. Я не прерываю свою тренировку, чтобы поприветствовать его, и продолжаю вращать и раскачивать клинок. В широком зеркале я вижу детектива Фроста, с восхищением наблюдающего за тем, как я заставляю петь свою саблю. Сегодня я чувствую себя сильной, мои руки и ноги такие же гибкие, как и когда я была молода. Каждое мое движение, каждый поворот, каждый взмах, продиктованы строками древнего сонета:

Шагнуть к семи звездам, оседлать тигра.
Взлететь, повернуться, уклониться, пока душа воспарит,
Стать белым журавлем,
Расправить крылья, вытянуть ногу.
Ветер свистит

И колышется цветок лотоса.[22]

Все движения сливаются со мной в единое целое, одно растворяется в другом. Мне не нужно думать о них, потому что тело помнит это так же хорошо, как ходить и дышать. Моя сабля наносит удары и кружится, но мои мысли обращены к полицейскому и тому, что я скажу ему.

Я перехожу к финалу и тринадцатой строке сонета. *Феникс возвращается в свое гнездо.* Я встаю навытяжку, мое оружие, наконец, успокаивается, пот охлаждает лицо. Только тогда я поворачиваюсь к нему.

— Это было прекрасно, миссис Фэнг, — говорит детектив Фрост, его глаза расширены от восхищения. — Словно танец.

— Упражнение для начинающих. Оно приносит умиротворение в конце моего дня.

Его взгляд падает на саблю, которую я держу.

— Это настоящий меч?

— Ее зовут Чжэн И. Она досталась мне от прапрабабушки.

— Должно быть, она очень старинная.

— И побывавшая в бою. Она была предназначена для битвы. Если вы никогда не практикуетесь с боевым мечом, то не научитесь работать с его весом, не узнаете, как он ощущается в руке. — Я делаю два молниеносных взмаха в воздухе, и он отшатывается, пораженный. — Возьмите. Почувствуйте ее вес.

Он колеблется, словно сабля может ударить током. Осторожно он берется за рукоять и неуклюже покачивает мечом в воздухе.

— Она не ощущается настоящей, как мне кажется.

— Нет?

— Вес кажется странным.

— Потому что это не просто церемониальный меч, а подлинный *дао* . Настоящая китайская сабля. Эта модель называлась «ивовый лист». Видите, как она изогнута по длине лезвия? Это было стандартное личное оружие солдат времен династии Мин.

— Когда это было?

— Около шестисот лет назад. Чжэн И была создана во время войны в провинции Ганьсу. — Я помолчала и с сожалением добавила. — К сожалению, война слишком часто была обычным положением вещей в древнем Китае.

— Так этот меч видел настоящую битву?

— Я точно знаю, что да. Когда я держу ее, то чувствую старые битвы, все еще поющие в лезвии.

Он смеется:

— Если на меня когда-нибудь нападут в темном переулке, миссис Фэнг, мне бы хотелось, чтобы вы были на моей стороне.

— Вы тот, у кого пистолет. Разве не вы должны защищать *меня* ?

— Уверен, вы и сами прекрасно сможете за себя постоять. — Он возвращает мне меч. Я вижу, как он нервничает просто оттого, что находится в непосредственной близости от острого, как бритва, края. Поклонившись, я принимаю меч назад и смотрю прямо на него. Он краснеет от моей прямоты, я не ожидала такой реакции от полицейского, тем более, от опытного детектива, расследующего убийства. Но в этом человеке есть удивительное обаяние, уязвимость, которая внезапно напоминает мне мужа. Детектив Фрост в том же возрасте, что был и Джеймс, когда он умер, и в лице этого человека я вижу смущенную улыбку Джеймса, его врожденное умение нравиться людям.

— У Вас появились ко мне еще вопросы, детектив?

— Да. Это касается дела, о котором мы не упомянули в предыдущей беседе.

---

22 В этом и последующих сонетах перечисляются движения и названия форм упражнений с саблей.

— О чем пойдет речь?

Кажется, ему совсем не хочется озвучивать то, что у него на уме. Я уже вижу извинение в его глазах.

— О вашей дочери. Лоре.

Упоминание имени Лоры как резкий толчок в грудь. Я не ожидаю этого, и покачиваюсь от удара.

— Мне очень жаль, миссис Фэнг, — говорит он, поддерживая, чтобы я не упала. — Знаю, что это неприятно. Вы в порядке? Не хотите присесть?

— Это просто потому… — я ошалело трясу своей головой, — я ничего не ела с самого утра.

— Возможно, вам стоит съесть что-нибудь прямо сейчас? Принести вам что-нибудь?

— Скорее всего, нам придется поговорить в другой день.

— Всего несколько вопросов, — он делает паузу. Спокойно добавляет: — Я еще не обедал.

На мгновение его слова повисают в воздухе. Это пробный шар. Моя рука сжимает рукоятку меча, инстинктивно реагируя на ситуацию, чреватую неопределенностью. Есть возможная опасность. Он полицейский, но я не вижу в нем ничего, что стоит опасаться, только внимательного человека с добрым лицом. И я отчаянно хочу узнать, зачем он спрашивает о Лоре.

Я задвигаю Чжэн И в ножны.

— На Бич-стрит есть пельменная.

Он улыбается, и его лицо поразительно изменяется. Это делает его гораздо моложе.

— Я знаю это место.

— Я только возьму свой плащ, и мы можем идти.

Снаружи мы вместе прогуливаемся под прекрасным весенним дождиком, но держимся на почтительном расстоянии. Я несу с собой Чжэн И, потому что меч слишком ценен, чтобы оставить его в студии. И потому что она всегда была моей защитой против всех незримых опасностей. Даже в этот влажный вечер жизнь в Чайнатауне кипит, улицы переполнены голодными людьми, заскочившими на обеденный перерыв, чтобы перекусить жареной уткой или рыбой с имбирем на пару. Пока мы идем, я пытаюсь сосредоточиться на окружающих, на каждом незнакомом лице, что проходит мимо. Но детектив Фрост, разговорчивый и неугомонный, постоянно отвлекает.

— Это моя любимая часть Бостона, — говорит он, широко раскидывая руки, точно обнимая Чайнатаун и каждого в нем. — Здесь лучшая еда, лучшие рынки, самые интересные маленькие улочки. Я всегда любил приезжать сюда.

— Даже когда пришлось ехать сюда, чтобы посмотреть на мертвое тело?

— Конечно, нет, — отвечает он с печальным смешком, — но просто есть что-то такое в этом районе. Иногда я чувствую, что мое место здесь. Словно то, что я не родился китайцем, это всего лишь случайность.

— Ясно. Думаете, вы реинкарнировали.

— Ага. В стопроцентного американского ребенка из Южного Бостона. — Он смотрит на меня, и его лицо блестит от брызг дождя. — Вы сказали, что сами из Тайваня.

— Вы были там когда-нибудь?

Он с сожалением покачал головой.

— Я не могу путешествовать так много, как мне хотелось бы. Но свой медовый месяц я провел во Франции.

— А чем занимается ваша жена?

Повисшая пауза заставляет меня взглянуть на него, и я вижу его поникшую голову.

— Она учится в юридической школе, — отвечает он тихо. Ему потребовалось мгновение, прежде чем добавить: — Мы расстались. Прошлым летом.

— Мне жаль.

— Боюсь, это был не самый хороший год, — говорит он, прежде чем внезапно

вспоминает, с кем беседует. С женщиной, которая потеряла мужа и дочь. — На самом деле, мне не на что жаловаться.

— Для каждого из нас непросто жить в одиночестве. Но я уверена, вы встретите кого-то еще.

Он смотрит на меня, и я вижу боль в его глазах.

— Но вы больше не вышли замуж, миссис Фэнг.

— Нет, не вышла.

— Должны же быть мужчины, которые вас интересовали.

— Как можно заменить любовь всей своей жизни? — я отвечаю просто. — Джеймс мой муж. Он всегда будет моим мужем.

Ему требуется минута, чтобы переварить это. Затем он произносит:

— Именно так я всегда и представлял себе любовь.

— Так и есть.

Его глаза неестественно блестят, когда он смотрит на меня.

— Только для некоторых из нас.

Мы доходим до пельменной, окна которой запотели от пара. Он быстро делает шаг вперед, чтобы открыть дверь, этот джентльменский жест кажется мне таким ироничным, когда у меня с собой смертоносный меч. Внутри тесный обеденный зал переполнен, но нам везет и удается занять последний пустой стол, стоящий у окна в углу. Я вешаю ножны на спинку стула и снимаю плащ. Из кухни веет заманчивым ароматом чеснока и пирожками на пару, до боли вкусными напоминаниями о том, что я не ела с самого утра. Из дверей кухни выносят тарелки с поблескивающими от влаги пельменями, фаршированными кусочками свинины, креветками или рыбой; за соседним столиком палочки для еды стучат по чашкам, а семья так громко болтает на кантонском, что это звучит как ссора.

Фрост выглядит озадаченным, просматривая длинный список блюд.

— Скорее всего, я предоставлю вам возможность заказать за нас обоих.

— Какие продукты вы не едите?

— Я ем все.

— Вы можете пожалеть о своих словах. Потому что мы, китайцы, действительно *едим* все.

Он с радостью принимает вызов.

— Удивите меня.

Когда официантка приносит блюдо с закусками, на котором лежат холодная медуза, куриные бедрышки и маринованные свиные ножки, его палочки колеблются перед неизвестным выбором, но затем он отправляет в рот полупрозрачный кусок свиного хряща. Я смотрю, как его глаза расширяются с выражением восторга и откровения.

— Это восхитительно!

— Вы прежде этого не пробовали?

— Полагаю, я не особо склонен к авантюрам, — признается он, пока вытирает масло чили со своих губ. — Но я пытаюсь это изменить.

— Зачем?

Он делает паузу, чтобы подумать над этим, полоска медузы свисает с его палочек.

— Думаю… думаю, это потому что я старею, понимаете? Осознаю, как на самом деле мало всего со мной произошло. И как мало времени остается, чтобы сделать все это.

Старею. Я улыбаюсь этому, потому что почти на два десятилетия старше его, и он должен считать меня древней. Тем не менее, он так на меня не смотрит. Я ловлю его за изучением своего лица, и когда я встречаюсь с ним взглядом, его щеки внезапно вспыхивают. Так же, как у моего мужа в ночь нашего первого свидания, таким же весенним вечером, вязким от тумана, как и этот. *О, Джеймс, думаю, тебе бы понравился этот молодой человек. Он так сильно напоминает мне тебя.*

Подоспели пельмени, маленькие нежные подушечки, распухшие от свинины и креветок. Я развлекаюсь, наблюдая, как он старается изо всех сил, пытаясь подхватить

скользкий кусочек и перестать гонять его палочками для еды по всей тарелке.

— Эти пельмени были любимым блюдом моего мужа. Он мог есть их десятками. — Я улыбаюсь воспоминанию. — Он предлагал работать здесь бесплатно целый месяц, если ему дадут этот рецепт.

— В Тайване он тоже работал в ресторанном деле?

Этот вопрос заставляет меня прямо посмотреть на него.

— Мой муж был специалистом по китайской литературе. Он происходил из рода потомственных ученых. Так что нет, он не был в ресторанном бизнесе. Он работал официантом, только чтобы выжить.

— Я не знал об этом.

— Слишком легко предположить, что официант, которого вы видите, это просто официант, и продавец продуктов всего лишь продавец. Но в Китайском квартале вы ничего не можете предугадать по людям. Видите тех убогих стариков, которые играют в шашки под воротами со львами? Некоторые из них миллионеры. Или та женщина за кассой? Она происходит из семьи императорских генералов. Здесь люди не те, кем кажутся, так что вам никогда не стоит недооценивать их. Не в Чайнатауне.

Он пристыжено кивает.

— Не стану. Не сейчас. И мне очень жаль, миссис Фэнг, если это прозвучало неуважительно по отношению к вашему мужу. — Его извинение звучит совершенно искренне; это еще одна причина, по которой я нахожу этого человека столь удивительным.

Я отставляю свои палочки и поворачиваюсь к нему. Теперь, когда я насытилась, то, наконец, чувствую себя в состоянии решить вопрос, который, казалось, нависал над нашим столом. Шумная семья за соседним столиком поднимается, чтобы уйти, с визгом отодвигая стулья и громко болтая на кантонском. Когда они выходят за дверь, комната внезапно кажется пустой из-за их отсутствия.

— Вы пришли, чтобы спросить о моей дочери. Почему?

Он берет минуту, чтобы ответить, вытирает руки и аккуратно складывает салфетку.

— Вы когда-нибудь слышали имя Шарлотта Дион?

Я киваю.

— Она была дочерью Дины Мэллори.

— Вы знаете о том, что случилось с Шарлоттой?

— Детектив Фрост, — говорю я, вздыхая. — Я была вынуждена жить со всеми этими событиями, поэтому они навечно заключены здесь, — я прикасаюсь к голове. — Мне известно, что миссис Мэллори прежде была замужем за человеком по имени Патрик Дион, и у них была дочь Шарлотта. Через несколько недель после стрельбы Шарлотта исчезла. Да, я знаю обо всех жертвах и их семьях, потому что сама одна из них. — Я смотрю на пустую тарелку, блестящую от подливки. — Я никогда не встречала мистера Диона, но после того, как его дочь исчезла, я написала ему открытку с соболезнованиями. Не знаю, заботился ли он по-прежнему о своей бывшей жене и оплакивал ли ее смерть. Но я знаю, каково это, потерять ребенка. Я написала ему, как мне жаль. Сказала, что понимаю его боль. Он ничего не ответил. — Я снова смотрю на Фроста. — Так что да. Я знаю, почему вы спрашиваете о Шарлотте. Вас интересует то же самое. Тому же, чему удивляюсь и я. Как возможно, что две семьи настолько прокляты? Сначала исчезает моя Лора, а затем, два года спустя, его Шарлотта. Обе наши семьи связаны и «Красным фениксом» и исчезновениями наших дочерей. Вы не первый полицейский, который спрашивает меня об этом.

— Полагаю, первым был детектив Бакхольц.

Я киваю.

— Когда Шарлотта исчезла, он приходил ко мне. Спрашивал, могли ли две девочки быть знакомы. Отец Шарлотты был очень богат, поэтому, конечно же, ее делу уделили большое внимание. Гораздо большее, чем моей Лоре.

— В своем отчете Бакхольц писал, что Лора и Шарлотта обе занимались классической музыкой.

— Моя дочь играла на скрипке.

— И Шарлотта играла на альте в школьном оркестре. Есть какая-то вероятность, что они встречались? Возможно, в музыкальной студии?

Я качаю головой.

— Я уже объясняла это полиции раз за разом. Кроме музыки, у них не было ничего общего. Шарлотта ходила в частную школу. А мы жили здесь, в Чайнатауне. — Мой голос замолкает, и я сосредотачиваюсь на соседнем столике, где сидит китайская пара со своим маленьким ребенком. На высоком стуле восседает малышка, ее волосы заплетены в крошечные косички, которые торчат вверх, точно остроконечные рожки чертика.

Официант кладет счет на наш столик. Я тянусь к нему, но Фрост успевает схватить его вперед меня.

— Пожалуйста, — говорит он. — Позвольте мне.

— За обед всегда платит самый старший.

— Это последнее слово, которое я бы использовал, описывая вас, миссис Фэнг. Кроме того, я съел девяносто процентов этого заказа. — Он кладет купюры на стол. — Разрешите подвезти вас до дома.

— Я живу всего в нескольких кварталах отсюда, в Тай Дун Виллидж. Мне проще дойти пешком.

— Тогда я пройдусь с вами. Просто из безопасности.

— Это для вашей защиты или для моей? — спрашиваю я, пока тянусь за мечом, висящим на спинке стула.

Он смотрит на Чжэн И и смеется.

— Я совсем забыл, что вы вооружены и опасны.

— Поэтому нет необходимости провожать меня домой.

— Пожалуйста. Мне так будет спокойнее.

Когда мы выходим наружу, там все еще моросит, и после удушающего тепла ресторана я с облегчением вдыхаю прохладный воздух. Туман искрится в его волосах и блестит на коже, и, несмотря на холод, я чувствую неожиданный жар в своих щеках. Он заплатил за ужин и теперь настаивает на том, чтобы проводить меня домой. Прошло так много времени с тех пор, как мужчина был столь заботлив по отношению ко мне, и я не знаю, чувствовать себя польщенной или раздраженной тем, что он считает меня такой уязвимой.

Мы идем южнее Тайлер-стрит, к старой территории Тай Дун Виллидж, двигаясь в более тихую и пустую часть Чайнатауна. Здесь нет туристов, простые скучные здания с пыльными магазинами на нижних этажах, все они в этот час забаррикадированы запертыми воротами. В ярко освещенном ресторане я могла постоять за себя сама. Сейчас же я чувствую себя незащищенной, даже с вооруженным детективом на моей стороне. Огни исчезают позади нас и тени сгущаются. Я ощущаю собственное сердцебиение и каждый вдох воздуха, проходящего сквозь мои легкие. Песнь сабли проникает в мой разум, слова, что успокаивают и готовят ко всему, что может произойти.

Зеленый дракон выходит из воды.
Ветер сдувает цветы.
Белые облака плывут над головой.
Черный тигр рыщет в горах.

Моя рука тянется к рукоятке меча, где и замирает в готовности. Мы проходим через темноту, свет и снова темноту, и мои чувства обостряются, кажется, что сама ночь трепещет.

Раздвинуть траву и найти змею слева.
Раздвинуть траву и найти змею справа.

Темнота оживает. Везде есть движение. Крыса снует по переулку. Капля воды падает в

водосток. Я вижу все это, слышу все это. Мужчина рядом со мной не обращает ни на что внимания, считая, что его присутствие обеспечивает мою безопасность. Ему и в голову не приходит, что, возможно, все совсем наоборот.

Мы переходим на Гудзон-стрит и подходим к моему скромному таунхаусу,[23] у которого есть собственный вход на нижний этаж. Пока я вытаскиваю ключи, Фрост остается в желтом свете фонаря, вокруг лампочки которого жужжат насекомые. Он остается джентльменом до самого конца, ожидая, пока я не окажусь в безопасности внутри дома.

— Спасибо за ужин и вооруженный эскорт, — говорю я с улыбкой.

— Мы на самом деле пока не в курсе происходящего. Поэтому будьте осторожны.

— Спокойной ночи. — Я вставляю ключ в замок и внезапно застываю на одном месте. Мой резкий вдох тревожит его.

— В чем дело?

— Она не заперта, — шепчу я. Дверь оставлена приоткрытой. Чжэн И уже выхвачена из ножен и находится в моей руке, и я даже не помню, как достала ее. Мое сердце колотится, когда я ударом ноги открываю дверь. Она распахивается, и за ее пределами я вижу только темноту. Я делаю шаг вперед, но детектив Фрост отстраняет меня.

— Ждите здесь, — приказывает он. Он входит внутрь с оружием наизготовку и щелкает выключателем.

Через дверь я смотрю, как он движется по моему скромному дому, мимо коричневого дивана, мимо полосатого кресла, которое Джеймс и я купили много лет назад, когда только приехали из Тайваня. Мебель, которую у меня не хватает духа заменить, потому что когда-то на ней сидели мои муж и дочь. Даже в мебели все еще остается дух моих любимых. Пока Фрост направляется на кухню, я прохожу в середину гостиной и неподвижно замираю, вдыхая воздух и изучая комнату. Мой взгляд останавливается на книжном шкафу. На пустой рамке для фотографии. Я чувствую страх.

Кто-то был здесь.

Из кухни Фрост говорит:

— Все выглядит нормально, как считаете?

Я не отвечаю, но двигаюсь к лестнице.

— Ирис, подождите, — произносит он.

Я бросаюсь вверх по лестнице, бесшумно передвигаясь. Звук моего сердцебиения звучит точно гром. Кровь приливает к конечностям и мышцам. Я обхватываю меч обеими руками и шагаю к двери моей спальни.

Разогнать облака и увидеть солнце.

Я принюхиваюсь и сразу понимаю, что злоумышленник был в этой комнате и оставил в ней запах своей агрессии. Воздух был заполнен этим запахом, и на несколько ударов сердца я не могу заставить себя шагнуть вперед и встретиться с врагом. Я слышу детектива Фроста, бегущего вверх по лестнице. Он прикрывает мне спину, но то, что ждет впереди, пугает меня.

Использовать семь звезд и приручить тигра.

Я переступаю через порог в тот момент, как Фрост включает свет. Комната внезапно возникает перед глазами, шокируя содержимым. Пропавшая фотография прибита к моей подушке лезвием ножа. Только тогда я слышу, как Фрост набирает номер на своем мобильном и поворачиваюсь к нему.

---

[23] Таунхаус (амер.) — однoквартирный дом, составляющий часть сплошного ряда домов, имеющих общие боковые стены.

— Что вы делаете? — спрашиваю я.

— Звоню своему напарнику. Она должна знать об этом.

— Не звоните ей. Пожалуйста. Вы ничего не знаете об этом.

Он смотрит на меня, его взгляд вдруг пристально концентрируется, что заставляет меня понять, насколько я его недооценивала.

— А вы?

Глава четырнадцатая

Джейн стояла в спальне Ирис Фэнг, разглядывая фотографию, которая была прорезана мясницким ножом. Это был снимок молодой Ирис, ее лицо сияло в улыбке, а на руках она держала ребенка.

— Она сказала, что нож взяли на ее кухне, — сообщил Фрост. — А ребенок — это ее дочь Лора. Фото стояло в рамке на книжном шкафу в гостиной. Тот, кто порвал его, сознательно вынул снимок из рамки и принес наверх, где она точно смогла бы его увидеть.

— Или это послание. Воткнуть нож в подушку все равно что пожелать сладких снов наоборот. Что все это значит?

— Она не знает. — Он понизил голос, чтобы его не могла услышать Ирис, находящаяся внизу. — По крайней мере, она так утверждает.

— Думаешь, она с нами не совсем откровенна?

— Не знаю. Дело в том…

— В чем?

Его голос упал еще ниже.

— Она не хотела, чтобы я звонил тебе. По правде сказать, она попросила меня обо всем забыть. Я не вижу в этом никакого смысла.

Я тоже, подумала Джейн, нахмуренно рассматривая нож, который был погружен в подушку по самую рукоять, прибив снимок к наволочке. Это был акт чистой ярости, предназначенный для устрашения.

— Необходимо приставить к дому полицейских для защиты.

— Она настаивает на том, что этого не нужно. Говорит, что не боится.

— А ты уверен, что здесь и правда кто-то побывал?

— На что ты намекаешь?

— Она сама могла это сделать. Нож взят на ее собственной кухне.

— Зачем ей это?

— Это бы объяснило, почему она не боится.

— Все произошло не так.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я был здесь, когда она обнаружила это.

Джейн повернулась к нему.

— Ты заходил в ее спальню?

— Не смотри на меня так. Я проводил ее до дома, на этом все. Мы заметили, что дверь была открыта, поэтому я зашел и проверил дом.

— Ну-ну.

— Все так и было!

Тогда почему ты выглядишь таким виноватым? Она посмотрела на изуродованное фото.

— Если бы я пришла домой и обнаружила такое, это бы меня напугало. Так почему же она не хочет, чтобы мы присматривали за ней?

— Это может быть всего лишь отношением их культуры к полиции. Тэм говорит, что люди в Чайнатауне относятся к нам с подозрением.

— Я бы с гораздо большим подозрением отнеслась к тому, кто это сотворил. — Джейн развернулась к двери. — Давай-ка побеседуем с миссис Фэнг.

Внизу она обнаружила Ирис, сидящую на выцветшем коричневом диване и выглядящую слишком спокойной для женщины, в чей дом только что проникли. Детектив Тэм ошивался поблизости, прижав к уху сотовый телефон. Он взглянул на Джейн с видом *«я не знаю, что здесь происходит».*

Джейн села напротив Ирис и с мгновение просто изучала ее, не произнося не слова. Женщина смотрела ей прямо в глаза, словно понимая, что это испытание и принимая вызов. Это был не взгляд жертвы.

— Как вы считаете, что происходит, миссис Фэнг? — спросила Джейн.

— Понятия не имею.

— В ваш дом прежде проникали?

— Нет.

— Как долго вы живете в этом доме?

— Почти тридцать пять лет. С тех пор, как мой муж и я иммигрировали в эту страну.

— У вас есть какие-нибудь предположения о том, кто мог это сделать? Возможно, какой-то мужчина, с кем вы встречались, и который разозлился на то, что вы его отвергли?

— Нет. — Она даже не помедлила, чтобы обдумать этот вопрос. Словно был только один ответ, который она могла дать. — Не было никакого мужчины. И нет никакой необходимости в участии полиции.

— Кто-то вламывается в ваш дом. Протыкает ножом для мяса фотографию и оставляет ее на вашей подушке. Сообщение яснее некуда. Кто может угрожать вам?

— Я не знаю.

— Но вы не хотите, чтобы мы установили наблюдение.

Женщина посмотрела ей в глаза, показывая, что в них нет страха. Это было, словно заглянуть в озера черной воды, в которой ничего не видно. Джейн отвела взгляд, и момент был упущен. Она увидела Тэма и Фроста, стоящих поодаль и пристально наблюдающих за их разговором. Три пары глаз уставились на Ирис, молчание затянулось, но спокойствие женщины было непоколебимо.

Пришло время подойти с другой стороны.

— Сегодня у меня состоялся интересный разговор, — сообщила Джейн. — С Патриком Дионом, бывшим мужем одной из жертв «Красного Феникса». Он рассказал мне, что каждый год в марте вы присылаете записки ему и другим семьям.

— Я не отправляла никаких записок.

— Последние семь лет все они получали их. Всегда в годовщину резни в «Красном Фениксе». Семьи уверены, что это делаете вы. Отправляете им копии некрологов их близких. Пытаетесь вернуть назад плохие воспоминания.

— Вернуть *назад* воспоминания? — Ирис застыла. — В какого рода напоминаниях нуждаются эти семьи? — Впервые в ее голосе появилось возбуждение, заставившее руки задрожать. — Я живу с моими воспоминаниями. Они никогда не покидают меня, даже когда я сплю.

— Вы отправляли какие-либо послания?

— Нет. Но никто не нуждался в этом так, как я. Из всех семей, кажется, я была единственной, кто задавал вопросы. Требовал ответов.

— Если Вы не посылали их, не знаете ли, кто бы это мог быть?

— Вероятно тот, кто считает, что истина была скрыта.

— Как и вы.

— Но я не боюсь говорить об этом.

— И делаете это очень публично. Мы знаем, что вы разместили объявление в *«Глоуб»* в прошлом месяце.

— Если бы вашего мужа убили, а вы бы знали, что убийца не наказан, разве вы не сделали бы чего-то подобного? Имело бы для вас значение, сколько прошло лет?

Какое-то время две женщины разглядывали друг друга. Джейн представила себя, просыпающейся каждое утро в этом обшарпанном доме, представила жизнь с невыносимым

горем, мучениями о потерянном счастье. Разыскивающей причины, какие-то объяснения ее загубленной жизни. Сидя в этой комнате, на потертом кресле, она ощутила отчаяние, навалившееся на плечи, пригнувшее ее вниз, душившее любую радость. Это ведь даже не мой мир, подумала она. Я могу пойти домой и поцеловать мужа. Могу обнять свою дочь и уложить ее в кроватку. А Ирис по-прежнему останется здесь, в ловушке.

— Это было девятнадцать лет назад, миссис Фэнг, — сказала Джейн. — Понимаю, что двигаться дальше совсем не просто. Но другие семьи этого хотят. Патрик Дион, Марк Мэллори — они не сомневаются, что убийцей был Ву Вэйминь. Возможно, пришло время и вам принять то, что они приняли много лет назад.

Ирис вздернула подбородок и ее глаза были тверды, как кремень.

— Я не собираюсь принимать ничего, кроме правды.

— Откуда вам знать, что это и *не есть* правда? Согласно полицейскому отчету, подавляющее число улик говорит против Ву Вэйминя.

— Полиция его не знала.

— А вы можете быть уверены, что знали его?

— Да, полностью. И это мой последний шанс сделать все правильно.

Джейн нахмурилась.

— Что вы имеете в виду, говоря о последнем шансе?

Ирис собралась с духом и подняла голову. Взгляд, который она бросила на Джейн, был исполнен спокойствия и достоинства.

— Я больна.

В комнате наступила тишина. Это простое утверждение ошеломило всех. Ирис сидела совершенно спокойно, глядя на Джейн так, словно отвергая любую жалость с ее стороны.

— У меня лейкемия в хронической форме, — пояснила Ирис. — Врач говорит, что я проживу еще лет десять. Или, быть может, даже двадцать. Иногда я чувствую себя просто великолепно. В другие дни я так измучена, что едва могу поднять голову с подушки. Вероятно, однажды эта болезнь убьет меня, но я не боюсь. Я просто-напросто отказываюсь умереть, не узнав правды. Не увидев торжества справедливости. — Она помолчала, и в ее голосе скользнула первая нота страха. — Я чувствую время, утекающее сквозь мои пальцы.

Фрост подошел к Ирис и положил руку ей на плечо. Это был обычный жест сочувствия, который используют все, но Джейн обеспокоило это прикосновение, и, приглядевшись, она увидела в его глазах потрясение.

— Она не может сегодня остаться здесь одна, — заявил Фрост. — Это не безопасно.

Тэм произнес:

— Я только что разговаривал по телефону с Беллой Ли. Миссис Фэнг может переночевать у нее, а криминалисты пока изучат место преступления.

Фрост сказал:

— Я отвезу ее туда.

— Нет, — возразила Джейн, — Тэм отвезет ее. Миссис Фэнг, почему бы вам не собрать вещи? — Она встала со стула. — Детектив Фрост, не выйдете со мной на улицу? Мне необходимо проверить периметр.

— Но…

— Фрост.

Его взгляд забегал между Ирис и Джейн и, наконец, Фрост проследовал за Джейн через входную дверь в ночь, покрытую дымкой тумана.

Как только дверь захлопнулась, она произнесла:

— Ты не хочешь рассказать мне, что происходит?

— Если бы я знал. Очевидно, кто-то пытается ее запугать. Пытается помешать задавать вопросы.

— Нет, речь о *тебе* . О том, как ты оказался с ней за ужином. Превратился в ее прекрасного рыцаря.

— Я пришел поговорить о случившемся с ее дочерью. Ты же сама знаешь.

— И каким же образом допрос превратился в ужин?
— Мы были голодны. Просто так вышло.
— Всякое бывает. Но идти на ужин с человеком, которого ты допрашиваешь? Это нечто, из ряда вон выходящее.
— Она не подозреваемая.
— Мы этого не знаем.
— Ради Бога, Риццоли, она жертва. Она потеряла своего мужа в перестрелке и теперь все, чего ей хочется, так это справедливости.
— Мы не знаем, чего она хочет на самом деле. По правде говоря, я не понимаю, чего ты добиваешься.
Желтый свет фонаря на крыльце рассеивал туман, обрамляя его голову призрачным нимбом. Святой Барри, бойскаут-идеалист, подумала она. Коп, от которого всегда можно ожидать только правильных поступков. Теперь он стоял перед Джейн, избегая ее взгляда, с виноватым видом.
— Я испытываю к ней жалость, — сказал он.
— Это все, что ты испытываешь?
— Мне просто хотелось… — Он вздохнул. — Ее муж умер девятнадцать лет назад, а она все еще любит его. Она по-прежнему сохнет по нему. Элис не испытывала ко мне такого даже десять лет назад, еще до того, как вышла за меня замуж. Я смотрю на Ирис и думаю, какого черта я не женился на ком-то вроде нее?
— Эта женщина практически в матери тебе годится.
— Я говорю совсем не об этом. Я не рассуждаю о том, чтобы встречаться с ней! Речь о преданности. О том, как любить кого-то всю свою жизнь, несмотря ни на что. — Он отвернулся и тихо произнес: — Мне никогда не узнать, каково это.
Входная дверь распахнулась, и они оба обернулись к детективу Тэму, сопровождавшему Ирис. Она кивнула Фросту, устало улыбнулась и забралась в машину Тэма. Даже когда свет фар растворился в тумане, Фрост по-прежнему смотрел ей вслед.
— Должна признать, — задумчиво выдала Джейн, — она заставила меня крепко призадуматься.
Он обернулся к ней.
— О чем?
— В одном ты прав. Она кого-то переполошила. Кого-то, кто разозлен или напуган настолько, чтобы проникнуть в ее дом. Вонзить нож в ее подушку.
— Что если она права насчет той перестрелки? И повар не делал этого?
Джейн кивнула.
— Полагаю, пришло время поближе присмотреться к «Красному Фениксу».

Глава пятнадцатая

Укрытое за высокой изгородью, бруклинское имение Патрика Диона было частным Эдемом из рощиц и лужаек, где тропинки змеились от глубоких теней до солнечных цветочных клумб. Кованые ворота отворились, и пока Джейн и Фрост въезжали через них, то заметили особняк, мелькнувший среди рядов призрачно-белых берез. Это было солидное строение в колониальном стиле, расположившееся на холме, откуда открывался вид на роскошное имение Диона.
— Что такое венчурный капиталист?[24] — спросил Фрост, проезжая мимо теннисного корта, обрамленного тенистой рощицей. — Я постоянно слышу, как используют этот термин.
— Мне кажется, они получают прибыль от вложений, — ответила Джейн.
— Но откуда они взяли деньги в самом начале?

---

[24] Венчурный капиталист — предприниматель, вкладывающий деньги в рискованное предприятие.

— У своих друзей.

— Мне необходимо обзавестись новыми друзьями.

Она затормозила на дорожке, где были припаркованы две машины, и посмотрела на дом.

— Не думай об этом. У тебя есть все эти деньги, этот прекрасный дом. Тем не менее, твоя жена уходит к другому мужчине. И твою дочь похищают на улице. Как по мне, то я предпочла бы быть бедной. — Она взглянула на него. — O'кей, теперь нам необходимо исправить ситуацию. Из слов мистера Диона можно сделать вывод, что Тэм точно не смог их очаровать.

Фрост покачал головой.

— Нам необходимо остудить пыл этого мальчишки. Он несется на всех парах. Словно у него сломался переключатель скоростей.

— Но знаешь, кого мне напоминает Тэм?

— Кого?

— Меня. Он сказал, что хочет попасть в убойный отдел, прежде чем ему стукнет тридцать. — Она открыла свою дверцу. — Он запросто это сделает.

Они поднялись по гранитным ступеням к входной двери, но прежде, чем Джейн позвонила в колокольчик, дверь распахнулась, и перед ними предстал седовласый мужчина. Несмотря на то, что ему было ближе к шестидесяти, он все еще был подтянутым и привлекательным, но его лицо выглядело изможденным, а мешковатые брюки подсказали Джейн, что он недавно похудел.

— Я увидел ваш автомобиль, поднимающийся по дороге, — сообщил он. — Я Патрик Дион.

— Детектив Риццоли, — представилась она. — А это мой напарник, детектив Фрост. — Они пожали друг другу руки, и хватка Патрика была твердой, а взгляд пристальным.

— Входите, пожалуйста. Мы все собрались в гостиной.

— Мистер Мэллори здесь?

— Да. И я так же пригласил Мэри Гилмор присоединиться к нам. Так сказать, собраться единым фронтом, потому что все мы расстроены и хотим знать, как положить этому конец.

Когда они вошли в дом, Джейн увидела элегантные деревянные полы и изящные перила, изгибающиеся наверх, к галерее второго этажа. Но рассмотреть все это не удалось, так как Патрик сразу увел их в гостиную, где уже ожидали два других гостя.

Марк Мэллори поднялся с дивана, проявляя учтивость. Ему было между тридцатью и сорока, стройный и загорелый, без намека на седину в волосах. Джейн отметила его ремень из крокодиловой кожи, топсайдеры[25] от «Сперри Топ-Сайдер»[26] и часы «Брайтлинг»,[27] маленькие признаки, насмешливо говорящие: *у меня больше денег, чем когда-либо будет у вас.* Его рукопожатие было беглым, признак того, что ему не терпелось уладить это дело.

Третьего человека в комнате нелегко было бы заметить, если бы Джейн не предупредили, что она там была. Мэри Гилмор была одного возраста с Патриком, но настолько крошечная и сгорбившаяся, что ее было почти не разглядеть в огромном кресле у окна. Когда женщина попыталась встать, Фрост тут же направился в ее сторону.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, миссис Гилмор. Просто сидите здесь, хорошо? —

---

25 Топсайдеры — яхтенные мокасины, специальная «нескользкая» обувь из кожи или парусины на резиновой подошве для передвижения по палубе.

26 «Sperry Top-Sider» — компания, в 1935 году разработавшая первую в мире модель топсайдеров, и выпускающая их и по сей день.

27 Breitling — торговая марка, под которой выпускаются швейцарские часы в кантоне Юра, официальный поставщик для мировой авиации.

настаивал Фрост, помогая опуститься ей обратно в кресло. Наблюдая за женщиной, опирающейся на него, Джейн подумала: *Что такое у Фроста с пожилыми дамами? Он любит их, и все они любят его.*

— Моя дочь тоже хотела быть здесь, — сказала миссис Гилмор. — Но она не смогла уйти с работы, поэтому я принесла записку, которую она получила. — Миссис Гилмор указала рукой в узелках артрита на журнальный столик. — Она пришла по почте в тот же день, что и моя. Каждый год они приходят тридцатого марта, в день, когда умер мой Джо. Словно она преследует нас. Это эмоциональное домогательство. Полиция может что-нибудь сделать, чтобы остановить ее?

На журнальном столике лежало три конверта. Прежде чем прикоснуться к ним, Джейн полезла в карман и достала пару перчаток.

— В перчатках нет смысла, — заявил Марк, — там никогда не остается отпечатков пальцев на буквах или конвертах.

Джейн прищурилась.

— Как вы узнали про отпечатки?

— Детектив Ингерсолл проводил анализ в лаборатории криминалистики.

— Он знает о посланиях?

— Он их тоже получает. Так же как и все, связанные с жертвами, даже бизнес-партнеры моего отца. С десяток человек знают об этом. Это продолжается несколько лет, и лаборатория криминалистики не нашла ничего на конвертах или бумаге. Должно быть, она надевает перчатки, когда отправляет их.

— Миссис Фэнг отрицает, что отправляет какие-либо послания.

Марк фыркнул.

— Кто бы еще стал это делать? Именно она подала объявление в *«Глоуб».* Она одержима этим.

— Но она отрицает, что отправляла записки. — Руками в перчатках Джейн взяла первый конверт, адресованный миссис Мэри Гилмор. На нем стоял штемпель Бостона, обратного адреса не было. Она извлекла содержимое: один сложенный лист бумаги. Это был отсканированный некролог Джозефа С. Гилмора, двадцати пяти лет, убитого в Чайнатауне в массовом убийстве-самоубийстве. Остались мать Мэри и сестра Фиби Моррисон. Погребальная литургия в церкви Святой Моники. Джейн перевернула некролог и увидела одну фразу, написанную печатными буквами.

Я знаю, что произошло на самом деле.

— Такую же чертову записку получил и я, — заявил Марк. — Мы получаем одно и то же ежегодно. За исключением того, что я получаю некролог своего отца.

— А я Динин, — спокойно произнес Патрик Дион.

Джейн взяла конверт, адресованный Патрику Диону. Внутри была фотокопия некролога Дины Мэллори, сорок лет, убита вместе с мужем Артуром при перестрелке в «Красном Фениксе». Осталась дочь от предыдущего брака, Шарлотта Дион. С обратной стороны было написано та же самая фраза, что и на послании Мэри Гилмор:

Я знаю, что произошло на самом деле.

— Детектив Ингерсолл сказал нам, что на конвертах стандартные марки, миллионами продающиеся в «Стейплс»,[28] — сказал Марк. — Чернила, которые можно обнаружить в любой ручке «Бик». Криминалистическая лаборатория обнаружила в конвертах микроскопические гранулы крахмала, указывающие на то, что отправитель был в перчатках из латекса, и так как марки и конверты самоклеящиеся, то ДНК тоже взять не удалось. Каждый год это оказывается в моем почтовом ящике в один и тот же день. Тридцатое марта.

---

[28] Staples — глобальная сеть по продаже офисного оборудования и расходных материалов.

— День убийства, — произнесла Джейн.

Марк кивнул.

— Словно нам необходимо напоминать дату.

— А почерк? — спросила Джейн. — Он отличается?

— Это всегда одни и те же печатные буквы. Те же черные чернила.

— Но в этом году послания различаются, — сказала миссис Гилмор. Она говорила так тихо, что ее голос был почти не слышен посреди всеобщих разговоров.

Фрост, стоявший ближе всех, нежно коснулся ее плеча.

— Что вы имеете в виду, мэм?

— Прежде, во все другие годы, записка гласила: *Неужели вы не хотите узнать правду?* Но в этом году она другая. В этом году она сообщает: *Я знаю, что произошло на самом деле* .

— Это, по большому счету, та же самая чепуха, — хмыкнул Марк. — Просто сказанная немного по-другому.

Миссис Гилмор посмотрела на Джейн.

— Если она это знает, то почему просто не придет и не расскажет нам, как все было на самом деле?

— Мы все и так знаем, как все было на самом деле, миссис Гилмор, — терпеливо пояснил Патрик. — Ответ на этот вопрос мы получили еще девятнадцать лет назад. Я целиком и полностью верю в то, что когда полиция закрывала это дело, она знала, что делает.

— Но что, если они ошиблись?

— Миссис Гилмор, — ответил Марк, — эти послания несут только одну цель: заставить обратить на нее внимание. Всем нам известно, что эта женщина не совсем уравновешена.

— О чем это вы? — спросил Фрост.

— Патрик, расскажите им, что вы знаете о миссис Фэнг.

Старик выглядел так, словно не особо хотел говорить об этом.

— Не уверен, что обязательно упоминать об этом сейчас.

— Нам бы хотелось это услышать, мистер Дион, — сказала Джейн.

Патрик опустил глаза на свои руки, лежавшие на коленях.

— Несколько лет назад, когда детектив Ингерсолл впервые увидел эти послания, он сообщил мне, что миссис Фэнг страдает… ну… манией величия. Она считает, что произошла из древнего рода воинов. Думает, что ее священная миссия в жизни, будучи воином, это разыскать убийцу своего мужа и отомстить.

— Можете в это поверить? — расхохотался Марк. — Словно нечто из китайской мыльной оперы. Женщина совершенно безумна.

— Она преподаватель боевых искусств, — встрял Фрост. — Ее ученики безгранично ей доверяют, и вы считаете, они почитают мошенницу.

— Детектив Фрост, — сказал Патрик, — мы не говорим, что она мошенница. Но, безусловно, ее заявления выглядят более чем абсурдно. Я знаю, что древние традиции глубоко проникли в боевые искусства, но это по большей части выдумка. Чепуха из легенд и фильмов с Джеки Чаном. Поэтому и я, и детектив Ингерсолл считаем, что миссис Фэнг была слишком глубоко травмирована смертью мужа. Она так и не смогла принять это. И ее способ справиться с горем — это поиск глубочайшего смысла, того, что придаст его смерти значение и сделает ее большим, чем просто случайный акт безумца. Ей необходимо доказать, что ее мужа убило нечто большее, и она никогда не прекратит поиски этого безымянного врага, потому что это единственное, что придает ее жизни смысл. — Печально он оглядел комнату, посмотрел на Марка. На Мэри Гилмор. — Но мы знаем правду. Это было просто бессмысленное преступление, совершенное мужчиной с неустойчивой психикой. Артур и Дина умерли без каких-либо причин. Это нелегко принять, но мы смогли это сделать. Миссис Фэнг не смогла.

— Поэтому мы и смирились с этими домогательствами, — подтвердил Марк, указывая на послания на журнальном столике. — И мы не можем заставить ее прекратить рассылать их.

— Но ведь нет никаких доказательств, что это делает она, — возразил Фрост.

— Ну, мы знаем, что *вот это* все-таки отправила она, — заявил Марк и вынул из кармана сложенную вырезку из *«Бостон Глоуб»*. Это было объявление на четверть страницы, которое описал детектив Тэм, пустое объявление в черной рамке. Под словом *«НЕВИНОВЕН»* находилось фото улыбающегося повара из «Красного Феникса», Ву Вэйминя. Ниже фото была дата убийства и единственная фраза: *ПРАВДА ТАК И НЕ БЫЛА РАССКАЗАНА.*

— Из-за этого объявления все стало намного хуже, — сказал Марк. — Теперь она обратила внимание всего города на свои заблуждения. На чем это прекратится? Когда это закончится?

— Кто-нибудь из вас разговаривал лично с миссис Фэнг об этом? — Джейн оглядела комнату, и ее взгляд остановился на Марке Мэллори.

Тот фыркнул.

— Я, к примеру, не собираюсь тратить свое время на разговоры с ней.

— Итак, вы не ходили к ней домой? Не пытались ей противостоять?

— Почему вы спрашиваете *меня* ?

— Вы злитесь больше всех, мистер Мэллори, — заметила она. Но был ли он зол настолько, чтобы вломиться в дом Ирис? Вонзить предупреждение в ее подушку? Она не знала Марка достаточно хорошо, чтобы понять, на что он способен.

— Видите, мы все расстроены, — сказал Патрик, хотя его голос звучал более устало, чем у остальных. — Но также мы знаем, что было бы неразумно пойти на любой контакт с этой женщиной. На прошлой неделе я звонил детективу Ингерсоллу, посчитав, что он может выступить от нашего имени. Но он до сих пор не ответил на мой звонок.

— На этой неделе его не будет в городе, — пояснила Джейн. Она собрала послания и сложила их в пакеты для улик. — Мы поговорим с ним об этом, когда он вернется. А пока, пожалуйста, дайте мне знать, если получите что-нибудь подобное.

— А мы будем признательны, если вы станете держать нас в курсе дела, — ответил Патрик.

Она снова пожала всем руки. Снова рукопожатие Марка было беглым, словно он уже решил, что полиция для него бесполезна. Но рука Патрика задержалась в ее, и он проводил их до двери, явно неохотно отпуская Джейн и Фроста.

— Пожалуйста, звоните мне в любое время, — сказал он. — По этому делу или… — Он сделал паузу, и, казалось, тень набежала на его глаза. — По любому.

— Нам жаль, что вам снова приходится проходить через все это, мистер Дион, — произнесла Джейн. — Я вижу, как тяжело это для вас.

— Тем более что это так тесно связано с… другим событием… — Он замолчал, его плечи поникли. — Полагаю, вы знаете о моей дочери.

Джейн кивнула.

— Я говорила о Шарлотте с детективом Бакхольцом.

Одно только упоминание имени дочери заставило его лицо скривиться от боли.

— Смерть Дины было трудно пережить. Но ничто не сравнится с потерей ребенка. Мое единственное дитя. Эти послания и то объявление в газете, они вернули все назад. Вот это действительно больно, детектив. Вот почему я хочу это остановить.

— Сделаю все, что смогу, мистер Дион.

Несмотря на то, что они уже обменялись рукопожатиями, он еще раз пожал руку Джейн. Это прощание сделало ее подавленной и тихой, пока она и Фрост возвращались к своей машине. Она открыла дверцу машины, но внутрь не села. Вместо этого Джейн уставилась на лужайку, деревья и садовые дорожки, ведущие к глубоким полуденным теням. Он владеет всем этим, но у него ничего нет, думала она, и это заметно по его лицу. По

опущенным уголкам рта, по впадинам под его глазами. Девятнадцать лет спустя, призрак дочери по-прежнему преследовал Патрика, как было бы и с любым другим родителем. Иметь ребенка означает навсегда отдать ему свое сердце.

— Детективы?

Джейн обернулась и увидела миссис Гилмор, спускавшуюся с крыльца. Она подошла к ним с мрачной решимостью, ее спина склонилась вниз из-за горба вдовы.[29]

— Я должна кое-что сказать, прежде чем вы уедете. Знаю, Патрик и Марк убеждены, что дело раскрыто. Что не осталось никаких вопросов по поводу произошедшего в ресторане. Но что, если они не правы? Что, если мы действительно *не знаем* правды?

— Итак, у вас есть сомнения, — подытожила Джейн.

Рот женщины сжался в тонкую линию.

— Я признаю это. Мой сын, Джоуи, не был святым. Я растила его хорошим мальчиком, я и вправду старалась. Но вокруг так много соблазнов, и так легко наткнуться не на тех людей. — Она пристально посмотрела на Джейн. — Вы наверняка знаете, что у Джоуи были неприятности.

— Я в курсе, что он работал на Кевина Донохью.

При упоминании этого имени миссис Гилмор плюнула:

— Кусок дерьма! Весь клан Донохью. Но мой Джоуи, он восхищался властью и любил легкие деньги. Он считал Донохью тем, кто покажет, как всего этого добиться. Но к тому времени, как он понял, о чем идет речь, Джоуи уже не мог уйти. Донохью бы ему не позволил.

— Думаете, он убил вашего сына?

— Об этом я размышляла с самого начала.

— Нет никаких доказательств этого, миссис Гилмор.

Женщина закашлялась, громко и с надрывом.

— Полагаете, Донохью не мог подкупить нескольких копов? Ему под силу прикрыть любое расследование.

— Это серьезное обвинение.

— Я южанка. Я знаю, что происходит в этом городе и знаю, что можно купить за деньги, — ее глаза сузились, взгляд остановился на Джейн. — Уверена, вы тоже это знаете, детектив.

Скрытое обвинение сделало Джейн жесткой.

— Я уделю вашим опасениям внимание, которого они заслуживают, миссис Гилмор, — спокойно ответила она и уселась в машину. Когда она и Фрост отъезжали, Джейн увидела в зеркале заднего вида женщину, все еще стоящую на дороге и пристально глядящую на них.

— Эта женщина, — пробормотала Джейн, — явно не милая старушка.

Фрост издал недоверчивый смешок.

— Она только что обвинила нас во взяточничестве?

— Именно это она и сделала.

— А ведь она выглядела такой милой.

— Для тебя они все милые. Тебе не попадалась ни одна, которая бы не понравилась. — *Или та, которой бы не понравился ты* .

Мобильный Фроста зазвонил. Пока он отвечал, Джейн размышляла о том, как легко Фросту всегда удавалось очаровывать пожилых дам. Он, конечно, слишком проникся к Ирис Фэнг, женщине, которая до сих пор была достаточно молода, чтобы выглядеть одновременно прекрасной и грозной. Она вспомнила, что Патрик сказал об Ирис: *Глубоко травмирована. Мания величия. Считает, что произошла из рода воинов.* Ирис, может, и была помешанной, но кто-то реальный ворвался в ее дом и ударил ножом в подушку. *Чье гнездо*

---

29 Горб вдовы (мед.) — проявление остеопороза, почти ничем не спровоцированные, «случайные» переломы позвоночника, образующие так называемый «вдовий горб», чудовищно искривляющий осанку.

ты разворошила, Ирис?

Фрост вздохнул, когда повесил трубку.

— Полагаю, наш день еще не закончен.

— Кто это был?

— Риэлтор здания на Напп-стрит. Я пытался дозвониться до него весь день. Он сообщил, что сегодня вечером уезжает из города, но если мы хотим осмотреть это место, он встретится с нами через час.

— Я согласна, значит, едем назад в Чайнатаун?

Фрост кивнул.

— Назад в Чайнатаун.

Глава шестнадцатая

В угасающих сумерках Напп-стрит казалась темным ущельем, отлитым из мрака посреди четырехэтажных кирпичных зданий. Джейн и Фрост стояли возле того, что когда-то именовалось рестораном «Красный феникс» и пытались заглянуть внутрь, но за зарешеченными окнами Джейн смогла разглядеть лишь тонкие оборванные занавески, почти полупрозрачные от времени.

Фрост посмотрел на часы.

— Мистер Кван опаздывает уже на пятнадцать минут.

— У тебя есть номер его мобильного?

— Не думаю, что у него есть мобильный телефон. Я весь день оставлял ему сообщения на рабочий номер.

— Риэлтор, у которого нет мобильного?

— Остается надеяться, что мы друг друга поняли. Он говорит с весьма сильным китайским акцентом.

— Здесь нам может оказаться полезен Тэм. Где он?

— Сказал, что едет сюда.

Джейн отступила назад и посмотрела на ржавую пожарную лестницу и заколоченные окна. На прошлой неделе она и криминалисты бродили по этой самой крыше, разыскивая гильзы. Прямо за углом находилась улочка, где была найдена отрезанная рука Джейн Доу. Эта улица, это здание, казалось, были эпицентром всего произошедшего.

— Похоже, оно заброшено уже много лет. Центр города, эта недвижимость должна быть одной из самых дорогих.

— За исключением того небольшого факта, что это место преступления. Тэм говорит, что в этом квартале действительно верят в призраков. И в то, что этот дом с привидениями приносит несчастья. — Он помолчал, рассматривая улицу. — Интересно, это его мы ждем?

Пожилой китаец шел, прихрамывая, словно из-за больного бедра, но двигался на удивление быстро. В своих ярко-белых кроссовках «Рибок», он с легкостью перешагнул через мешок для мусора, продолжая двигаться по неровному асфальту. Его пиджак был на несколько размеров больше, но выглядел он в нем щеголевато, точно принарядившийся профессор, вышедший на ночную прогулку.

— Мистер Кван?

— Здравствуйте, здравствуйте. Вы детектив Фрост?

— Да, сэр. А это мой напарник, детектив Риццоли.

Мужчина улыбнулся, обнажив два ряда ярких золотых зубов.

— Я сказать вам сейчас, я всегда следовать закону, о'кей? О'кей? Все всегда законно.

— Сэр, я не поэтому вам звонил.

— Очень хороший здесь расположение, Напп-стрит. Три квартиры наверху. Внизу очень хороший место для бизнеса. Может быть, ресторан или магазин.

— Мистер Кван, мы просто хотели осмотреться внутри.

— Позади два места для жильцов парковать машина…

— Он показывает нам здание или продает? — пробормотала Джейн.

— …строительная компания в Гонконге больше не хотеть управлять. Поэтому они продавать за очень хороший цена.

— Тогда почему до сих пор так и не продали? — спросила Джейн.

Вопрос, казалось, застал его врасплох, внезапно перекрыв поток скороговорок о продаже. Он хмуро глянул на нее, и его морщины, казалось, стали глубже.

— Плохая вещь случиться здесь, — наконец-то признал он, — никто не хотеть арендовать или купить.

— Сэр, мы только хотим осмотреть это место, — повторил Фрост.

— Зачем? Пустой внутри, ничего не увидеть.

— Это дело полиции. Пожалуйста, откройте дверь.

Кван неохотно достал громадное кольцо с уймой ключей, которые гремели, точно связка тюремщика. В вечернем переулке ему потребовалось мучительно долгое время, чтобы найти правильный ключ и вставить его в замок. Ворота качнулись, распахнувшись с оглушительным визгом, и все они вошли в место, которое когда-то было рестораном «Красный феникс». Мистер Кван щелкнул выключателем, и одинокая лампочка без плафона зажглась над их головами.

— Это весь свет, что тут есть? — спросила Джейн.

Риэлтор взглянул на потолок и пожал плечами.

— Пора купить лампочки.

Джейн прошла в центр этого мрачного места и оглядела комнату. Как и сказал Кван, помещение пустовало, и она увидела потертый линолеум на полу, потрескавшийся и желтый от времени. Только встроенный в барную стойку кассовый аппарат намекал на то, что когда-то здесь размещался обеденный зал ресторана.

— Мы все отчистить, закрасить, — сказал мистер Кван, — делать все как прежде, но никто не хотеть покупать до сих пор. — Он с отвращением покачал головой. — Китайские люди такие суеверные. Они даже не хотеть войти внутрь.

Я не виню их, подумала Джейн, пока холодный воздух, казалось, проникал сквозь ее кожу. Насилие оставляет след, отпечаток сверхъестественности, который ни за что не оттереть обычными мылом и хлоркой. В таком обособленном районе, как Чайнатаун, все будут помнить, что случилось в этом здании. Каждый будет вздрагивать, проходя по Напп-стрит. Даже если это здание снесут и на его месте построят другое, эта окровавленная земля навсегда останется в памяти тех, кто знает о ее гадком прошлом. Джейн опустила глаза на покрытый линолеумом пол, тот самый, по которому растекалась кровь. Хотя стены перекрасили, а пулевые отверстия замазали, в трещинах и уголках этого пола по-прежнему оставались химические следы той крови. Фотография места преступления, которую она изучала ранее, внезапно возникла в ее голове. Это было изображение искореженного тела, лежащего посреди разбросанных картонных упаковок для еды.

Вот место, где умер Джоуи Гилмор.

Она заглянула за кассу и вспомнила другую фотографию с места преступления, совпадающую с этим участком пола: тело Джеймса Фэнга, очки набекрень, одет в форменный жилет и черные брюки официанта. Он скорчился в углу за кассой, долларовые купюры разлетелись вокруг.

Джейн повернулась. Посмотрела в угол, где когда-то был столик на четверых. Она представила Дину и Артура Мэллори, сидящих за столом и попивающих чай, отогреваясь после прохлады мартовской ночи. Этот образ внезапно исчез, его заменили полицейские фото, сделанные несколько часов спустя. Артур Мэллори, резко рухнувший вперед вместе со стулом на пролитые чайные чашки. Дина, лежащая лицом в пол, ее стул опрокинут в попытке панического бегства. Стоя в этой пустой комнате, Джейн могла услышать эхо выстрелов и грохот разбивающегося фарфора.

Она обернулась в сторону кухни, где умер повар. Ни с того, ни с сего ей расхотелось входить в эту дверь. Фрост опередил ее и щелкнул выключателем. Снова загорелась всего

одна лампочка. Она последовала за Фростом и в тусклом свете увидела почерневшую кухонную плиту, холодильник и столешницу из нержавеющей стали. Цементный пол в отметинах.

Она подошла к двери подвала. Здесь, блокировав вход своим телом, лежал повар Ву Вэйминь, испустив последнее дыхание. Глядя вниз, она почти могла разглядеть, что пол здесь был темнее, цемент все еще окрашивала застарелая кровь. Она вспомнила, каким неестественно нетронутым выглядело его лицо за исключением одинокого пулевого отверстия в виске. Эта пуля отрикошетила об его череп, изорвав в клочья серое вещество, но убила его не сразу. Они знали это, потому что он истекал кровью последние секунды своей жизни, пока сердце продолжало качать кровь и выливать ее из раны водопадом, хлынувшим на ступени подвала.

Она открыла дверь и взглянула вниз, на деревянную лестницу, спускавшуюся во тьму. Лампочка на проводе болталась над головой. Она дернула за выключатель, но ничего не произошло, эта лампа перегорела.

Фрост прошел через кухню к другой двери.

— Она выходит наружу?

— К передней части здания, — ответил мистер Кван, — на парковку.

Фрост открыл дверь и увидел еще одни запертые ворота.

— За ней улочка. Отчет гласит, что через нее вошла жена повара. Она услышала выстрел и спустилась вниз, чтобы проверить, как там муж и нашла его мертвым на кухне.

— Итак, теоретически, если дверь была не заперта, любой злоумышленник мог войти через нее, — заключила Джейн.

Кван переводил взгляд с одного детектива на другого и выглядел растерянным.

— Какой злоумышленник? Повар, он убить себя.

— Мы повторно проверяем обстоятельства произошедшего, мистер Кван, — пояснил Фрост. — Просто, чтобы удостовериться, что ничего не было упущено.

Риэлтор в испуге замотал головой.

— Это быть очень плохо для Чайнатаун, — пробормотал он, несомненно, возлагая все надежды на то, чтобы покинуть проклятое здание. — Лучше забыть об этом. — Он покосился на наручные часы. — Если вы закончить, мы уходить, о'кей? Я запереть.

Джейн подняла глаза на второй этаж.

— Ву Вэйминь и его семья жили на втором этаже. Не могли бы вы показать нам их квартиру?

— Нечего там смотреть, — ответил Кван.

— Тем не менее, мы должны ее увидеть.

Он глубоко вздохнул, словно они попросили об услуге свыше человеческих возможностей. Он снова достал тяжелую связку с ключами и проделал кропотливый процесс поиска правильного ключа. Судя по тому, как много их звенело на огромном железном кольце, этот человек контролировал половину собственности в Китайском квартале. Наконец, он отыскал верный ключ и выпустил их через дверь кухни на темную улочку.

Как и главный вход в ресторан «Красный феникс», дверь квартиры на втором этаже была укрыта стальными воротами. К ночи сумерки сгустились, и Фрост посветил фонариком на замок, чтобы Кван смог вставить в него ключ. Ржавые петли заскрипели, когда он распахнул ворота, и пришлось вставить другой ключ в еще один замок, прежде чем он смог открыть внутреннюю дверь.

Внутри царила темнота. Лампочка на лестничной клетке перегорела, поэтому Джейн направила на площадку фонарик и увидела ступени, ведущие наверх и перила, до блеска отполированные бесчисленными руками, когда-то скользившими по дереву. Темнота, казалось, усиливала звук их обуви, скрипящей по ступенькам, и Джейн расслышала затрудненное дыхание мистера Квана, с усилием поднимающегося по лестнице вслед за ними.

Наверху она остановилась на лестничном пролете у двери квартиры второго этажа. Она

была не заперта, но Джейн не хотелось открывать эту дверь, не хотелось смотреть, что скрывается за ее пределами. Рука застыла на дверной ручке, холодный как лед металл касался ее кожи. Только когда она услышала свистящее дыхание за спиной и поняла, что мистер Кван добрался до верха, Джейн, наконец-то, распахнула дверь.

Она и Фрост вошли туда, где когда-то был дом Ву Вэйминя.

Окна были заколочены, блокируя любой свет снаружи. Хотя квартира была свободной уже много лет, она по-прежнему хранила запах предыдущих жильцов. Призрачный аромат благовоний и апельсинов все еще витал здесь, запертый в темной гробнице. Когда луч ее фонарика скользнул по деревянному полу, она увидела трещины и царапины от столетнего износа, шрамы, оставленные ножками стульев и передвинутой мебелью.

Она подошла к двери в дальнем конце комнаты, и когда вошла в нее, аромат благовоний и присутствие призраков, казалось, усилились. Окна в этой комнате тоже были забиты досками, и фонарик казался слишком слабым оружием для того, чтобы прорваться сквозь завесу тьмы. Ее луч пробежал вдоль стены по шрамам старых дыр от гвоздей и пятен Роршаха[30] из плесени.

На нее пристально смотрело лицо.

Она задохнулась и рванула назад, столкнувшись с Фростом.

— Что такое? — спросил он.

Потрясение заморозило ее голос; все, что она могла сделать, это посветить фонариком на портрет в рамке, висящий на стене. Когда она подошла поближе, запах благовоний стал невыносимым. Под портретом стоял низкий столик, на котором она увидела остатки ароматических палочек, сгоревших дотла и торчащих комочками среди кучек пепла. На фарфоровой тарелке лежало пять апельсинов.

— Это он, — пробормотал Фрост, — это фото повара.

В первый момент Джейн собиралась возразить, но когда она рассмотрела лицо, то поняла, что Фрост был прав. Человеком на фото действительно был Ву Вэйминь, но на них смотрел вовсе не маньяк-убийца. На этом снимке он смеялся, сжимая в руках удочку, на голове бейсболка «Бостон Ред Сокс», залихватски сдвинутая набекрень. *Счастливый мужчина счастливым днем.*

— Выглядит как некоего рода храм его памяти, — хмыкнул Фрост.

Джейн взяла апельсин с тарелки и понюхала его. Увидела, что плодоножка имела оттенок зеленого. Настоящий, решила она. Джейн обернулась к мистеру Квану, которого едва могла разглядеть в дверном проеме.

— У кого еще есть ключ к этому зданию?

— Ни у кого, — ответил он, — я иметь единственный ключ.

— Но эти апельсины свежие. Кто-то недавно здесь был. Кто-то оставил это подношение и жег эти благовония.

— Эти ключи *всегда* со мной, — настаивал он, громко бряцая связкой для выразительности.

— Ворота внизу запираются на дверной засов, — сказал Фрост. — Вы не могли взломать замок.

— Тогда как мог кто-то другой… — Она потрясенно замолчала. Рванула к двери.

Раздался звук шагов, поднимающихся по лестнице.

В одно мгновение оружие выхвачено из кобуры и сжато обеими руками. Отодвинув

[30] Пятна Роршаха, также известен как «Тест Роршаха» — психодиагностический тест для исследования личности, созданный в 1921 году швейцарским психиатром и психологом Германом Роршахом. Это один из тестов, применяемых для исследования личности и ее нарушений. Испытуемому предлагается дать интерпретацию десяти симметричных относительно вертикальной оси чернильных клякс. Каждая такая фигура служит стимулом для свободных ассоциаций — испытуемый должен назвать любые возникающие у него слово, образ или идею. Тест основан на предположении, согласно которому то, что индивид «видит» в кляксе, определяется особенностями его собственной личности.

мистера Квана, она быстро выскользнула из спальни. Когда она пересекала гостиную, то ощутила, как колотится ее сердце, услышала шаги Фроста, поскрипывающие справа от нее. Пахло благовониями, плесенью и потом, внезапно она стала замечать десятки деталей. Но то, на чем она сфокусировалась, была дверь на лестничную клетку, черный провал, к которому сейчас что-то направлялось. То, что внезапно приняло человеческие очертания.

— Не двигаться! — скомандовал Фрост. — Полиция Бостона!

— Притормози, Фрост. — Джонни Тэм испуганно хохотнул. — Это всего лишь я.

Из-за спины Джейн раздался пронзительный крик страха мистера Квана:

— Кто он? Кто он?

— Какого черта, Тэм, — буркнул Фрост, раздраженно пыхтя и убирая оружие в кобуру. — Я мог бы прострелить тебе голову.

— Вы сказали мне встретиться с вами здесь, верно? Я бы приехал раньше, но застрял в пробке, возвращаясь из Спрингфилда.

— Вы говорили с владельцем той «Хонды»?

— Ага. Тот сообщил, что ее украли прямо с подъездной дорожки возле дома. И в машине не было GPS. — Он поводил фонариком по комнате. — Итак, что здесь происходит?

— Мистер Кван проводит нам экскурсию по зданию.

— Оно было заколочено много лет. Что тут увидишь?

— Больше, чем мы ожидали. Это квартира Ву Вэйминя.

Фонарик Тэма осветил пятна плесени и обвалившуюся с потолка штукатурку.

— Это место словно вышло из эпохи свинцовых белил.

— Здесь нет свинцовых белил, — отрезал Кван, — нет асбеста и прочего.

— Но посмотрите, что мы обнаружили, — сказала Джейн, поворачиваясь к спальне, — кто-то посещал эту квартиру. И они оставили после себя… — Она запнулась, ее луч уткнулся в пустую стену.

— Оставили после себя что?

Должно быть, я не там смотрю, подумала она и переместила луч света. Однако снова увидела голую стену. Джейн обвела фонариком всю комнату, пока не увидела столик с ароматическими палочками и апельсинами. Стена над ним была пуста.

— Какого черта? — прошептал Фрост.

Сквозь стук собственного сердца она услышала, как одновременно открылись три кобуры. В то время как она вытаскивала пистолет, то прошептала:

— Тэм, отведи мистера Квана на лестничную площадку и оставайся с ним. Фрост, ты со мной.

— Зачем? — протестовал мистер Кван, пока Тэм вытаскивал его из комнаты. — Что происходит?

— Туда, к дверному проему, — прошептала она, светя на черный прямоугольник.

Вместе с Фростом она потихоньку подкрадывалась к двери, пучки их света бешено скакали, прочесывая каждый темный уголок. Собственное дыхание отдавалось ревом в ушах, все чувства обострились. Она почуяла запах темноты, промелькнувший, точно луч ее фонарика, скачущего то тут, то там. Вес оружия был значительным и успокаивающим. *На той крыше у Джейн Доу тоже было оружие, и оно ее не спасло.*

Она подумала о лезвиях, рассекших кости запястья, горло и трахею и ей стало страшно входить в этот проход и встречаться с тем, что ожидает по другую сторону двери.

Один, два, три. Сделай это.

Она вошла первой, присев на корточки и обводя фонариком пространство. Тяжелое дыхание Фроста раздавалось за спиной, пока она рассматривала фарфоровый унитаз, раковину и окрашенную ржавчиной ванную. Никакого Бугимена[31] с лезвием.

---

[31] Бугимен (англ.) — персонаж устрашения в сказках, притчах и былинах. В России его аналог называют Букой или Бабайкой.

Следующая дверь.

На этот раз инициативу взял на себя Фрост, проскользнув в спальню, где лохмотьями свисали обои, словно комната сбрасывала кожу. Никакой мебели, спрятаться негде.

Еще одна дверь, через которую они вернулись в гостиную. Назад на знакомую территорию. Джейн вышла на лестничную клетку, где ожидали Тэм и мистер Кван.

— Ничего? — спросил Тэм.

— Это фото не могло уйти само.

— Мы все это время были на лестнице. Мимо нас никто не проходил.

Джейн убрала пистолет обратно в кобуру.

— Тогда как, черт возьми…

— Риццоли! — позвал Фрост. — Взгляни на это!

Они нашли его стоящим у окна спальни, где висел портрет. Как и все другие окна, оно было заколочено, но когда Фрост прикоснулся к доске, та легко сдвинулась в сторону, удерживаемая на месте одним-единственным гвоздем, торчащим в раме. Джейн выглянула сквозь щель и обнаружила, что из окна открывается вид на Напп-стрит.

— Здесь пожарная лестница, — произнес Фрост. Он высунул голову наружу и вытянул шею, пытаясь рассмотреть крышу. — Эй, там что-то движется!

— Вперед, вперед! — скомандовала Джейн.

Фрост неуклюже протиснул сквозь щель свои длинные руки и ноги и загрохотал, поднимаясь по пожарной лестнице. Тэм выбрался вслед за ним, двигаясь с грацией акробата. Джейн появилась из окна последней и забралась на металлическую лестницу, оглядев улицу. Заметила раскуроченные ящики, разбитые бутылки. Да, свалиться сюда было бы чертовски скверным падением. Она заставила себя сосредоточиться на вершине лестницы, где гремел ступеньками Фрост, громко объявляя всему миру, что они устроили погоню.

Джейн карабкалась позади Тэма, хватая руками скользкий металл, в то время как ветер обдувал пот с ее лица. Она слышала кряхтение Фроста, видела его силуэт, дергающий ногами на фоне ночного неба, пока он перекидывал свое тело через край крыши. Джейн ощущала, как его движения отдаются в ступеньках, как дергается пожарная лестница, и на мгновение поддалась панике, представив, что кронштейны могут не выдержать вес трех тел, расшатывающихся на лестнице, и оторваться с металлическим визгом, сбросив их на асфальт. Она замерла, вцепившись в лестницу, опасаясь, что даже дуновение ветерка может привести к катастрофе.

От крика наверху волосы на ее затылке встали дыбом. *Фрост.*

Джейн подняла голову, ожидая увидеть его тело, летящее вниз, но все, что она заметила, это как Тэм оставил позади последние ступеньки и скрылся на крыше. Она вскарабкалась за ним, вне себя от ужаса. Когда Джейн достигла края крыши, кусок асфальтовой плитки отвалился от ее прикосновения и улетел вниз, со стуком приземлившись в темноте. Дрожащими руками она ухватилась за край, подтянулась наверх и заползла на крышу. Заметила Тэма, притаившегося за несколько метров от нее.

Фрост. Где Фрост?

Она вскочила на ноги и принялась всматриваться в крышу. Заметила мелькнувшую тень, двигавшуюся так быстро, что это могла быть только кошка, юркнувшая с кошачьей грацией во тьму. Под ночным небом Джейн увидела пустые крыши, одна переходит в другую, с торчащими антеннами, водосточными трубами и откосами. Но Фроста не было.

Боже милосердный, он упал. Он где-то на земле, мертвый или при смерти.

— Фрост? — кричал Тэм, кружа по крыше. — *Фрост?*

Джейн достала свой мобильник.

— Это детектив Риццоли. Пересечение Бич и Напп-стрит. Офицер упал…

— Он здесь! — заорал Тэм. — Помогите мне вытащить его!

Она обернулась и увидела Тэма, который стоял на корточках у края крыши, будто собираясь нырнуть ласточкой вниз. Она засунула телефон обратно в карман и побежала к нему. Увидела Фроста, цеплявшегося обеими руками за водосток, с ногами, болтавшимися

на уровне четвертого этажа. Тэм упал на живот и протянул руку, чтобы схватить Фроста за левое запястье. Крыша в этом месте была покатая, и один неверный шаг мог заставить их обоих соскользнуть с крыши. Джейн плюхнулась на живот рядом с Тэмом и схватила Фроста за кисть правой руки. Вместе они тянули, с трудом протаскивая его через каменную черепицу, которая цеплялась за куртку Джейн и обдирала ей кожу. Громко кряхтя, Фрост плюхнулся на крышу рядом с ними, где и рухнул, задыхаясь.

— Иисусе, — прошептал он, — я думал, что погиб!

— Вот черт, ты споткнулся и упал? — спросила Джейн.

— Я преследовал это, но, клянусь, оно летело по крыше, словно адская летучая мышь.

— О чем ты говоришь?

— Разве вы не видели его? — Фрост сел, даже в темноте Джейн могла заметить, что он был бледен и дрожал.

— Я ничего не видел, — ответил Тэм.

— Оно было прямо здесь, стояло там же, где и вы сейчас. Обернулось и посмотрело на меня. Я отскочил назад и потерял равновесие.

— Оно? — хмыкнула Джейн. — Мы говорим о человеке или как?

Фрост судорожно выдохнул. Развернувшись, он глазел на очертания крыш Чайнатауна.

— Я не знаю.

— Как это ты не знаешь?

Медленно Фрост поднялся на ноги и повернулся лицом в сторону, куда убежало это существо, кем бы оно не было.

— Оно перемещается слишком быстро для человека. Это все, что я могу вам сказать.

— Здесь темно, Фрост, — произнес Тэм. — Когда ты переполнен адреналином, то не можешь быть полностью уверен в том, что видишь.

— Знаю, это звучит безумно, но здесь было *нечто* такое, чего я никогда прежде не видел. Вы должны мне поверить!

— Хорошо, — сказала Джейн, похлопав его по плечу, — я тебе верю.

Фрост взглянул на Тэма.

— Но вы не верите, не так ли?

В темноте они разглядели, как Тэм пожал плечами.

— Это Чайнатаун. Здесь случаются странные вещи. — Он рассмеялся. — Возможно, в этом «Призрачном туре» есть что-то большее, чем мы думаем.

— Это был не призрак, — возразил Фрост. — Я говорю вам, что оно было из плоти и крови и стояло прямо тут. Оно было настоящее.

— Никто кроме вас этого не видел, — сказал Тэм.

Фрост обошел крышу и остановился, глядя на улицу внизу.

— Возможно, это не совсем так.

Джейн последовала за ним к краю крыши и увидела пожарную лестницу, по которой они взбирались несколькими минутами ранее. Под ними была Напп-стрит, освещенная тусклым светом фонаря.

— Видишь это? — спросил Фрост и показал на то, что было прикреплено на углу здания.

Камера наблюдения.

Глава семнадцатая

Даже в девять тридцать вечера сотрудники службы безопасности Дэдхема[32] находились на работе, наблюдая за всей собственностью, расположенной в районе Большого

---

[32] Дэдхем или Дедем (Dedham) — пригород на северо-западе Бостона.

Бостона.[33]

— Плохие парни обычно приступают к работе после наступления темноты, — сказал Гас Гиллиам, пока вел трио детективов к мониторам видеонаблюдения. — Поэтому мы тоже должны бодрствовать. Если какая-нибудь из наших сигнализаций срабатывает, мы сразу сообщаем об этом полиции Бостона, вот *так* , — он щелкнул пальцами. — Если вам когда-нибудь понадобится система безопасности, звоните нам.

Тэм рассматривал видеотрансляции на мониторах.

— Ничего себе. У вас и вправду глаза по всему городу.

— По всему округу Саффолк. И наши камеры действительно исправно работают. Половина камер видеонаблюдения, которые установлены в городе всего лишь муляжи, которые ни черта не пишут. Так что, если вы плохой парень, это как игра в угадайку. Вы не знаете, какие камеры на самом деле работают, а какие нет. Но когда они замечают какую-нибудь камеру, то, как правило, отказываются от своих намерений и ищут более легкую добычу, поэтому простая камера в поле зрения уже служит сдерживающим фактором.

— Нам повезло, что камера на Напп-стрит настоящая, — сказала Джейн.

— Это точно. Мы храним видеозаписи сорок восемь часов, — он завел их в заднюю комнату, где возле монитора уже стояли четыре стула. — Обычно этого времени достаточно, чтобы нам поступило уведомление сохранить соответствующую запись после какого-либо происшествия. Конкретно эта камера была установлена около пяти лет назад. Последний раз, когда нас просили предоставить из нее видео, мы поймали малыша, разбившего окно. — Он уселся перед монитором. — Говорите, что вас интересует пожарная лестница на площадке второго этажа?

— Надеюсь, это находится в поле зрения вашей камеры, — произнесла Джейн. — Здание, о котором идет речь, находится около двадцати-двадцати пяти ярдов от нее.

— Не знаю. Возможно, слишком далеко, чтобы рассмотреть детали, и второй этаж может быть вне поля зрения. Плюс речь идет о низком разрешении. Но давайте-ка посмотрим.

Пока три детектива рассаживались перед монитором, Гиллиам нажал на воспроизведение, и в режиме предпросмотра в реальном времени появилась Напп-стрит. Можно было разглядеть двух пешеходов, проходящих мимо в сторону Нилэнд-стрит спиной к камере.

— Взгляните, — сказал Фрост, — можно рассмотреть угол пожарной лестницы.

— К сожалению, само окно не видно, — сказала Джейн.

— Этого может быть недостаточно. — Фрост наклонился поближе и прочел дату и время записи. — Отмотайте на два часа назад. Девятнадцать тридцать. Давайте посмотрим, сможем ли мы поймать изображение нашего злоумышленника.

Гиллиам перемотал на семь тридцать вечера.

В девятнадцать сорок пять пожилая женщина медленно прошла по Напп-стрит, с руками, оттянутыми продуктовыми пакетами.

В девятнадцать пятьдесят Джонни Тэм приблизился к ресторану «Красный феникс». Он заглянул в окно, посмотрел на часы, а затем скрылся сквозь незапертую входную дверь. Через минуту он появился вновь, вглядываясь в окна верхнего этажа. Обошел здание в направлении задней части и исчез за углом.

В двадцать ноль шесть что-то промелькнуло в районе пожарной лестницы. Это был Фрост, неуклюже выбиравшийся из окна. Он подергал ногой и вышел из зоны видимости.

— Что за черт? — пробормотал Фрост. — Никто не пробрался впереди меня. Я знаю, что преследовал кого-то на лестнице.

— Оно не появилось на записи, — сказала Джейн.

---

[33] Большой Бостон (Greater Boston) — район, который образует Бостон вместе с пригородами.

— И, Риццоли, ты есть на пленке. Почему не появился Тэм, а? Он выбрался сразу следом за мной.

Тэм фыркнул.

— Возможно, я призрак.

— Все дело в поле видимости, — вмешался Гиллиам, — мы ловим всего лишь уголок пожарной лестницы, поэтому камера не замечает тех, кто наиболее… эмм… элегантно входит и выходит.

— Другими словами, из меня и Фроста вышли бы паршивые воры-домушники, — заключила Джейн.

Гиллиам улыбнулся.

— А детектив Тэм преуспел бы в этом.

Джейн вздохнула.

— Итак, мы ничего не обнаружили на этой камере.

— Это если предполагать, что злоумышленник входил только один раз.

Джейн вспомнила запах благовоний и свежих апельсинов на тарелке. Кто-то регулярно посещает эту квартиру, оставляя подношения в память о Ву Вэймине.

— Вернитесь, — сказала она, — на две ночи назад.

Гиллиам кивнул.

— Стоит взглянуть.

На мониторе время отмоталось назад, на двадцать один час тридцать восемь минут, сорока восемью часами ранее. На видео снова наступило двадцать два часа, затем полночь, пешеходы проходили мимо, их движения были ускоренными и шаткими. В два часа ночи Напп-стрит была пустынна, и они наблюдали недвижимую улицу, по которой лишь порхали редкие клочки бумаги.

В три ноль две Джейн увидела его.

Это была всего лишь промелькнувшая тень на площадке пожарной лестницы, но и этого было достаточно, чтобы заставить ее вскочить со стула.

— Стоп. Назад! — отрезала она.

Гиллиам отмотал запись назад и поставил на паузу изображение тени на пожарной лестнице.

— Это не так уж и много, — хмыкнул Тэм, — возможно, эта тень всего лишь кошка.

— Если кто-то вошел в это здание, — проговорил Фрост, — значит, он должен выйти, верно?

— Тогда давайте посмотрим, что произошло дальше, — сказал Гиллиам и поставил видео на ускоренную перемотку. Они наблюдали, как два явно пьяных человека, шатаясь, проследовали вниз по Напп-стрит и скрылись за углом. Спустя несколько секунд Джейн выдохнула. *«Здесь».*

Гиллиам остановил изображение и уставился на крадущуюся по пожарной лестнице тень. Он тихо произнес:

— Что это за чертовщина?

— Я же *говорил* вам, что видел что-то, — сказал Фрост. — Вот оно.

— Даже не знаю, на что мы смотрим, — хмыкнул Тэм. — Вы не видели лица, вы даже не уверены, что это человек.

— Но у него две ноги, — проговорил Фрост, — посмотрите, как оно двигает конечностями. Словно собирается прыгнуть.

Мобильник Джейн зазвонил, звук был настолько неожиданным, что ей пришлось собраться с духом, чтобы ответить ровным голосом.

— Детектив Риццоли.

— Вы оставили мне голосовое сообщение, — произнес мужчина. — Я отвечаю на ваш звонок. Это Лу Ингерсолл.

Она выпрямилась на стуле.

— Детектив Ингерсолл, мы пытались связаться с вами всю неделю. Нам необходимо

поговорить с вами.

— О чем?

— Об убийстве в Китайском квартале. Произошло ночью в прошлую среду. Жертва — Джейн Доу, женщина около тридцати лет.

— Вы в курсе, что я ушел из полиции шестнадцать лет назад? Почему вы спрашиваете меня об этом?

— Мы считаем, что смерть может быть связана с одним из старых дел. Массовым убийством в «Красном Фениксе».

Возникло долгое молчание.

— Не думаю, что хочу обсуждать это по телефону, — ответил он.

— Как насчет личной встречи, сэр?

Джейн слышала, как он ходит по квартире. Слышала его учащенное дыхание.

— Хорошо, полагаю, что этот автомобиль уже уехал. Жаль, что я не записал чертов номерной знак.

— Что за автомобиль?

— Фургон, который был припаркован на улице напротив моего дома, когда я вернулся. Возможно, тот же самый сукин сын, который вломился сюда, пока я был на севере штата.

— Что, собственно, происходит?

— Приезжайте, и я расскажу вам свою версию.

— Мы в Дэдхеме. Нам потребуется полчаса, может быть, и больше. Вы уверены, что мы не можем поговорить об этом сейчас?

Она услышала, как он снова принялся вышагивать по комнате.

— Я не хочу ничего говорить по телефону. Я понятия не имею, кто может это услышать, а я обещал, что буду держать ее подальше от всего этого. Поэтому я просто подожду, пока вы приедете.

— Что все это значит?

— Девочки, детектив, — ответил он. — Все это из-за того, что случилось с теми девочками.

— По крайней мере, теперь ты мне веришь, — сказал Фрост, когда они ехали в сторону Бостона. — Теперь, когда ты видела это собственными глазами.

— Мы не знаем, что видели на том видео, — парировала она, — уверена, есть логичный ответ.

— Никогда прежде не видел человека, который бы настолько быстро двигался.

— И кто же, ты считаешь, это был?

Фрост уставился в окно.

— Знаешь, Риццоли, в это мире куча вещей, которых мы не понимаем. Вещей настолько древних, настолько странных, что мы не станем принимать их во внимание. — Он помолчал. — Я встречался с китаянкой.

— Ты? Когда?

— Это было еще в школе. Она и ее семья только что приехали из Шанхая. Она была по-настоящему милой, по-настоящему застенчивой. И очень старомодной.

— Может быть, тебе надо было жениться на ней, а не на Элис.

— Ну, ты же знаешь, что значит соображать после того, как дело уже сделано. Из этого все равно бы ничего не вышло, потому что ее семья была решительно настроена против любого белого мальчика. Но ее прабабушка, она была приветлива со мной. Полагаю, я ей понравился, потому что был единственным, кто уделял ей внимание.

— Боже, Фрост, если кто-то и понимает старушек, то кто, как не ты?

— Мне нравилось слушать ее истории. Она говорила, и Джейд переводила мне. Вещи, которые она рассказала мне о Китае, подруга, даже если всего лишь часть этого была правдой…

— Например?

Он посмотрел на нее.

— Ты веришь в призраков?

— Сколько мертвецов было вокруг нас? Если бы призраки существовали, мы точно были теми, кто видел хотя бы одного.

— Прабабушка Джейд говорила, что в Китае призраки повсюду. Она сказала, что это оттого, что Китай такой древний, и миллионы, и миллионы душ умерли там. Они должны где-то находиться, в конце концов. Если они не на небесах, то должны быть прямо здесь. Среди нас.

Джейн притормозила на светофоре. Пока она ждала зеленый свет, то размышляла о том, сколько душ могло до сих пор оставаться в этом городе. Сколько их может быть именно в этом месте, на перекрестке двух дорог. Добавить всех умерших, век за веком, и Бостон, несомненно, окажется домом с привидениями.

— Старая миссис Чэнг, она рассказывала мне о вещах, звучавших безумно, но она верила в них. Воинствующие монахи, которые могли летать по воздуху и становиться невидимыми.

— Похоже, что она смотрела слишком много фильмов про кунг-фу.

— Но легенды должны быть на чем-то основаны, не считаешь? Возможно, наши западные умы слишком закрытые, чтобы принять то, что мы не можем понять, и в этом мире происходит гораздо больше, чем мы догадываемся. Разве ты не почувствовала это в Чайнатауне? Всякий раз, когда я оказываюсь там, то думаю о том, чего не замечаю, обо всех этих скрытых подсказках, которые не могу увидеть, потому что слишком слеп. Я захожу в эти пыльные магазины трав и вижу странные засушенные штуковины в банках. Для нас это просто надувательство, но что, если эти штука на самом деле могут излечить от рака? Или продлить жизнь до ста лет? Китай был цивилизацией на протяжении пяти тысяч лет. Они должны знать нечто особенное. Секреты, о которых они никогда нам не расскажут.

В зеркале заднего вида Джейн заметила автомобиль Тэма, следующий за ними. Она спросила себя, что бы он подумал об этом разговоре, оскорбили бы его эти рассказы об экзотических и загадочных китайцах. Загорелся зеленый свет.

Когда она проехала через перекресток, то предупредила:

— Я бы не стала обсуждать это с Тэмом.

Фрост покачал головой.

— Вероятно, это разозлит его. Я не выгляжу расистом, верно? Я встречался с китаянкой.

— А вот это, несомненно, его разозлит.

— Я всего лишь пытаюсь понять, раскрыть свой разум для вещей, которых мы не видим.

— Вообще-то я не понимаю, как все это соотносится с мертвой женщиной на крыше. Старое убийство-самоубийство. А теперь Ингерсолл бормочет о фургоне, наблюдающем за его домом. И что-то о девочках.

— Почему он не стал говорить с тобой по телефону? Кто, как он считает, мог прослушивать разговор?

— Он не сказал.

— Всякий раз, как кто-то принимается говорить о том, что его телефон прослушивается, у меня внутри начинают звонить тревожные колокола. Он не показался параноиком?

— Он показался обеспокоенным. И он сказал *«ее».* Сказал, что обещал держать *ее* подальше от всего этого.

— Ирис Фэнг?

— Понятия не имею.

Фрост принялся рассматривать дорогу впереди них.

— Старый коп вроде него, вероятно, будет вооружен. Нам лучше быть с ним милыми и неторопливыми. Не спугнуть его.

Пятнадцать минут спустя Джейн остановилась перед жилищем Ингерсолла, а Тэм припарковался прямо позади них. Все они вышли из машин, одновременно захлопнув дверцы. Внутри трехэтажного таунхауса горел свет, но когда Фрост позвонил в дверь, ему никто не ответил. Он позвонил еще раз и постучал в окно.

— Я позвоню ему, — сказала Джейн, набирая номер Ингерсолла на своем мобильнике. Они услышали, как его телефон звонит где-то внутри дома. Четыре гудка, а затем включился автоответчик, воспроизведя короткую запись. *Нет на месте. Оставьте сообщение.*

— Не могу ничего разглядеть, — сообщил Тэм, пытаясь заглянуть сквозь занавешенные окна.

Джейн повесила трубку и сказала Фросту:

— Звони еще. Тэм, обойдем дом с другой стороны. Может быть, он нас не слышит.

Пока Джейн и Тэм обходили здание, она могла слышать, как Фрост продолжал стучать во входную дверь. Узкая тропинка между домами была неосвещенной и заросшей кустарником. Она почувствовала запах мокрых листьев и ощутила, как ее обувь проваливается в сырую траву. Через окно она увидела голубое сияние телевизора Ингерсолла и остановилась, рассматривая гостиную, где на экране мелькали изображения. На кофейном столике лежали сотовый телефон и недоеденный бутерброд.

— Это окно не закрыто, — произнес Тэм, — я могу пролезть в него. Вы позволите?

В сумерках они разглядывали друг друга, оба размышляли о последствиях проникновения в дом без разрешения или ордера.

— Он пригласил нас, — решила она. — Возможно, он просто сидит в туалете и ничего не слышит.

Тэм отодвинул открытое окно. Спустя несколько секунд он запрыгнул на подоконник и проскользнул в дом, не издав ни звука. «Как, черт возьми, ему это удается?» — мысленно спрашивала она, глядя на высокий подоконник, доходящий ей до груди. Из этого человека и в самом деле мог бы получиться превосходный вор-домушник.

— Детектив Ингерсолл? — позвал Тэм, заходя в соседнюю комнату. — Это полиция Бостона. Вы здесь?

Джейн обдумывала, так ли хорошо будет залезть через окно, пыхтя и падая, и решила, что подоконник слишком высок для нее, лучше дождаться, пока Тэм откроет входную дверь.

— Риццоли, он здесь! Он неподвижен!

Крик Тэма смахнул всю нерешительность. Она ухватилась за подоконник и собралась перекинуть себя через него вниз головой, когда услышала шорох кустов и глухие шаги в темноте.

Позади дома. Подозреваемый убегает.

Она бросилась в погоню и достигла задней части здания как раз вовремя, чтобы увидеть, как темный силуэт вскарабкался на забор и спрыгнул по другую сторону.

— Фрост! Мне нужна помощь! — закричала она, перепрыгивая через забор. Заряд адреналина помог ей перескочить через него, щепки воткнулись в ладони. Она приземлилась на другой стороне и боль от удара пронзила голени.

Ее добыча была на виду. *Человек.*

Она услышала, как кто-то взбирается через забор позади нее, но не оглянулась, чтобы узнать, Фрост это или Тэм. Она сосредоточила все внимание на фигуре впереди. Джейн была достаточно близко, чтобы увидеть, что он был полностью в черном. Определенно, одет для преступления. *Но недостаточно быстрый, чтобы сбежать от этой девушки-полицейского.*

Ее подмога приземлилась позади, но она не замедлила бега, не дав своей добыче ни единого шанса ускользнуть прочь. Она была уже в десятке метров от него.

— Полиция! — прокричала она. — Не двигаться!

Он метнулся вправо, проскользнув между зданиями.

Это разозлило ее. Возмущенная столь явным игнорированием закона, она забежала за угол и очутилась в переулке. Здесь было темно, слишком темно. Ее шаги отдавались эхом, когда она тяжело шагала вперед, прошла с полдюжины шагов, затем помедлила.

Остановилась.

Где же он? Куда он подевался?

С оружием наизготовку и стучащим сердцем, Джейн всматривалась в тени. Увидела мусорные бачки и услышала звук разбитого стекла позади.

Пуля вонзилась ей в спину прямо между лопатками. От удара она полетела вперед и распласталась на животе, ободрав ладони об асфальт. Оружие вылетело из рук. Бронежилет из кевлара спас Джейн, но сильный удар пули выбил дыхание из легких, и она лежала, ошеломленная, а пистолет был где-то вне зоны досягаемости.

Шаги медленно приближались, и она попыталась встать на колени, шаря вокруг в поисках своего оружия.

Шаги замерли прямо позади нее.

Она обернулась, чтобы увидеть силуэт человека, возвышающегося над ней. Сумерки скрывали его лицо, но в свете далекого фонаря она увидела, как он поднял руку. Заметила слабый отблеск пистолета, который он направил ей в голову. Это был бы быстрый и эффективный конец, когда убийца и жертва не обменяются даже прощальным взглядом. Габриэль, подумала она. Реджина. Я никогда не больше не смогу сказать вам, как сильно люблю вас обоих.

Она услышала, как смерть прошептала в ночи, почувствовала, как ветер просвистел мимо уха. Что-то брызнуло ей в лицо, и Джейн моргнула. Когда она снова открыла глаза, силуэт, нависший над ней, уже падал вперед. Он приземлился ей на ноги, словно срубленное дерево. Придавленная телом человека, она чувствовала, как теплая жидкость разливается по ее одежде. Джейн узнала хорошо знакомый медный запах.

Что-то дышало в темноте, нечто, что сейчас маячило на том же месте, где секундой раньше стоял преступник. Она не видела лица, только темный овал, обрамленный серебристыми волосами. Оно не произнесло ни слова, но когда отвернулось, что-то яркое мелькнуло в его руке, яркая дуга, от которой отразился свет, и существо исчезло, словно его и не было. Она услышала, как ей показалось, ветер, когда тень умчалась в сумерки. Теперь она была одна, по-прежнему прижатая к тротуару телом человека, залившего кровью ее одежду.

— Риццоли? *Риццоли!*

Она попыталась освободиться от тяжести мертвого тела, придавившего ноги.

— Я здесь! Фрост!

Луч фонарика промелькнул вдали. Приблизился, увеличился и пересек переулок.

Кряхтя от усердия, Джейн, наконец, удалось сдвинуть тело. Вздрагивая от прикосновения к мертвой плоти, она отползла в сторону.

— Фрост, — произнесла она.

Фонарик посветил прямо в глаза, и она подняла руку, защищаясь от света.

— Иисусе, — заплакал Фрост, — ты…

— Я в порядке. Я в норме! — Она сделала глубокий вздох и почувствовала боль от удара пули в ее кевларовый жилет. — По крайней мере, мне так кажется.

— Вся эта кровь…

— Она не моя. Это его.

Фрост направил фонарик на труп, и она пораженно выдохнула, что отдалось болью в ребрах. Тело лежало грудью вниз, и отрезанная голова откатилась на несколько шагов. Глаза смотрели вверх прямо на них, рот открыт, словно в последнем удивленном вздохе. Джейн уставилась на чисто разрезанную шею и внезапно почувствовала, как промокшая ткань ее брюк цепляется за ноги. Ночь закружилась, и Джейн споткнулась, чуть не упав на стену дома, она опустила голову, отчаянно борясь с потребностью прилечь.

— Что случилось? — спросил Фрост.

— Я видела это, — прошептала она. — Нечто. Твое существо с крыши. — Казалось, ее ноги тают, и Джейн соскользнула вниз по стене и присела, облокотившись на нее. — Оно спасло мне жизнь.

Наступило долгое молчание. Ветер раздувал по переулку пыль, которая летела ей в лицо и жалила глаза. Я должна быть мертва, подумала она. Я должна лежать здесь с пулей в голове. Вместо этого я собираюсь сегодня вечером вернуться домой. Я хочу обнять мужа и поцеловать ребенка. И я обязана этим чудом чему-то, прилетевшему из ночи.

Она подняла голову и посмотрела на Фроста.

— Ты должен был видеть это. Только что.

— Я ничего не видел.

— Оно пронеслось мимо тебя, когда ты вошел в переулок.

Он покачал головой.

— Это похоже на то, что случилось на крыше. Я был единственным, кто увидел его, и ты мне не поверила.

Она снова сосредоточилась на трупе. На оружие, которое обезглавленное тело по-прежнему сжимало в руке.

— Теперь я тебе верю.

Глава восемнадцатая

Из своей припаркованной машины Маура увидела трех офицеров полиции, стоявших у оградительной ленты, оцепляющей место преступления. Все трое проследили за ней взглядами и почти наверняка узнали ее черный «Лексус», поэтому были в курсе, что медэксперт только что прибыл. Но когда она выбралась из машины и направилась к ним, они отвернулись и продолжили общаться между собой. Только когда она официально представилась, они, наконец, соизволили повернуться.

— Детектив Риццоли в доме? — спросила она.

— Не знаю, мэм, — ответил один из патрульных. — Почему бы вам не посмотреть внутри?

Умышленно ли он не стал ей помогать? Этого нельзя было сказать по его спокойному и нейтральному выражению лица. Когда она нырнула под ленту и направилась к входной двери, то услышала смех и решила, что он в ее адрес. Задалась вопросом, будет ли это тем, с чем ей придется встречаться на каждом месте преступления в будущем. Взгляды, шушуканья, завуалированная враждебность. Она остановилась у входной двери и натянула бахилы на туфли, стараясь удержать равновесие и не дать им еще один повод для смешков. Когда она выпрямилась, передняя дверь распахнулась. Детектив Тэм стоял, разглядывая ее.

— Доктор Айлз. Извините, что вытащили вас из дома столь поздней ночью.

— Обе жертвы в доме?

— Один из них на кухне. Вторая жертва находится в переулке в нескольких кварталах отсюда.

— Как же номер два оказался так далеко от номера один?

— Он пытался уйти от Риццоли. Думаю, она устроила ему хорошую встряску.

Тэм повел ее через прихожую по коридору. Шурша бахилами по полу, она проследовала за ним на кухню и удивилась, увидев начальника убойного отдела, стоявшего рядом с Барри Фростом. Лейтенанта Маркетта нечасто можно было встретить на месте преступления, и его появление сказало Мауре, что в этом убийстве было нечто особенное.

Жертва лежала на боку, на кафельном полу, уткнувшись лицом в засыхающую лужу крови. Это был грузный белый мужчина около семидесяти, одетый в песочные брюки, трикотажную рубашку и черные носки. На одной ноге все еще был надет тапочек. Пулевое ранение в правый висок оставляло мало сомнений в причине смерти. Маура пока не спешила подходить к телу, а стояла, разглядывая пол в поисках орудия убийства. Она не обнаружила никакого оружия возле тела. *Это не самоубийство.*

— Он был копом, — тихо произнесла Джейн.

Маура не слышала, как та подошла. Она обернулась и увидела забрызганную кровью блузку Джейн. Вместо привычного темного брючного костюма на Джейн были надеты

мешковатые тренировочные штаны, очевидно, такое изменение гардероба было вызвано чрезвычайными обстоятельствами.

— Боже мой, Джейн.

— Одежда немного помялась.

— Ты в порядке?

Джейн кивнула и посмотрела на мертвого мужчину.

— Не могу сказать того же самого о нем.

— Кто он?

Ответил лейтенант Маркетт.

— Детектив Лу Ингерсолл. Он ушел из убойного отдела шестнадцать лет назад. Он был одним из нас, доктор Айлз. И заслужил, чтобы мы приложили к его делу максимум усилий.

Намекал ли он на то, что она окажет этой жертве меньше внимания, чем могла бы? Эта судмедэксперт, предавшая тонкую голубую линию, точно так же предаст и этого копа? Щеки заполыхали, и она присела возле тела. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить имя. Лу Ингерсолл.

Она взглянула на Тэма.

— Это же тот самый человек, расследовавший резню в «Красном Фениксе»?

— Ты уже знаешь о нем? — удивилась Джейн.

— Детектив Тэм и я обсуждали это, когда он принес мне отчеты о вскрытии.

Джейн повернулась к Тэму.

— Не знала, что вы консультируетесь у нее.

Тэм пожал плечами.

— Я всего лишь хотел узнать мнение доктора Айлз. Могли ли что-то упустить девятнадцать лет назад.

— Детектив Риццоли? — Один из криминалистов стоял на пороге кухни, с наушниками на шее. — Мы прочесали комнату радиочастотным сканером, и вы оказались правы. Из его стационарного телефона определенно идет сигнал.

— Сигнал? — Маркетт взглянул на Джейн.

— Ингерсолл считал, что кто-то отслеживает его телефонные звонки, — ответила Джейн. — Честно говоря, на самом деле я немного удивлена, что мы и вправду обнаружили прослушку.

— Зачем кому-то ставить жучок в его телефон?

— Это явно не вызвано обычными причинами. Он овдовел восемнадцать лет назад, поэтому это не из-за бракоразводного процесса. У него есть дочь, но она понятия не имеет о происходящем. — Джейн пристально посмотрела на мертвеца. — Это становится все страннее и страннее. Он жаловался на фургон, следивший за его домом. Сказал, что кто-то проник сюда, пока он был в отъезде. По мне, это прозвучало, как бред сумасшедшего.

— Не такой уж бред после всего случившегося, — Маркетт посмотрел на криминалиста. — Вы уже проверили его сотовый телефон?

— Мы не обнаружили в нем никакого сигнала. Аккумулятор разряжен. Как только мы зарядим его, то сможем увидеть сделанные вызовы.

— Изучите все его звонки с мобильного и стационарного телефонов. Посмотрите, с кем он говорил в последнее время.

Маура поднялась на ноги.

— Как я понимаю, есть и вторая жертва.

— Стрелок, — пояснила Джейн. — По крайней мере, мужчина, которого мы рассматриваем как стрелка. Я гналась за ним несколько кварталов.

— Ты застрелила его из самозащиты?

— Нет.

— Тогда кто это сделал?

Джейн глубоко вздохнула, словно подготавливая себя для следующих объяснений.

— Не так просто объяснить. Мне придется показать тебе это.

Они вышли на улицу, где собралась толпа, завороженная вторжением правоохранительных органов в их район. Джейн проложила дорогу сквозь зевак и отвела Мауру на тихую улочку за углом. Хотя Джейн шагала в привычном быстром темпе, запал угас, и ее плечи поникли, словно эта ночь выбила из нее дух и украла уверенность в себе.

— Ты и в самом деле в порядке? — спросила Маура.

— Помимо того, что мой замечательный брючный костюм превратился в мусор? Да, я в порядке.

— Непохоже, что ты в порядке. Джейн, поговори со мной.

Джейн замедлила шаг и остановилась. Она разглядывала уличный тротуар, словно боясь взглянуть на Мауру, страшась раскрыть, насколько уязвимой она была в данный момент.

— Я не должна была сейчас тут стоять, — прошептала она. — Я должна была быть такой же мертвой, как Ингерсолл. Лежать в переулке с пулей в голове. — Она недоверчиво рассматривала свои руки, словно они принадлежали кому-то другому. — Взгляни на них. Меня чертовски колбасит.

— Ты сказала, что преследовала преступника.

— Гналась за ним, ага. Но я была слишком самоуверенна. Проследовала за ним в переулок. И я потерпела поражение. — Она обхватила себя руками, словно внезапно замерзла. — Меня спас подарок на День Рождения. Помнишь, как Габриэль подарил мне кевларовый жилет? Как ты и я смеялись по этому поводу? Когда я не стала носить его, Габриэль жутко разозлился, и чтобы сохранить мир в семье, я и напялила его сегодня утром. Сейчас я понимаю, что зря не слушала его. Он был прав.

— Он знает, что с тобой произошло?

— Я ему еще не звонила, — Джейн украдкой провела рукавом по лицу. — Некогда было.

— Ты должна вернуться домой. Прямо сейчас.

— Посредине всего этого?

— Джейн, вы должны пережить это вместе. Твоя команда справится и без тебя.

— Угу, с Маркеттом под боком? Который увидит, что я не в состоянии справиться с такой мелочью, как выстрел в спину? Ни черта подобного. — Джейн отвернулась и пошла дальше, словно спеша поскорее покончить с этим делом. Доказать, что эта задача ей под силу.

«О, Джейн, подумала Маура. Ты снова и снова испытываешь себя, но тебе всегда будет недостаточно. Ты навечно останешься новичком, добивающимся признания. Боящимся проявить слабость».

Они подошли к еще одной оградительной полицейской ленте, возле которой патрульный охранял вход в переулок. И снова Мауру встретил холод безразличия. Когда она достала новые бахилы и поднырнула под ленту, то почувствовала, что полицейский смотрит на нее, и Маура с облегчением избежала его взгляда, проследовав за Джейн во мрак переулка.

— А вот и жених номер два, — объявила Джейн, посветив фонариком на тротуар. Неприятно легкомысленное замечание совершенно не подготовило Мауру к кошмару, лежавшему у их ног.

Обезглавливание было полным. Голова, одетая в черную вязаную шапку, покоилась в нескольких футах от туловища белого мужчины, возможно, сорокалетнего. Тело, полностью одетое в черное, лежало грудью вниз, словно плыло брассом через океан из собственной пролитой крови. Застывшая в трупном окоченении рука по-прежнему держала пистолет. Поводив фонариком, Маура заметила прерывистые изгибы крови, разбрызганные по стенам, увидела застывшие лужицы, похожие на кровяную колбасу, разбросанную по асфальту.

— Познакомься с говнюком, уничтожившим мой любимый костюм, — сказала Джейн.

Маура нахмурила брови, глядя на обезглавленное туловище. На оружие в руках мужчины.

— За эти человеком ты гналась от самого дома?

— Да. Следовала за ним от заднего двора Ингерсолла. Он обошел меня сзади и выстрелил в спину. Все еще адски больно.

— Тогда как же он в итоге…

— Вмешалась третья сторона. Если у тебя есть вопросы о характере смерти, просто спроси меня, потому что я была здесь. Я лежала здесь на земле, а этот парень собирался выпустить пулю мне в голову. Я уже думала, что мертва. Думала… — Она сглотнула. — Затем я услышала звук, этот свист в воздухе. И он сразу рухнул на меня. — Уставившись себе под ноги, Джейн тихо добавила: — А я до сих пор жива.

— Ты видела того, кто это сделал?

— Только тень. Серебристые волосы.

— Это все?

Джейн помешкала.

— Меч. Думаю, у него был меч.

Маура посмотрела на труп и ощутила дуновение ветерка, пролетевшего по переулку. Подумала, что смертельный удар прозвучал таким же шепотом ветра. Она вспомнила отрубленное запястье Джейн Доу, суставы и сухожилия которого были столь чисто отделены. Ее взгляд заострился на пистолете в мертвой хватке мужчины.

— Это пистолет с глушителем.

— Ага. Он одевался в черное и носил специальное оружие киллера. Так же, как и Джейн Доу, женщина с крыши.

— Это не какой-то заурядный вор, — Маура подняла голову. — Зачем прослушивали телефон Ингерсолла?

— Он не успел мне рассказать, но было очевидно, что он волновался и хотел сообщить кое-что о девочках. *Из-за того, что случилось с теми девочками* , так он сказал.

— С какими девочками?

— Полагаю, это связано с «Красным Фениксом». Тебе известно, что у двух жертв пропали дочери?

Маура услышала голоса и стук автомобильной дверцы. Она подняла глаза и увидела, как к переулку приближаются фонарики команды криминалистов.

— Теперь я определенно собираюсь прочитать те документы, которые принес Тэм.

— Зачем он это сделал? Я удивилась, услышав, что он взвалил это на тебя.

— Он хотел непредвзятого мнения. Не думаю, что он верит в самоубийство повара.

— А ты как считаешь?

— Я была слишком занята, чтобы посмотреть эти файлы. Рэт гостит у меня всю неделю, поэтому я провожу время с ним, — Маура повернулась, чтобы уйти. — Завтра с утра я первым делом займусь вскрытиями. Если есть желание, присоединяйся.

— Ты собираешься заняться ими обоими?

Этот странный вопрос поразил Мауру, и она оглянулась.

— А почему бы и нет?

— Ингерсолл был копом. Я всего лишь считаю, что сейчас немного неподходящее время. Из-за тебя и суда над Граффом.

Маура расслышала неловкость в голосе Джейн и знала причину этого.

— Разве я больше не имею права проводить вскрытия полицейских?

— Я этого не говорила.

— Поверь, тебе и не надо. Я полностью поняла смысл сказанного. Я понимаю это каждый раз, когда полицейский смотрит или не смотрит на меня. Они считают меня врагом.

— Это пройдет, Маура. Просто нужно время.

Пока мне не придется свидетельствовать против следующего копа.

— Я не хочу быть политически некорректной, — сказала Маура. — Я попрошу доктора Бристоля провести аутопсию Ингерсолла. — Она нырнула под полицейскую ленту и прошествовала мимо команды криминалистов. Ощущение комка в горле исчезло только

после того, как переулок остался позади. *Это пройдет, Маура* , сказала Джейн, но так ли все и будет? У копов хорошая память. Они помнили подробности дел, которым десятки лет и держали обиды, не забывая, кто был с ними, а кто против. Я навсегда останусь во второй категории, подумала она. Даже двадцать лет спустя они все еще будут помнить, что я помогла отправить копа в тюрьму.

К тому времени, как она вернулась в жилище Ингерсолла, туда прибыло еще больше служебных машин. Она замерла, ослепленная мигалками и карнавальной атмосферой неразберихи. Внезапно женские рыдания разорвали болтовню полицейских радиостанций.

— Дайте мне посмотреть на него! Я должна увидеть своего отца!

— Мэм, пожалуйста. Вы не можете туда войти, — сказал патрульный, удерживая ее. — Кто-нибудь выйдет поговорить с вами, как только они освободятся.

— Но он мой *отец.* Я имею право знать, что с ним произошло!

— Отец Брофи, — крикнул полицейский. — Вы можете помочь этой леди, пожалуйста?

Высокий мужчина с воротничком священника спокойно прокладывал дорогу через толпу. Дэниел Брофи часто бывал на местах преступления в качестве священника полиции Бостона, поэтому Маура не удивилась, заметив его, но все же вид Дэниела ошеломил ее. С жадностью она смотрела, как Дэниел отводит дочь Ингерсолла подальше от полицейской ленты. Он вроде бы похудел? Его лицо и впрямь осунулось, а в волосах прибавилось седины? *Скучаешь ли ты по мне так, как я скучаю по тебе?*

Он проводил рыдающую женщину до патрульной машины, затем внезапно заметил Мауру, и их взгляды пересеклись. На мгновение мир перестал существовать, и она видела только Дэниела. Чувствовала лишь стук своего сердца, неистово бьющегося, словно крылья умирающей птицы.

Она все еще смотрела вслед, даже после того, как он ушел, бережно придерживая рыдающую на его плече женщину.

Глава девятнадцатая

Джейн стояла перед световым табло морга, изучая рентгеновские снимки покойника. Строение его костей было обычным во всех отношениях, кроме одной вопиющей подробности: череп был отделен от тела чистым разрезом между третьим и четвертым шейными позвонками. Хотя Тэм и Фрост уже стояли возле стола для вскрытия, ожидая начала аутопсии, Джейн оставалась на прежнем месте, еще не готовая увидеть то, что лежало под простыней. Рентгеновские снимки были абстрактными вещами, мультяшной черно-белой анатомией. Они не выглядят и не пахнут как плоть, у них нет лица. И поэтому она стояла перед экраном дольше, чем было нужно, разглядывая легкие и сердце, то самое сердце, что прошлой ночью выплескивало кровь прямо на ее одежду. Если бы не безымянный спаситель, мои снимки висели бы здесь, подумала она. И мое тело лежало бы на столе.

— Джейн? — позвала Маура.

— С трудом представляю себе настолько острое лезвие, способное проделать подобное одним ударом, — произнесла Джейн, чей взгляд по-прежнему удерживался на рентгеновских снимках.

— Это вопрос анатомии, — пояснила Маура. — Угол, под которым лезвие проходит сквозь сустав. В средние века опытный палач мог обезглавить заключенного одним взмахом. Если же ему приходилось кромсать шею, это был верный признак того, что он некомпетентен. Или пьян.

— Приятная картина для начала утра, — хмыкнул Тэм.

Маура сняла простыню.

— Мы еще не раздели его. Я предположила, что всем вам хотелось бы присутствовать при этом.

Нет, я не хочу быть здесь, подумала Джейн. Не хочу видеть этого. Но ей пришлось

заставить себя повернуться к столу. Несмотря на то, что лежащее там не было сюрпризом, она снова поперхнулась воздухом при виде отрубленной головы. Она пока ничего не знала об этом мужчине, ни его имени, ни происхождения. Единственные подсказки, которые они смогли обнаружить в его карманах прошлой ночью: оружейная обойма, скрученные трубочкой наличные и ключи от украденного фургона марки «Форд», который был припаркован в двух кварталах от жилища Ингерсолла. При убитом не было никаких удостоверений личности.

Тэм склонился над столом, выражение лица осталось невозмутимым, когда он увидел отрубленную голову ближе. Он не вздрогнул, когда Маура сняла вязаную шапку жертвы, обнажив аккуратно подстриженные каштановые волосы. Лицо покойника было обычным, с совершенно непримечательными носом, ртом и подбородком. Человек, о котором бы вы забыли сразу же, как прошли мимо него по улице.

Руки уже были исследованы, отпечатки пальцев сняли вчера вечером сразу по прибытии. Пурпурные чернила все еще окрашивали подушечки. Маура и Йошима вместе раздели его, сняв рубашку и брюки, трусы и носки. Обнаженное тело было коренастым и мускулистым. Зарубцевавшийся шрам по диагонали пересекал правое колено — память о давней операции. Джейн посмотрела на шрам и подумала: «Теперь я знаю, почему смогла так легко угнаться за ним вчера вечером».

Маура рассматривала через лупу рассеченные мягкие ткани, выискивая неровности и повреждения.

— Я не вижу никаких зазубренных следов, — сообщила она, — рана равномерная, без повторных разрезов. Это было сделано одним взмахом.

— Как раз об этом я тебе и толкую, — фыркнула Джейн. — Это был меч. Один удар.

Маура подняла глаза.

— Вне зависимости от того, насколько я доверяю свидетелю, мне всегда необходимо подтверждение. — Она сосредоточилась на ране. — Этот разрез был сделан под странным углом. Какая рука держала меч, правая или левая?

Джейн засомневалась:

— Самого удара я не видела. Но когда он уходил, меч был… он был в его правой руке.

— Ты уверена?

— Да. А почему ты спрашиваешь?

— Потому что этот разрез начинается внизу с правой стороны, поднимается под углом вверх и выходит с левой стороны шеи.

— И?

— Рост этой жертвы около пяти футов и десяти-одиннадцати дюймов.[34] Если убийца напал сзади, взмахнув мечом справа налево, он, вероятно, ниже жертвы, — Маура посмотрела на Джейн. — Что скажешь?

— Я лежала на спине. С этого ракурса все выглядят высокими, особенно люди с большим звенящим мечом. — Она перевела дыхание, внезапно осознав, что Маура разглядывает ее тем самым аналитическим взглядом, который жутко раздражал Джейн. Взглядом, который вторгался в ее личное пространство и заставлял чувствовать себя образцом, плавающим в формалине.

Внезапно Джейн отвернулась от стола.

— Не думаю, что мне необходимо видеть продолжение. О чем это вскрытие нам расскажет? Какая неожиданность, некто обезглавил его? — Она швырнула халат в ящик для грязного белья. — Заканчивайте без меня, ребята. Я собираюсь в лабораторию криминалистов, посмотрю, есть ли что-то интересное в мобильнике Ингерсолла.

Дверь внезапно распахнулась, и Джейн поразилась, увидев входящего в зал мужа.

— Что ты здесь делаешь?

---

[34] Пять футов, десять дюймов — приблизительно один метр, семьдесят восемь сантиметров.

Специальный агент Габриэль Дин не был новичком в прозекторских. Джейн и ее муж познакомились, работая над делом о серийном убийце, и на протяжении всего расследования они провели вместе много зловонных часов, склонившись над трупами, найденными в различных стадиях разложения. Габриэль уже надел халат и бахилы, его лицо было сосредоточенным и мрачным, когда он натянул перчатки и подошел к столу.

— Это и есть мужчина из переулка? — спросил он напрямик. — Тот, который чуть не убил тебя?

— И тебе привет, солнышко, — съехидничала Джейн. Она перевела глаза на Тэма. — На случай, если вам интересно, кто сей незваный гость — это мой муж Габриэль. И я понятия не имею, зачем он здесь.

Внимание Габриэля по-прежнему было сосредоточено на трупе.

— Что мы знаем о нем на данный момент?

— Мы? Когда это ты успел присоединиться к команде?

— С той минуты, как этот человек выстрелил в тебя.

— Габриэль. — Она вздохнула. — Мы можем обсудить это попозже.

— Настало время поговорить об этом прямо сейчас.

Она разглядывала мужа, стараясь понять, что здесь происходит. Пытаясь прочесть по его лицу, такому холодному в ярком свете ламп морга.

— Что это значит?

— Речь об отпечатках пальцев.

— Мы не нашли никаких совпадений в АДИС.[35]

— Я говорю об отпечатках пальцев Джейн Доу. Женщины на крыше.

— Мы не получили по ней ни одного совпадения, — возразила Маура. — Ее нет в базе данных ФБР.

— Я отправил запрос в Интерпол, — пояснил он. — Потому что для меня абсолютно ясно, что это часть чего-то большего. Подумайте над тем, как была одета Джейн Доу. Какое оружие держала при себе. Тот факт, что у нее не было удостоверения личности и водила она украденный автомобиль. — Он бросил взгляд на труп. — Так же, как и этот мужчина.

— Ты получил ответ из Интерпола? — спросила Джейн.

Он кивнул.

— Час назад. Она числится в их базе данных. Не ее имя, а отпечатки пальцев. Их обнаружили на деталях автомобиля, начиненного взрывчаткой, который взорвался в Лондоне два года назад. Это убило водителя, бизнесмена из Америки.

— Мы говорим о *терроризме?* — спросил Тэм.

— Интерпол уверен, что бомбу взорвала организованная преступная группировка. Оплаченное убийство. Ваша женщина с крыши явно была профессионалкой, предполагаю, что этот мужчина тоже. — Он посмотрел на Джейн. — Жилет из кевлара тебя не спасет, Джейн. Не от таких людей, как эти.

Джейн испуганно хохотнула.

— Приятель, мы и вправду сорвали джек-пот, верно?

— У тебя есть дочь, — произнес Габриэль. — У нас есть дочь. Подумай об этом.

— О чем тут думать?

— Полиция Бостона справится с этим и без тебя.

— Остановись сейчас же. Мы можем обсудить это в соседней комнате? — Она взглянула на своих коллег. — Извините, — пробормотала она и направилась к выходу. Джейн подождала, пока она и Габриэль окажутся в передней, где их никто не услышит, и только тогда выпалила: — Чем ты тут занимаешься, скажи-ка мне?

---

[35] АДИС (AFIS) — Автоматизация Дактилоскопических Учетов, то есть создание автоматизированных дактилоскопических информационных систем (АДИС) с возможностью создавать и хранить в электронном виде большие массивы дактилоскопической информации, производить по ним поиск с использованием папиллярных узоров пальцев (или ладоней) рук.

— Стараюсь, чтобы моя жена осталась в живых.

— Это мое расследование, ясно? Я решаю, кому и что делать.

— Ты хоть представляешь, с чем имеешь дело?

— Это я и собираюсь выяснить.

— Между делом ловя пули и собирая покойников.

— Ага. Это превращается в настоящую коллекцию.

— Включая копа. Ингерсолл знал, как за себя постоять, и теперь он в мешке для трупов.

— Так ты хочешь, чтобы я бросила расследование? Убежала домой и спряталась под кроватью? — Она фыркнула. — Этого не произойдет.

— Кто присылает профессиональных убийц, Джейн? Любой, кто убивает бывшего копа, не боится полиции. Он не боится тебя. Должно быть, это криминальная группировка. Русская мафия. Или китайская…

— Кевин Донохью, — сказала она.

Габриэль замолчал.

— Ирландская мафия?

— Мы уже покопались в его грязном белье. Один из его людей, Джоуи Гилмор, погиб при стрельбе в Чайнатауне. Мать Гилмора уверена, что на самом деле это было заказным убийством ее сына, оплаченное Донохью. Ингерсолл был детективом, расследовавшим то дело о стрельбе.

— Если это Донохью, то у него длинные руки. Возможно, у него есть свои люди в полиции Бостона.

Она уставилась на мужа.

— У Бюро есть доказательства подобного обвинения?

— У нас недостаточно улик, чтобы задержать его. Но я могу сказать тебе, Джейн, что он не тот человек, с которым тебе стоит связываться. Если у него есть источник в полиции, он уже точно знает тебя от и до. Он знает, что ты напала на его след.

Она подумала обо всех офицерах полиции, которые приехали к жилищу Ингерсолла вчера вечером, включая лейтенанта Маркетта собственной персоной. Сколько копов наблюдали за ней, отслеживая то, что она говорила и планировала? Какая часть этой информации дошла до Донохью?

— Вчерашний вечер был подарком, — сказал Габриэль. — Ты выжила. Может быть, стоит принять этот дар, отправиться домой и насладиться им.

— Бросить это дело? Об этом ты меня просишь?

— Возьми отпуск. Тебе нужно время, чтобы придти в себя.

— *Не нужно.* — Джейн подошла так близко, что ей пришлось вытянуть шею, чтобы посмотреть ему прямо в глаза. Габриэль не отвел взгляда, никогда не отводил. — Я не хочу слышать этого от тебя, — сказала она. — Не сейчас.

— А когда мне говорить об этом? На твоих похоронах?

Звонок ее мобильника прервал молчание, возникшее между ними. Схватив его, она коротко ответила:

— Риццоли.

— Гм, неудачное время, детектив?

— Кто это?

— Эрин. Из лаборатории криминалистики.

Джейн раздраженно выдохнула.

— Извини. Что у тебя есть для меня?

— Помнишь странные волоски на одежде Джейн Доу? Те, которые я не смогла идентифицировать?

— Ага. Седые.

— Дождаться не могу, чтобы рассказать тебе, чьи они.

Разговор с Габриэлем все еще лежал тяжким грузом в мыслях Джейн, когда она и Фрост вместе отправились в «Шредер Плаза».[36] Он достаточно хорошо изучил ее настроения, чтобы молчать большую часть поездки, но когда она вырулила на подземную парковку, он задумчиво произнес:

— Я скучаю по той части времени, когда был женат.

— Какой именно части? — уточнила она.

— Части, в которой кто-то заботится о тебе. Настаивает, чтобы ты не рисковал.

— Это должно считаться приятной штукой?

— А разве нет? Это означает, что он любит тебя. Что не хочет тебя потерять.

— Это означает, что мне приходится разрываться между двумя огнями. Выполнять свою работу, пока Габриэль пытается замотать меня в смирительную рубашку.

— А что, если бы он не делал этого? Ты когда-нибудь задумывалась над этим? Что, если бы он недостаточно о тебе заботился и ничего не говорил? Что, если бы он вел себя, будто вы вообще не женаты?

Она припарковалась и заглушила двигатель.

— Он не хочет, чтобы я работала над этим делом.

— Не уверен, что и сам хочу над ним работать. После всего, через что мы оба прошли.

Она взглянула на него.

— Испугался?

— И не боюсь в этом признаться.

Они услышали, как хлопнула дверца и, повернувшись, увидели Тэма, который выходил из своей машины, припаркованной недалеко от них.

— Бьюсь об заклад, его это не пугает, — пробормотала она. — Не думаю, что кто-либо сможет испугать этого Брюса Ли.

— Он просто строит из себя крутого. Надо быть ненормальным, чтобы не бояться Донохью и его парней.

Джейн распахнула дверцу.

— Пойдем, прежде чем кто-то решит, что мы тут целуемся или вытворяем нечто подобное.

К тому времени, как они вошли в криминалистическую лабораторию, Тэм уже сидел у микроскопа Эрин Волчко, всматриваясь в предметное стекло.

— А вот и вы двое, — произнесла Эрин. — Детектив Тэм и я рассматриваем кое-какие образцы волос приматов.

— Какие-то из них похожи на волосы, снятые с нашей девицы? — спросила Джейн.

— Да, но микроскопия не может определить точный вид. Для этого я использовала другую технику. — Эрин разложила на столешнице распечатанные страницы со столбцами, окрашенными в различные оттенки серого. — Это диаграммы кератина. Волосы содержат различные белковые компоненты, которые можно выделить при помощи электрофореза. Нужно вымыть и высушить образец, растворить его в растворе химикатов и поместить растворенный белок на тонкий слой геля. Затем подвергнуть его действию электротока. Это заставляет разные белки перемещаться через гель с различной скоростью.

— И в итоге у тебя получились эти серые колонки.

— Да. Это то, что получилось после окрашивания серебром и промывки для усиления контраста.

Фрост пожал плечами.

— Все это не выглядит таким уж увлекательным.

— Но когда я отправила эту диаграмму по электронной почте в лабораторию судебной экспертизы Орегона, они смогли идентифицировать его, пропустив через свою базу

[36] «Шредер Плаза» (Schroeder Plaza) — штаб-квартира департамента полиции Бостона. Подробнее об этом здании Герритсен рассказывала в книге «Хирург».

диаграмм кератина.

— У них существует для этого база данных? — поразился Тэм.

— Совершенно верно. Исследователи живой природы со всего мира поспособствовали этому. Если таможенная служба США задерживает партию шкур животных, они должны узнать, не принадлежат ли эти шкуры исчезающим видам. База данных помогает им определить, у какого животного взят этот мех. — Эрин открыла папку и достала еще один листок с кератиновыми диаграммами. — Это то, с чем они сравнили наши волоски. Обратите внимание на то, что полоса белка практически идеально совпадает с одним конкретным образцом.

Джейн забегала глазами между двумя страницами.

— Колонка номер четыре, — объявила она.

— Верно.

— Итак, кто же этот номер четыре?

— Это нечеловекообразный примат, как я и предполагала ранее. Обезьяна из Старого Света, род *Semnopithecus* . Этот вид так же известен, как серый лангур.

— Серый? — переспросила Джейн, подняв глаза.

Эрин кивнула.

— Тот же цвет, что и у волосков, снятых с вашей Джейн Доу. Эти обезьяны довольно крупные, у них черные морды и серые либо желтоватые волосы. Их ареал — Южная Азия, от Китая до Индии, ведут как наземный, так и древесный образ жизни. — Она сделала паузу. — Это означает, что они живут на земле, а также на деревьях. — Эрин развернулась к своему компьютеру и вбила запрос в поисковую строку «Гугл-картинок». — Вот фото. Именно так выглядят эти обезьяны.

От увиденного на экране руки Джейн резко похолодели. *Черное лицо. Седые волосы.* Она ощутила между лопатками боль от пули, ударившей в ее кевларовый жилет. Вспомнила горячие брызги крови на своем лице и силуэт, возвышающийся над ней в переулке, чья голова была увенчана серебристыми волосами.

— Насколько велики эти обезьяны? — спросила она тихо.

— Рост мужских особей около двух с половиной футов.[37]

— Уверена, что они не вырастают повыше?

— Это не человекообразные обезьяны. Они всего лишь мартышки.

Джейн посмотрела на Фроста. Увидела его бледное лицо и ошеломленные глаза.

— Это то, что ты видел, верно? — спросила она. — На крыше.

Эрин нахмурилась.

— Что ты видел?

Фрост покачал головой.

— Оно было побольше двух с половиной футов.

Джейн кивнула.

— Согласна.

Эрин перевела взгляд с одного на другого.

— Вы *оба* видели это существо?

— У него было похожее лицо, — ответил Фрост. — И седые волосы. Но оно не могло быть обезьяной. И разве обезьяны носят с собой меч?

— Ну, *от этого* по моему позвоночнику сейчас пробежал холодок, — негромко произнесла Эрин. — Принимая во внимание, что это за обезьяна. В Индии она также известна как лангур хануман. Хануман — индуистский бог, называемый Обезьяньим Воином.

Тот же холодок, что только что почувствовала Эрин, внезапно прошелестел, словно ледяное дыхание по спине Джейн. Она подумала о существе в переулке. Вспомнила блеск

---

[37] 2,5 фута — приблизительно 76 сантиметров.

его меча, когда оно развернулось и ускользнуло в сумерки.

— Это тот же самый персонаж, что и Царь Обезьян? — спросил Тэм. — Потому что я знаю эту легенду. Моя бабушка рассказывала мне эти истории.

— Что за Царь Обезьян? — поинтересовалась Джейн.

— В Китае его называют Сунь Укун. Он родился из каменной скалы и сначала был каменной обезьяной. Затем обрел плоть и кровь и короновался как обезьяний царь. Он стал воином и отправился в путешествие на небеса, чтобы познать мудрость богов. Но там наверху он влипает во всевозможные неприятности.

— Так он отрицательный персонаж? — спросил Фрост.

— Нет, он не злой. Всего лишь импульсивный и озорной, как настоящая обезьяна. О нем написана целая книга рассказов. Как он съел все персики на небесах. Как напился и украл волшебный эликсир. Как был схвачен Бессмертными, которые не знали, что с ним делать. Поэтому они вышвырнули его с небес и на время заточили в тюрьме внутри горы.

Фрост рассмеялся.

— Он ведет себя как несколько парней, с которыми я ходил в одну школу.

— А что произошло с ним потом? — спросила Джейн.

— У Сунь Укуна была целая серия приключений на земле. Иногда он вляпывался в неприятности. Иногда совершал добрые дела. Я не припомню всех историй, но знаю, что там было множество волшебных боевых и речных чудовищ и говорящих животных. Как и в ваших обычных сказках.

— Сказки не воплощаются в жизнь, — хмыкнула Джейн. — Они не роняют настоящие волосы на вполне реальных жертв.

— Я просто-напросто рассказываю вам о том, что говорят о нем легенды. Он непростое существо, иногда помогает, иногда разрушает. Но, сталкиваясь с выбором между добром и злом, Царь Обезьян почти всегда выбирает добро.

Джейн разглядывала снимок на экране компьютера Эрин. То лицо, что всего лишь минуту назад вызвало у нее такой озноб.

— Значит, он совсем не злой.

— Нет, — ответил Тэм. — Несмотря на свои недостатки, несмотря на хаос, который он иногда вызывает, Царь Обезьян стоит на стороне правосудия.

Глава двадцатая

Приятный запах жареной курицы и розмарина доносился из кухни Анджелы Риццоли, а в столовой гремел серебром и фарфором, накрывая на стол, детектив в отставке Винс Корсак. Снаружи во дворе Реджина, дочь Джейн, смеялась и визжала, пока Габриэль раскачивал ее на качелях. Джейн не обращала на все это внимания, сидя на диване матери за чтением и разложив на журнальном столике перед собой с полдюжины библиотечных книг. Книги об азиатских приматах и серых лангурах. И книги о Сунь Укуне, Царе Обезьян. Она обнаружила, что о приключениях Сунь Укуна рассказывают не только в книгах, но и в кино, в китайских операх, в танцах, и даже в детском телешоу.

В сборнике китайских сказок Джейн нашла предисловие к легенде. Хотя эти истории были написаны около 1500 года китайским автором по имени У Чэнъэнь, сами по себе они были еще более древними и, как было сказано, восходили к эпохе призраков и магии, временам, когда боги и чудовища сражались на земле и небесах.

> И одна из скал на этой земле, скала, что с момента сотворения познала свежее дыхание ветра, сияние лунного света и благосклонность богов, произвела на свет каменное яйцо. Это яйцо превратилось в каменную обезьяну. Она умела бегать, прыгать и карабкаться, обезьяна с глазами, что испускали лучи, так сверкавшие золотом, что даже Нефритовый император на небесах был поражен. Каменная обезьяна, не имеющая ни отца, ни матери, вскоре стала царем всех обезьян. Они жили в совершенной гармонии, пока в один прекрасный день Царь

> Обезьян не пришел к пониманию того, что смерть ожидает всех их. Посему он отправился в путь, чтобы узнать секрет бессмертия, путь, который привел его на небеса и к искушению, к беде и неволе. Затем небесные войска отправились за ним в поход, чтобы сжечь в печи алхимическим огнем, но Царь Обезьян сбежал, и его борьба за выживание перевернула небеса вверх тормашками, и тогда боги были вынуждены заточить его в Горе Пяти Элементов. Там, в неумолимой темноте, несколько веков Царь Обезьян ждал того дня, когда он понадобится. Дня, когда в мире воцарится зло, и Царь Обезьян должен будет появиться снова, чтобы вызвать зло на поединок.

Джейн перевернула страницу и наткнулась на изображение Сунь Укуна, сжимающего длинный боевой посох. Несмотря на то, что это была всего лишь иллюстрация, один лишь взгляд на Царя Обезьян заставил встать дыбом волоски на ее руках. Она уставилась на острые зубы, выпирающие из черного рта, корону серебристых волос и не могла отвести от картинки глаз.

Джейн припомнила день в зоопарке, когда ей исполнилось шесть, и отец привел ее сюда, чтобы посмотреть на обезьянок. Те бросили на нее один-единственный взгляд, и в клетке разразился хаос, обезьяны кричали и метались среди ветвей, словно только что посмотрели в лицо самому Сатане. Служащий зоопарка прибежал и приказал им: *Назад, назад! Я не знаю, что их напугало!* Но пока отец Джейн уносил ее от клетки с орущими обезьянами, девочка знала, что они завелись из-за нее. Она была той, кого они боялись.

Что они разглядели в шестилетней девчушке с темными кудряшками, задавалась вопросом Джейн. Или в ней было нечто особенное, что они распознали еще тогда? Что-то насчет того, в кого и во что она превратится однажды?

— Ну, и как дела с обезьяньими книжками?

Голос Корсака заставил ее поднять голову и вздрогнуть от неожиданности. Для совместного ужина у Анджелы Риццоли он надел свою лучшую одежду, по крайней мере, лучшую из того, что смогло на нем застегнуться. Во всяком случае, на белой тенниске и докерсах[38] цвета хаки не было пятен кетчупа. После сердечного приступа, случившегося с ним несколько лет назад, он потерял тридцать фунтов на «диете для здорового сердца», но его вес снова пополз назад, и, несмотря на недавно проделанные дырки в ремне, тот все равно сидел в натяг из-за постоянно растущего живота.

— Это для дела, — пояснила Джейн. Она закрыла книгу, которую читала, с облегчением избавившись от изображения Сунь Укуна.

— Угу, я слышал об этом. Заполучила себе еще один странный случай. Началось с мертвой леди на крыше, так? Это дело заставляет меня хотеть снова вернуться в седло.

Джейн посмотрела на его живот и подумала: Боже, помоги той лошади, на которую ты взберешься.

Корсак плюхнулся в кресло — то же кресло, в котором имел обычно сидел ее отец. Было странно видеть его, развалившимся на прежнем месте Фрэнка Риццоли, но ее папаша утратил все права на это кресло в тот день, когда ушел от Анджелы и переехал к Бимбо.[39] Именно так все они называли ее теперь, хотя прекрасно знали ее имя. Сэнди Хаффингтон, Сэнди-Пятый-Номер. Джейн знала о Бимбо все, включая то, сколько правил дорожного движения она нарушила за последние десять лет. Три. Из-за Бимбо Винс Корсак сидел в этом кресле, толстый и счастливый от стряпни Анджелы.

Джейн даже думать не хотела о других способах, которыми Анджела делала его счастливым.

---

[38] Докерсы (Dockers) — линия одежды компании Levi Strauss & Co. по производству вещей в стиле бизнес-кэжуал. В данном случае имеются в виду широкие брюки со штрипками на поясе.

[39] Бимбо — молодая привлекательная, легкодоступная и исключительно глупая женщина.

— Чайнатаун, — хмыкнул Корсак. — Странное место. Отличная еда.

Конечно, он не мог не упомянуть еду.

— Что ты помнишь о стрельбе в «Красном Фениксе»? — спросила она. — Ты, должно быть, слышал тогдашние сплетни.

— Это была очень неприятная и шокирующая новость. Зачем парню, имеющему милую маленькую дочку, расстреливать четырех человек и выносить себе мозги? Никогда не видел в этом смысла, — он покачал головой. — Такой милый ребенок. Настоящая папочкина дочка.

Это удивило ее.

— Ты знал семью повара?

— Не сказать, чтобы особо, но я частенько там ел. Те китайцы, они не знали, что такой выходной, поэтому заведение было открыто всю ночь. Ты мог закончить смену и все еще успеть поужинать. Однажды я зашел туда в десять вечера воскресенья, и это малышка принесла мое печенье с предсказаниями. Это смахивало на детский труд. Но она выглядела настолько счастливой оттого, что помогает папе.

— Уверен, что это была дочь повара? Она тогда была слишком маленькой.

— Она и выглядела совсем малышкой. Возможно, ей было лет пять? Хорошенькая словно бутончик, — он печально вздохнул. — Поверить не могу, что отец сотворил такое, оставив жену и ребенка на произвол судьбы. Не говоря уж обо всех других семьях, которые он разрушил. Несколько недель спустя дочь одной из жертв похитили.

— Шарлотту Дион.

— Так ее звали? Я только помню, что это напоминало греческую трагедию. Одно невезение наваливается на другое.

— А ты в курсе по-настоящему странной части этой трагедии? — спросила Джейн. — Двумя годами ранее дочь другой жертвы тоже была похищена. Ребенок официанта. Она пропала, возвращаясь из школы домой.

— Без шуток? Я этого не знал, — Корсак с минуты размышлял над этим. — Это удивительно. Заставляет всерьез заинтересоваться, есть ли здесь нечто большее, чем простое совпадение.

— Одна из последних фраз, которую сказал мне по телефону детектив Ингерсолл, была как раз о девочках. *Все это из-за того, что случилось с теми девочками.* Это были его слова.

— С двумя этими девочками? Или другими девочками?

— Понятия не имею.

Он покачал головой.

— Столько лет прошло, а мы все еще думаем о них. Странно понимать, что, скорее всего, сейчас от них не осталось ничего, кроме скелетов, — он помолчал. — Но это не то, о чем бы мне хотелось сегодня думать. Давай-ка разольем немного вина.

— Я думал, ты любитель пива.

— Твоя мама переделывает меня. В любом случае, для старого сердца вино полезнее, сама понимаешь. — Он с трудом поднялся из кресла. — Пришло время поговорить о приятных вещах, о'кей?

Не о мертвецах, подумала Джейн. Не о массовом расстреле и похищенных девочках. Но когда Габриэль зашел в дом, держа Реджину за крохотную ручонку, Джейн не могла не думать о Шарлотте Дион и Лоре Фэнг. Она помогала матери расставлять на столе тарелки с устоявшейся последовательностью все более впечатляющих блюд. Хрустящий жареный картофель. Зеленая фасоль, сбрызнутая оливковым маслом. И, наконец, две роскошные жареные курицы, благоухающие розмарином. Но даже когда они расселись за едой, завязывая нагрудник на Реджине и нарезая для нее мясо на маленькие кусочки, Джейн не переставала думать о пропавших девочках и раздавленных горем родителях. Как может мать жить дальше? Она спрашивала себя, пыталась ли Ирис Фэнг покончить с собственными страданиями. Прыжок с крыши, горсть снотворного. Насколько это проще, нежели жить с

горем изо дня в день, тоскуя о близких, которых никогда не увидишь снова.

— Что-то не так с твоей едой, Джейни? — заволновалась Анджела.

Джейн посмотрела на мать, которая отличалась сверхъестественной способностью точно знать, что оказалось во рту каждого гостя, сидящего за ее обеденным столом.

— Все великолепно, мам. Сегодня вечером ты превзошла саму себя.

— Тогда почему ты не ешь?

— Я ем.

— Ты всего разочек откусила от курицы, а затем принялась гонять еду по тарелке. Надеюсь, ты не на диете, потому что тебе совсем не нужно худеть, сладенькая.

— Я не на диете.

— Все эти девочки, они вечно сидят на диетах. Голодают на одних салатных листьях, и чего ради?

— Уж, конечно, не ради мужчин, — пробормотал Корсак, запихивая в рот куски картошки. — Парням нравится, когда на девушке есть хоть немного мясца. — Он подмигнул Анджеле. — Взять вашу маму. Создана так, как и полагается выглядеть женщине.

Джейн не могла видеть, что происходит под столом, но мать, смеясь, внезапно пнула ногой ее стул.

— Винсент! Веди себя прилично.

Пожалуйста, ведите себя прилично. Потому что больше я этого не вынесу.

— Знаете, — сказал Корсак, нарезая курицу, — самое подходящее время, чтобы обсудить сами знаете что.

Никогда еще три слова не звучали так зловеще. Джейн вздернула подбородок и посмотрела на мать.

— *Сами знаем что именно?*

— Это то, о чем мы говорили на протяжении некоторого времени, — сказала Анджела. — О Винсе и обо мне.

Джейн взглянула на мужа, но, как обычно, Габриэль нацепил свое «ФБР-лицо», по которому ничего нельзя было прочесть, даже если он и догадывался, о чем сейчас пойдет разговор.

— Ну, вы знаете, что Винс и я уже довольно долго встречаемся, — проговорила Анджела.

— Довольно долго? Это всего-навсего сколько? Полтора года?

— Этого времени достаточно, чтобы хорошо узнать кого-то, Джейни. Увидеть, что у него доброе сердце. — Анджела лучезарно улыбнулась Корсаку, и они склонились друг к другу в шумном, смачном поцелуе.

— Ты встречалась с папой целых три года, — напомнила Джейн. — И посмотри, чем это закончилось.

— Когда я встретила твоего отца, мне было пятнадцать. Он был всего лишь моим вторым парнем.

— Тебе было пятнадцать и у тебя уже был парень?

— Дело в том, что я была еще ребенком и не представляла, что еще может предложить мне мир. Я вышла замуж слишком рано, родила детей чересчур рано. Только сейчас я узнала, чего хочу.

Джейн глянула на Корсака и подумала: Ты не можешь всерьез говорить это о *нем* .

— Вот почему мы хотели, чтобы сегодня вечером вы пришли на ужин, сладенькая. Ты и Габриэль первыми узнали обо всем. Я еще не сказала Фрэнки и Майку, потому что… ну, ты же знаешь, какие они. Они до сих пор во всем поддерживают своего отца, несмотря на то, что он спит с Бимбо. — Анджела сделала паузу, чтобы перевести дыхание. Простое упоминание о Бимбо заставило ее голос звучать на полторы октавы выше. — Твои братья, они просто не понимают. Но ты моя дочь, поэтому ты знаешь, с чем нам, женщинам, приходится мириться в этом мире. Ты знаешь, как несправедливы некоторые вещи.

— Мам, здесь незачем спешить.

— О, мы не будем спешить. Мы заключим долгую помолвку и пройдем весь этот старомодный путь до конца. Закажем настоящие приглашения в типографии. Арендуем большой зал и фирму, устраивающую банкеты. И мы сможем пойти в магазин за платьями вместе, Джейни! Это будет нечто, ты и я! Я подумываю о персиковом или лавандовом, потому что я… ну, ты знаешь.

Джейн бросила взгляд на Корсака, чтобы посмотреть, как он отреагирует на этот женский список, но тот всего лишь ухмыльнулся, точно подвыпивший матросик.

— На этот раз я не буду спешить и стану наслаждаться каждой минутой моей свадьбы, — произнесла Анджела. — И это даст твоим братьям возможность свыкнуться со всем этим.

— А что насчет папы?

— А что с ним?

— Как он с этим примирится?

— Это его проблемы. — Взгляд Анджелы потемнел. — Ему лучше не пытаться пройти по проходу вперед меня. О-о-о, не могу даже этого представить. Жениться на Бимбо раньше нас, это жутко меня раздражает. — Она посмотрела на Корсака. — Может быть, если задуматься, нам стоит передвинуть дату свадьбы.

— Нет! Мам, забудь о том, что я напомнила об отце.

— Я хотела бы забыть о нем, но он всегда будет здесь, словно заноза в ноге. Невозможно все высказать и сделать вид, что ничего не было. Он постоянно мешает мне. Надеюсь, что ты никогда не узнаешь, что это такое, Джейни. — Она замолчала и оглядела Габриэля. — Конечно, ты этого не узнаешь. Рядом с тобой такой хороший мужчина.

Хороший мужчина, которого по-прежнему раздражает то, что я коп .

Габриэль мудро не стал вступать в беседу и сосредоточился на том, чтобы уговорами засовывать крошечные кубики картофеля в рот Реджины.

— Итак, сейчас вы услышали нашу важную новость, — провозгласил Корсак и поднял бокал вина. — За семью!

— Давай, Джейн! Габриэль! — подгоняла Анджела. — Давайте все вместе произнесем тост!

Стоически Джейн подняла бокал и пробормотала:

— За семью.

— Подумать только, — произнес Корсак, посмеиваясь, пока радостно пожимал ей руку. — Теперь ты можешь называть меня папой.

— Ты неправильно смотришь на это событие, — сказал Габриэль, когда они ехали домой с Реджиной, спящей на заднем сиденье. — Они были двумя одинокими людьми, а теперь посмотри, как они счастливы. Они идеально подходят друг другу.

— Ага. Она готовит. Он ест.

— Они могли бы найти кого-то гораздо хуже.

— Они оба восстанавливаются после тяжелого разрыва. Еще слишком рано жениться.

— Жизнь коротка, Джейн. Ты должна знать это лучше, чем кто-либо другой. Она может исчезнуть в одно мгновение. Требуется всего-то обледенелая дорога и пьяный водитель.

Или пуля в темном переулке. Да, она знала, потому что слишком часто видела, как обрывается жизнь. Видела, как каждая смерть вибрациями проходит по живым. Она вспомнила опустошенное лицо матери Джоуи Гилмора и горе, что заволокло глаза Патрика Диона, когда он говорил о своей дочери Шарлотте. Девятнадцать лет спустя эти вибрации все еще ударяли по оставшимся в живых.

— Я боюсь того, как воспримут эти новости мои братья, — сказала она.

— Думаешь, они плохо это воспримут?

— Фрэнки закатит истерику. Он ненавидит даже саму мысль о том, что мама и другой мужчина, понимаешь…

— Спят вместе?

Джейн вздрогнула.

— Признаю, это вызывает и у меня нервную дрожь. Мне нравится Корсак. Он порядочный человек и будет относиться к ней надлежащим образом. Но, Господи, она же моя мать.

Габриэль рассмеялся.

— И твоя мать все еще занимается сексом. Прими это. Просто позвони Фрэнки и покончи с этим.

Но когда они вернулись домой, Джейн оттягивала намеченное и намеренно избегала телефона. Вместо этого она поставила чайник на плиту и уселась за кухонный стол, чтобы снова взяться за свои библиотечные книги. Иллюстрация Царя Обезьян пристально смотрела на нее, лапы сжимали посох, картинка была настолько угрожающей, что Джейн с неохотой прикоснулась к книге, перевернув страницу.

> Глава девятая. История Чэнь Э.
>
> Великий город Чанъань долгое время был столицей всего Китая. В то время на троне восседал Тай-цзун из династии Тан. Во всей стране царил мир.

Это было обезоруживающе приятное начало сказки о добродетельном и ученом юноше по имени Чэнь Э. После женитьбы на писаной красавице он был назначен начальником отдаленного округа. Вместе с беременной новобрачной и их слугами он отправился через плодородные и цветущие деревни к новому месту назначения. Но к тому времени, как они добрались до переправы через реку, очаровательная сказка внезапно превратилась в кровавую историю о резне, когда напали вооруженные бандиты. В конечном итоге, это оказалась совсем не милая сказочка, а рассказ о воплях и ужасе, о разрубленных телах, брошенных в бушующую реку. Только один человек не был убит той ночью: беременная жена, похищенная из-за ее красоты, заточенная в плену у убийц, которая ожидала рождения своего обреченного ребенка.

Свист чайника оторвал Джейн от истории. Она подняла глаза и увидела Габриэля, который выключил горелку и залил кипятком заварочный чайник. Она даже не услышала, как он вошел в кухню.

— Увлекательное чтиво? — спросил он.

— Иисусе, это жуткая книга, — произнесла она, содрогнувшись. — Уверена, что не стала бы читать эти предания своему ребенку. Возьми хоть эту, «Историю о Чэнь Э». Это история о кровавом побоище на паромной переправе, и единственный выживший — беременная женщина, захваченная в плен убийцами.

Он поставил чайник на стол и уселся напротив нее. Весь вечер он покорно молчал, и она заметила глубокую складку между его бровями. Знак крайнего недовольства, который она увидела только сейчас, в ярком свете их кухни.

— Знаю, я не в силах изменить твое мнение по данному делу, — сказал он. — Я всего-навсего хочу еще раз высказать свои опасения.

Она вздохнула.

— Принято к сведению.

— Джейн, это не выходит у меня из головы. То, как ты выглядела, когда пришла домой в ту ночь. В трансе. Вся одежда в крови. Я не видел тебя такой потрясенной с тех пор, как…

Он не произнес имени, но они оба знали, что он думал о чудовище, которое свело их вместе. Мужчине, который оставил шрамы на ее ладонях, чьи кровавые следы до сих пор проходят сквозь ее ночные кошмары.

— Ты не забыл, чем я зарабатываю на жизнь? — спросила она.

Он кивнул.

— И я знал, что будут дни вроде этих. Я просто не понимал, как тяжело с этим жить.

— Ты когда-нибудь жалел об этом? — тихо спросила она.

— О женитьбе на копе?

— О женитьбе на мне?

— Ну, как раз сейчас. — Потирая подбородок, он издал преувеличенно задумчивое *«хммм»*. — Дай мне подумать над этим.

— *Габриэль.*

Он обернулся к зазвонившему телефону.

— Почему ты задаешь этот вопрос? — сказал он, выходя из кухни, чтобы ответить на звонок. — Я ни о чем не жалею. Я всего лишь говорю тебе о том, что мне не нравится происходящее, а ты встаешь из-за этого на дыбы.

— Мне это тоже не особо нравится, — ответила она и снова взяла книгу. История о Чэнь Э. Как и «Красный феникс», это был рассказ о кровопролитии. А похищенная женщина, подумала она, напоминает Шарлотту Дион.

— Джейн, это тебя, — Габриэль стоял с телефоном в руке и озабоченно смотрел на нее. — Он не представился.

Она взяла трубку. Почувствовав, что муж наблюдает за ней, она ответила:

— Детектив Риццоли.

— Я знаю, что вы спрашивали обо мне, поэтому я решил перестать ходить вокруг да около. Давайте-ка вы и я поговорим лицом к лицу. Завтра в четыре в моем доме. Только вы и никого больше. Можете передать своему мужу, что ему не о чем беспокоиться.

— Кто это? — спросила она.

— Кевин Донохью.

Она внимательно посмотрела на Габриэля. Едва сдерживая голос, она произнесла:

— О чем вы хотите поговорить, мистер Донохью?

— О «Красном Фениксе». Ваше расследование сошло с рельсов. Полагаю, пришло время прояснить некоторые вещи прямо сейчас.

Глава двадцать первая

Хотя Фрост и Тэм наблюдали за ней из своих припаркованных машин, Джейн была одна и чувствовала себя из-за этого тревожно и незащищено, когда позвонила во входные ворота Кевина Донохью. Мгновение спустя двое мускулистых мужчин уже шагали к ней по подъездной дорожке, у обоих из-под курток торчали бросающиеся в глаза выпуклости оружия. Они не задавали вопросов, просто провели ее через ворота и снова заперли их у нее за спиной. Когда она проходила под аркой, то заметила камеры наблюдения, вмонтированные наверху. Каждое ее движение отслеживалось.

Следуя за мужчинами по дорожке, она отметила отсутствие деревьев и кустарников. Здесь был лишь обширный газон и бетонная подъездная дорожка с уродливыми фонарными столбами, на которых было установлено еще больше камер видеонаблюдения. Это прямое доказательство того, что быть королем ирландской мафии — сомнительное удовольствие. Ты никогда не перестаешь поглядывать за плечо, потому что знаешь, что где-то там притаилась пуля с твоим именем.

Насколько был богат Донохью, настолько же и удручающе безвкусен. Это стало очевидным, как только Джейн вошла в дом и увидела примитивные пастельные картины, развешанные по стенам. Они выглядели точь-в-точь как выпускаемые большим тиражом пейзажи, которые продают в каждом местном торговом центре. Сопровождающие привели ее в гостиную, где в гигантском кресле восседал огромный мужчина, раздутый словно жаба. Ему было около шестидесяти, гладко выбритый и лысеющий, с голубыми глазами, глядящими из-под тяжелых век. Мужчине не было нужды представляться, она и так знала, что этим Джабба Хаттом[40] был Кевин Донохью, известный своим впечатляющим аппетитом

---

[40] Джабба Хатт — вымышленный персонаж вселенной «Звёздных Войн», один из самых могущественных контрабандистов в галактике, Джабба Хатт руководит крупнейшей преступной организацией с тех пор, как ему исполнилось шестьсот лет. Он разместил свою резиденцию в древнем монастыре Б’омарр на Татуине.

и не менее впечатляющим дурным нравом.

— Обыщи ее, Шон, — приказал кто-то. Она не заметила, что в комнате был еще один человек, тощий парень нервного вида в деловом костюме.

Один из сопровождающих направился к ней, держа в руках радиочастотный сканер, и Джейн отрезала:

— Что, черт побери, все это значит?

— Я адвокат мистера Донохью, — заявил тощий мужчина. — Прежде чем поговорить с вами, мы должны убедиться, что на вас нет жучков. И вы должны отдать нам свой сотовый телефон.

— Это не было частью соглашения.

— Детектив Риццоли, — прогрохотал Донохью. — Я предоставил тебе привилегию оставить при себе оружие, раз уж ты пришла сюда по доброй воле. Но я не хочу, чтобы разговор записывался. Если тебя беспокоит собственная безопасность, уверяю, твои напарники, припарковавшиеся неподалеку, примчатся на выручку при первом же признаке неприятностей.

С минуту Джейн и Донохью обменивались взглядами. Затем она вручила свой мобильник адвокату и неподвижно стояла, пока телохранитель сканировал ее на предмет радиосигналов. Только когда Шон объявил, что она чиста, Донохью махнул в сторону дивана, приглашая присесть. Она выбрала кресло и подвинула его так, чтобы лицо Донохью находилось на уровне ее глаз.

— Твоя репутация бежит впереди тебя, — сказал Донохью.

— Так же, как и ваша.

Он рассмеялся.

— Вижу, слухи не лгут.

— Слухи?

Он сложил руки на своем выдающемся животе.

— Детектив Джейн Риццоли. Наглая всезнайка. Гребаный бульдог.

— Я воспринимаю это, как комплимент.

— Именно поэтому я говорю, чтобы ты раскапывала свои кости в другом месте. Ты впустую тратишь на меня время.

— Я?

— Ты задавала обо мне много вопросов. Так же, как и твой супруг. О да, я знаю все о твоем муже, специальном агенте Габриэле Дине. Идеальная пара представителей закона. Я не беспокоюсь о том, что вы найдете что-нибудь стоящее, уверяю тебя. Но все эти вопросы вокруг моего имени делают меня слабым в глазах конкурентов. Словно скоро произойдет мое падение. А если я выгляжу слабым, то вокруг начинают виться стервятники. — Он наклонился вперед, шлепнув животом по ремню. — Тут нечего искать, понятно? *Ничто* не связывает меня с «Красным Фениксом».

— А что насчет Джоуи Гилмора?

Он вздохнул.

— Ты говорила с его старой ведьмой-матерью.

— Она утверждает, что девятнадцать лет назад вы и Джоуи поссорились.

— Пустяки. Это не стоило пули.

— Не может все это быть пустяком, если вы приглашаете человека со стороны, чтобы прекратить расследование.

— Что?

Джейн взглянула на двух телохранителей Донохью.

— Я планирую вынуть из кармана несколько фотографий, договорились? Не волнуйтесь, мальчики. — Она вытащила две фотографии из морга и положила их на кофейный столик поближе к Донохью. — Ваши наемные работники просто не могут

Выглядит как большой, жирный и складчатый слизняк.

удержать голову на плечах.

Донохью уставился на снимки. Из всех фотографий Джейн выбрала две, которые выглядели наиболее гротескно. Джейн Доу с перерезанным и зияюще раскрытым горлом. Отрезанная голова Джона Доу, лежащая рядом со своим телом на столе для вскрытия. Изображения произвели желаемый эффект: лицо Донохью стало бледным, как у трупа.

— Какого хрена ты показала мне это? — требовательно вопросил он.

— Зачем вы наняли этих двух убийц?

Адвокат перебил ее.

— Этот разговор подошел к концу. Шон, Колин. Проводите детектива Риццоли к выходу.

— Заткнись, — произнес Донохью.

— Мистер Донохью, не ваших интересах…

— Я собираюсь ответить на ее вопрос, ладно? — Донохью посмотрел на Джейн. — Я не нанимал их. Я даже не знаю, кто эта женщина. — Он взглянул на посмертное фото Джейн Доу с новым интересом и хмыкнул. — Привлекательная девка. Какая жалость.

— А мужчина? Вы узнаете его?

— Возможно. Выглядит немного знакомо. Как думаешь, Шон?

Шон посмотрел на фото.

— Думаю, я видел его поблизости. Не знаю, его имени, но он здешний. Украинец или русский.

Донохью покачал головой.

— От таких парней одни неприятности. Полностью отсутствуют какие-либо моральные принципы. Могу сказать, что этот парень никогда не работал на меня, — он взглянул на Джейн. — Думаю, теперь уже и не будет.

— И почему же я вам не верю? — спросила она.

— Потому что ты уже решила. Несмотря на то, что я готов поклясться на Библии моей матери, что не нанимал этих двоих. — После первоначального шока от фотографий, его цвет лица и дерзость возвращались. — Поэтому тебе стоит задуматься об отступлении.

— Вы угрожаете мне, мистер Донохью?

— Умная девочка. А сама как думаешь?

— Думаю, что вы напуганы. Думаю, вы знаете, что загнаны в угол.

— Тобой? — он расхохотался. — *Ты* самая меньшая из моих забот.

— Вы назвали меня бульдогом, помните? Ну, так я и буду продолжать копать в вашем дворе, потому что здесь и найду кости Джоуи Гилмора.

— Ой, да ладно. Повар убил этих людей и выпустил себе мозги. Все знают, что это было самоубийство, но старая ведьма, мать Джоуи просто не может это принять. Поэтому она и прислала мне это чертово послание.

Джейн замерла на месте.

— Вы получили сообщение?

— Несколько недель назад мне пришла копия некролога Джоуи. Плюс глупое сообщение, которое она написала на обороте. *Я знаю, что произошло на самом деле.* Что, черт побери, это должно означать?

— Если миссис Гилмор — это причина, по которой вы наводите справки о мистере Донохью, — заявил адвокат, — не тратьте свое время.

— Откуда вы знаете, что эти послания отправляет Мэри Гилмор? — спросила Джейн. — Разве она подписывается? Или там был указан обратный адрес?

Адвокат нахмурился, когда осознал, что именно сказала Джейн.

— Послания, во множественном числе? Вы утверждаете, что она отправила больше одной записки?

— Были и другие. Письма отправлены всем членам семей жертв «Красного Феникса». Послания похожи на то, что получил мистер Донохью.

Адвокат выглядел растерянным.

— В этом нет никакого смысла. Зачем миссис Гилмор беспокоить других людей этими письмами?

— Возможно, потому, что их отправила не она, — сказала Джейн.

Адвокат и Донохью уставились друг на друга.

— Мы должны переосмыслить это, — произнес адвокат. — Если Мэри Гилмор не делала этого…

Пальцы Донохью сжались в два пухлых кулака.

— Я хочу знать, кто это, черт возьми.

Глава двадцать вторая

Маура проснулась на рассвете и обрадовалась, увидев, что день обещает быть солнечным. Она приготовит блинчики и сосиски для мальчика, а затем они отправятся в тур по Бостону. Первыми по плану шли «Тропа Свободы» и Норт-Энд,[41] затем они пойдут на пикник и будут бегать наперегонки с собакой по Блю Хиллз Резервейшн.[42] Она запланировала день, настолько заполненный мероприятиями, что времени для неловкого молчания просто не останется, ничто не будет напоминать о том, что они по-прежнему оставались незнакомцами друг для друга. Шесть месяцев назад, в горах Вайоминга, она доверила Джулиану «Рэту» Перкинсу свою жизнь. Теперь Маура была вынуждена признать, что этот неуклюжий подросток со здоровенными ножищами все еще остается для нее загадкой. Ей было интересно, чувствует ли он то же самое по отношению к ней. Беспокоится ли о том, что она бросит его, так же как и все остальные в его жизни?

Она натянула джинсы и футболку, подходящий наряд для пробежек с собакой. Подумала о сэндвичах с курицей и авокадо, которые она собиралась приготовить для пикника и спросила себя, любит ли Рэт авокадо. Пробовал он когда-нибудь авокадо, ростки люцерны или эстрагон? Я так мало о нем знаю, подумала она. Но он здесь, и он часть моей жизни.

Маура прошла по коридору и увидела, что дверь спальни мальчика была открыта.

— Рэт? — позвала она. Заглянула, но его там не было.

Она обнаружила его на кухне, сидящим перед ноутбуком, который она оставила на столе прошлым вечером. Пес сидел у его ног и навострил уши при виде Мауры, словно обрадовался, что хоть кто-то, наконец, обратил на него внимание. Взглянув через плечо мальчика, она вздрогнула, увидев на экране изображение вскрытия.

— Не стоит на это смотреть, — сказала она. — Я должна была убрать ноутбук подальше прошлым вечером. — Она нажала клавишу «Выход» и посмертное фото исчезло. Маура поспешно собрала все папки по делу «Красного Феникса» и убрала их со стола. — Почему бы тебе не помочь мне приготовить завтрак?

— Зачем он это сделал? — спросил мальчик. — Зачем убил людей, которых даже не знал?

Маура посмотрела в его обеспокоенные глаза.

— Ты читал полицейский отчет?

— Он лежал тут на столе, я и не смог удержаться. Но я не вижу в этом никакого смысла. Не понимаю, зачем кому-то делать такое.

---

[41] Норт-Энд (North End) — старый район в северной части Бостона, ныне считается чем-то вроде исторического заповедника. В Норт-Энде сохранились узкие улочки и малоэтажная городская застройка. Когда-то здесь жили одни из первых поселенцев, затем, в основном, итальянцы. Также в 1919 году именно в Норт-Энде произошел так называемый «Паточный потоп» — вследствие взрыва в районе порта разлилось 8,7 млн. литров рафинадной патоки. Это одна из самых крупных техногенных катастроф, в результате которой погибло множество людей и нанесен огромный ущерб городу.

[42] Блю Хиллз Резервейшн (Blue Hills Reservation) — государственный парк в Бостоне площадью 2800 га.

Она выдвинула стул и села напротив него.

— Иногда, Рэт, такие вещи просто невозможно объяснить. Жаль говорить об этом, но я слишком часто не имею ни малейшего понятия, зачем люди совершают подобные поступки. Почему они топят своих детей, душат жен или стреляют в коллег. Я смотрю на результаты их действий, но не могу объяснить, что побудило их к этому. Я всего лишь знаю, что такое случается. И люди способны совершать ужасные вещи.

— Я знаю, — пробормотал Рэт и взглянул на собаку, которая уткнулась своей огромной головой ему в колени, словно зная, что в этот момент мальчик нуждался в поддержке. — Так вот чем ты занимаешься?

— Да, именно этим.

— Тебе нравится твоя работа?

— Не думаю, что *нравится* подходящее слово.

— А какое правильное?

— Она сложная. Интересная.

— И когда ты видишь подобные вещи, они не вызывают в тебе беспокойства?

— Кто-то должен говорить за мертвых. Я знаю, как это сделать. Они говорят мне… их тела говорят мне… о том, как они умерли. Была ли их смерть естественной или насильственной. Да, это может расстраивать. Это может заставить задаваться вопросом, что это такое — быть человеком, когда видишь, что люди делают друг с другом. Но я всегда чувствую, что должна делать эту работу, должна быть их голосом.

— Думаешь, я смог бы этим заниматься? — он посмотрел на стопку папок. — Твоей работой?

— Ты имеешь в виду, стать патологоанатомом?

— Я тоже хочу знать ответы, — он посмотрел на нее. — Я хочу быть, как ты.

— И это, — ответила она с улыбкой, — самая приятная вещь, которую мне когда-либо говорили.

— В Ивенсонге, мои учителя говорят, что я отлично замечаю то, что упускают другие. Поэтому, полагаю, у меня получится.

— Если ты хочешь стать патологоанатомом, — произнесла она, — ты должен окончить школу с очень хорошими оценками.

— Я знаю.

— Ты должен поступить в колледж, а затем четыре года отучиться в медицинской школе. После этого тебе будет необходимо пройти резидентуру,[43] плюс аспирантуру по судебной медицине. Это много лет и много обязательств, Рэт.

— Ты пытаешься намекнуть, что я не справлюсь?

— Я всего лишь говорю о том, что ты должен хотеть этого по-настоящему. — Она заглянула в темные глаза мальчика и подумала, что может представить, каким человеком он станет однажды. Серьезным и преданным. Мужчиной, который не только будет говорить за мертвых, но и сражаться за них. — Тебе придется изучать науку, ибо только она докажет твои доводы в суде. Потому что одной интуиции недостаточно.

— А что же делать, если предчувствие очень сильное?

— Оно никогда не будет настолько убедительным, как то, что может рассказать тебе капля крови.

— Но интуиция подсказывает нам, когда что-то не так. Как на той фотографии.

— Какой фотографии?

— Китайца, покончившего с собой. Я покажу тебе. — Он поднялся и принес ноутбук и папки обратно на стол. При помощи нескольких щелчков мыши он вновь открыл цифровое изображение Ву Вэйминя, лежащего на кухне «Красного Феникса». — Полиция говорит, что

---

[43] Резидентура — в США это последипломная больничная подготовка врачей, предусматривающая специализацию в течение одного года интерном и в течение 3–5 лет резидентом.

он прострелил себе голову одним выстрелом, — сказал Рэт.

— Да.

— Посмотри, что лежит на полу рядом с ним.

Вчера вечером она быстро проглядела фотографии. Время шло к ночи, у них с мальчиком был долгий день, и после двух бокалов вина ее клонило в сон. Сейчас она более пристально сосредоточилась на мертвом поваре и оружии, которое он по-прежнему сжимал в руке. У его плеча лежала гильза.

Рэт указал на то, что находилось на кромке фото, на то, что она упустила. Вторая гильза.

— Тут сказано, что в его голове была всего одна пуля, — заявил Рэт. — Но если он стрелял дважды, куда же делась другая?

— Она могла попасть в любое место кухни. В подобных обстоятельствах полиция, скорее всего, не нашла причины искать ее.

— А почему он стрелял дважды?

— Я видела такое прежде при самоубийствах. Жертва должна собраться с мужеством, чтобы покончить с собой и в первый раз может промахнуться. Или оружие даст осечку. Я даже как-то расследовала самоубийство, когда жертва выстрелила себе в голову более двух раз. А еще один застрелился недоминантной рукой.[44] И был мужчина, который… — Она замолчала, потрясенная тем, что разговаривает об этом с шестнадцатилетним мальчиком. Но он смотрел на нее так же спокойно, как и любой профессионал.

— Это, несомненно, подходящий повод для беспокойства, — сказала она. — Уверена, что полиция приняла его во внимание.

— Но это не изменило их мнения. Они по-прежнему считают, что он убил тех четверых, хотя и не могут объяснить, почему.

— А как бы им это удалось? Слишком мало людей по-настоящему знали повара.

— Как никто по-настоящему не знает меня, — тихо произнес он.

Теперь она поняла, что на самом деле беспокоит мальчика. Его тоже называли убийцей и так же осуждали люди, которые почти его не знали. Когда Рэт смотрел на Ву Вэйминя, то видел в нем себя.

— Хорошо, — признала она, — давай на минутку представим, что он не покончил с собой. Допустим, что кто-то обставил все как самоубийство. Это означает, что кто-то другой застрелил четырех человек, а затем убил повара.

Рэт кивнул.

— Подумай вот над чем. Представь, что ты повар. Ты стоишь на кухне, и вдруг в соседней комнате кто-то начинает стрелять. Оружие без глушителя, поэтому ты слышишь эти выстрелы.

— Тогда почему же никто ничего не сделал? В отчете говорится, что в трех квартирах наверху были люди, но они слышали только один выстрел. Вот почему никто сразу и не вызвал полицию. Затем жена повара спустилась вниз и обнаружила тело своего мужа.

— Как много страниц ты прочитал?

— Большинство.

— Это больше, чем осилила я, — призналась она. Маура открыла папку отчета, поданного Стейнсом и Ингерсоллом. Когда детектив Тэм оставил эти материалы, она не обрадовалась дополнительной работе и отложила их до прошлого вечера, когда и беглым взглядом просмотрела фотографии. Теперь она прочитала полицейский отчет от начала до конца, который подтвердил слова Рэта. Семь свидетелей заявили, что слышали всего один выстрел, однако, в общей сложности в ресторане «Красный феникс» было обнаружено девять гильз.

---

[44] Доминантная рука — рабочая рука, которой вы пишете и едите. Для правшей доминантная рука правая, для левшей, соответственно, левая.

Ее шестое чувство начало подавать сигналы. Здесь чувствовалось что-то неправильное, как и сказал мальчик.

Она начала читать отчет о вскрытии Ву Вэйминя. По словам патологоанатома, повар был найден лежащим на боку, блокируя спиной дверь подвала. С его правой руки, все еще сжимающей пистолет, позже были взяты образцы, и тесты подтвердили наличие остатков пороха. Не обращая внимания на глазеющего Рэта, она открыла посмертные снимки повара. Роковая пуля вошла в правый висок, и на крупном плане было видно, что ранение нанесено оружием, плотно прислоненным к коже, края раны в форме дула опалились и почернели из-за давления пороховых газов, вылетевших из ствола. Выходного отверстия не было. Маура щелкнула по рентгеновскому снимку головы и увидела фрагменты металла, разлетевшиеся по всему черепу. Экспансивная пуля,[45] решила она, созданная разрывать и расплющивать, передавая свою кинетическую энергию непосредственно тканям. Максимальный урон с минимальным проникновением.

Она перешла к другим файлам.

Второй отчет был о вскрытии Джеймса Фэнга, тридцать семь лет, обнаружен лежащим за кассовой стойкой. Ему один раз выстрелили в голову. Пуля вошла в лоб над правой бровью.

Третий отчет рассказывал о Джоуи Гилморе, возраст двадцать пять лет. Его тело упало перед кассой, картонные упаковки для еды разлетелись по полу вокруг. В него выстрелили один раз сзади прямо в голову.

Последними двумя жертвами были Артур и Дина Мэллори, оба обнаружены возле углового столика, где они сидели. В Артура стреляли дважды, сначала в заднюю часть головы, затем в позвоночник. В его жену выстрелили трижды, пули пробили щеку, поясницу и череп. Тщательно изучив заключение патологоанатома, она увидела, что тот сделал такой же вывод, как и она сама: Дина Мэллори двигалась, когда в нее выстрелили первые два раза, вероятно, она пыталась убежать от нападавшего. Мауры уже было отложила отчет в сторону, когда заметила часть, описывающую вскрытие желудка и двенадцатиперстной кишки.

> Основываясь на объеме содержимого желудка, которое включает в себя фрагменты спагетти с томатным соусом, постпрандиальный период[46] составляет от одного до двух часов.

Маура открыла отчет о вскрытии Артура Мэллори и внимательно изучила экспертизу его желудка, который разрезали и осмотрели, согласно обычной процедуре аутопсии.

> Содержимое желудка включает в себя сыр и мясо, с частично переваренными фрагментами салата. Постпрандиальный период составляет один-два часа.

Это не имело смысла. Зачем бы семье Мэллори, чьи животы полны итальянской едой, сидеть в китайском ресторане?

Описание содержимого желудков — переваренный салат и томатный соус, убили ее аппетит.

— Это не лучший способ приступить к завтраку, — сообщила она, захлопывая

---

[45] Экспансивная пуля (она же сплющивающаяся, разворачивающаяся или пуля «дум-дум») — пуля, конструкция которой предусматривает существенное увеличение диаметра при попадании в мягкие ткани с целью повышения поражающей способности и\или уменьшения глубины проникновения. Такие пули в настоящее время запрещены к применению в военном оружии, однако очень широко применяются для охоты и самообороны. Например, практически все охотничьи пули являются экспансивными, — применение не экспансивных цельнооболочных пуль военного типа на охоте обычно считается недопустимым.

[46] Постпрандиальный период — время, прошедшее после приема пищи.

папку. — Сегодня прекрасный день, и я хочу испечь блинчики, как насчет такого варианта? Давай не будем больше думать об этом деле.

— Так что насчет пропавшей пули? — напомнил Рэт.

— Даже если бы мы смогли найти ее сейчас, это не изменит результатов. Тела уже давно похоронены или кремированы, а место преступления вымыто. Чтобы вновь открыть дело, нужны новые улики. Спустя много лет уже ничего не осталось.

— Но здесь что-то нечисто, не так ли? Ты ведь тоже так думаешь.

— Хорошо, — она вздохнула. — Давай предположим, что повар не убивал себя. Представим, что кто-то другой, неизвестная личность, вошел и начал стрелять. Почему повар просто не убежал?

— Возможно, он не смог выйти.

— В кухне был второй выход. В отчете говорится, что он ведет на улицу.

— Возможно, дверь была заперта снаружи.

Она открыла снимки места преступления на своем ноутбуке. Это было совершенно неуместное зрелище для мальчика, но он задавал хорошие вопросы и до сих пор все увиденное и услышанное его не пугало.

— Вот, — сказала она, указывая на дверь кухни. — Похоже, она приоткрыта. Поэтому нет причины, по которой он не смог бы убежать. Если повар услышал выстрелы в обеденном зале, здравый смысл подсказал бы ему выбежать через заднюю дверь.

— А как насчет этой двери? — он показал на дверь погреба, заблокированную телом повара. — Может быть, он укрылся там.

— Подвал — это тупик. Нет смысла бежать этим путем. Посмотри на все улики, Рэт. Его обнаружили сжимающим оружие. На его руке остатки пороха, значит, когда все произошло, он вступал в контакт с пистолетом. — Она замолчала, внезапно подумав о лишней гильзе. Пистолет выстрелил на кухне дважды, но только один хлопок был услышан. И «Глок» имеет резьбовую втулку, поэтому мог быть оснащен глушителем. Она попыталась представить альтернативную последовательность событий. Неизвестный убийца расправляется с Ву Вэйминем. Откручивает глушитель и вкладывает оружие в руку покойника. Стреляет еще раз, чтобы оставить следы пороха на коже жертвы. Это бы объяснило, почему соседи услышали только один выстрел, и почему на кухне две гильзы. Но существовала одна деталь, которая не объясняла подобный сценарий: почему Ву Вэйминь, имеющий возможность сбежать через черный ход, решил остаться на кухне.

Она сосредоточилась на двери подвала. На теле повара, лежащем перед ней. Блокирующем ее. Внезапно ее осенило: возможно, он не мог сбежать.

Потому что у него была очень веская причина остаться.

Глава двадцать третья

— Люминол, вероятно, заставит это место засиять, — произнесла Джейн. — По словам риэлтора, сразу после происшествия они оттерли все стены и отмыли полы. Линолеум менять не стали. Так, что я не уверена, что это занятие что-нибудь покажет.

— Мы не узнаем, пока не посмотрим, так ведь? — ответила Маура.

Они стояли у старого ресторана «Красный феникс», ожидая прибытия команды криминалистов. Для правильного исследования обстановки требовалась полная темнота, и сумерки медленно превращались в ночь, принося с собой влажный холод, который заставил пожалеть Мауру о том, что она надела всего лишь плащ. В дальнем конце Напп горели фонари, но этот конец улицы утопал в тени, и здание с зарешеченными окнами и закрытыми дверями, походило на тюрьму для призраков.

Джейн заглянула через окно ресторана и невольно вздрогнула.

— Мы уже были там, знаешь ли. Это жуткое место, которое, скорее всего, кишит тараканами. Одни голые стены и пустые комнаты. Здесь и вправду не на что смотреть.

— Кровь по-прежнему будет там, — сказала Маура. — Мыло и щетки удалили только

видимое свидетельство, химические же призраки крови остались на полу и стенах. Люминол поможет обнажить старые пятна и следы, которые могли пропустить во время первого расследования.

Яркий свет фар заставил ее обернуться и сощурить глаза, пока автомобиль заворачивал за угол и медленно заезжал на стоянку. Из него вышли Фрост и Тэм.

— У вас есть ключ? — окликнула Джейн.

Фрост вытащил его из кармана.

— Мне пришлось поклясться нашими жизнями, прежде чем мистер Кван отдал его мне.

— Что он из себя строит важную персону? Здесь нечего красть.

— Он сказал, что если мы что-нибудь повредим, нам придется выплачивать ликвидационную стоимость.[47]

Джейн фыркнула.

— Я могла бы повысить эту ликвидационную стоимость бруском динамита.

Фрост открыл дверь и пощелкал выключателем. Ничего не произошло.

— Должно быть, лампочка наконец-то перегорела, — сообщил он.

В темноте за порогом что-то двигалось, встревоженное внезапным вторжением. Маура посветила фонариком и увидела, как с полдюжины тараканов несется прочь от луча света и исчезает под кассовой стойкой.

— Ф-у-у-у, — поморщился Фрост, — уверен, здесь вокруг нас роятся тысячи таких же.

— Большое спасибо, — пробормотала Джейн. — Теперь я никогда не выброшу эту картинку из своей головы.

Четыре луча света от их фонариков двигались туда-обратно, пересекаясь в темноте. Как и описала Джейн, в комнате были лишь голые стены и пол, но когда Маура осматривалась вокруг, снимки с места преступления накладывались на нынешнюю обстановку. Она видела Джоуи Гилмора, растянувшегося у стойки. Видела Джеймса Фэнга, свернувшегося за прилавком. Она подошла к углу, где умерли Мэллори, и мысленно представила положение трупов. Артур упал на стол лицом вниз. Дина вытянулась на полу.

— Есть кто? — раздался голос из переулка. — Детектив Риццоли?

— Мы здесь, — ответила Джейн.

Новая пара дуэльных лучей фонариков присоединилась к их собственным, когда двое мужчин из отдела криминалистики вошли в комнату.

— Определенно, здесь достаточно темно, — заключил один из мужчин. — И не нужно передвигать никакой мебели, так что я быстро управлюсь. — Он присел на корточки и осмотрел пол. — Это тот же самый линолеум?

— Так нам сказали, — ответил Тэм.

— Похоже, так и есть. Изношенное покрытие, много повреждений и трещин. Должен отлично засветиться. — Он закряхтел, приподнимаясь, его живот был огромный, словно тот был на восьмом месяце беременности.

Его гораздо более стройный напарник, стоящий над ним, произнес:

— Что вы рассчитываете тут найти?

— Мы не уверены, — сказала Джейн.

— Нужна причина, по которой вы хотите осмотреть все еще раз спустя девятнадцать лет.

В тишине Маура почувствовала, что ее лицо запылало и подумала, что вся ответственность за эту вылазку ляжет на ее плечи. Затем прозвучал голос Джейн:

— У нас есть основания полагать, что это не было убийством-самоубийством.

— Итак, допустим, мы найдем необъяснимые следы? Наглядное подтверждение существования злоумышленника, и что дальше?

---

[47] Ликвидационная стоимость — стоимость, которую можно получить при продаже оцениваемого объекта за ограниченный срок времени. Данная стоимость всегда ниже или равна рыночной.

— Это послужит стартом.

Его тучный коллега вздохнул.

— О'кей, мы дадим вам все, от супа до десерта.[48] Сами напросились.

— Я помогу вам разгрузить фургон, — предложил Тэм.

Мужчины занесли осветительное оборудование и видеоаппаратуру, электрические провода и химикаты. Несмотря на то, что все лампочки в ресторане перегорели, розетки все еще работали, и когда они подключили кабель для освещения обеденной зоны, яркий свет ламп так же резал глаза, как и солнечный. Пока один из криминалистов делал видеозапись помещения, его напарник вынимал коробки с химическими реактивами из холодильной камеры. Только теперь, при свете ламп, Маура узнала обоих мужчин — они изучали место преступления на крыше.

Медленно видеооператор снял камерой панораму комнаты и выпрямился.

— Все путем, Эд? Ты готов начать?

— Сразу же, как все наденут защиту, — ответил Эд. — Маски лежат в этой коробке. Мы взяли достаточно, хватит на всех.

Тэм передал Мауре пару защитных очков и респиратор, которые она надела на лицо, чтобы защититься от паров люминола. Только после того, как все нацепили маски, Эд — по крайней мере, она теперь знала имя стройного мужчины — начал смешивать реактивы. Он встряхнул колбу с раствором, а затем перелил содержимое в пульверизатор.

— Кто-нибудь желает стать главным по свету?

— Я желаю, — сказал Фрост.

— Здесь будет по-настоящему темно, поэтому оставайтесь возле лампы или потом вам придется искать выключатель на ощупь. — Эд оглядел помещение. — Где вы, ребята, хотите начать?

— В этой части, — ответила Джейн, указывая на область возле прилавка.

Эд перешел туда, затем взглянул на Фроста.

— Свет.

В комнате стало темно, и мрак, казалось, усиливал звук дыхания Мауры через респиратор. Она едва расслышала шипение пульверизатора, когда Эд выпустил из него пелену люминола. Сине-зеленый геометрический рисунок внезапно засиял на полу, когда люминол отреагировал на застарелые следы гемоглобина. Там, где когда-то капала или брызгала кровь, всегда остаются отголоски ее присутствия. Девятнадцать лет назад кровь просочилась в этот линолеум, и так плотно засела в трещинах и щелях, что ее не смогла бы уничтожить самая тщательная уборка.

— Свет.

Фрост щелкнул выключателем, и все они заморгали от яркого света. Сине-зеленое свечение исчезло, на его месте был все тот же участок пола, что и раньше.

Тэм поднял глаза от ноутбука, на который были загружены фотографии места преступления из «Красного Феникса».

— Совпадает с тем, что я здесь вижу, — произнес он. — Никаких сюрпризов. Это место, где было найдено тело Джоуи Гилмора.

Они передвинули камеру и штатив в угол за кассовой стойкой, и все заняли свои позиции. Снова погас свет, они вновь услышали шипение распылителя, и большая часть пола засветилась, точно шахматная доска. Вот где погиб Джеймс Фэнг. Стена точно так же была разукрашена огнями, высвечивающими брызги крови официанта, похожие на угасающие отголоски крика.

В этом здании все еще можно было услышать множество криков.

---

[48] От супа до десерта или от супа до орехов (soup to nuts) — идиоматическое выражение, употребляется в значении «от начала до конца, полностью и по порядку, ничего не пропуская». Это калька с латинского выражения «ab ovo usque ad mala» (с яиц по яблоки) — подразумевается последовательность обеденных блюд в Древнем Риме.

Они перешли к углу, где погибли Мэллори. Два тела произвели в два раза больше крови, и здесь были самые громкие вопли из всех, жуткое шоу из брызг и мазков, которые вспыхнули в темноте и медленно погасли.

Фрост включил свет, и все они с минуту просто молча стояли, опустив глаза на запятнанный пол, который так ярко горел секундой ранее. До сих пор их ничего не удивляло, но, тем не менее, несколько тревожило.

— Давайте перейдем в кухню, — предложила Джейн.

Они прошли через дверной проем. В соседней комнате, казалось, было холоднее. Настолько, что холод заставил кожу Мауры покрыться мурашками. Она оглядела холодильник, древнюю вытяжку и печь. Здесь был бетонный пол, сделанный для упрощения уборки в области, где брызгали жир и соусы. *А также кровь.* Она, дрожа, стояла у двери подвала, пока команда переставляла сюда оборудование из соседней комнаты, заносила свои камеры и химикаты. В ярко освещенной теперь комнате, Эд и его напарник хмуро разглядывали обстановку.

— Кое-что из кухонных принадлежностей проржавело, — заметил Эд. — Пятна ржавчины отреагируют на люминол и засияют.

— Необходимо сосредоточиться на полу, — пояснила Маура. — Прямо там, где был найден повар.

— Где мы и найдем море крови. Какой сюрприз, — фыркнул Эд, в его замечании безошибочно угадывался сарказм.

— Слушай, если считаешь это пустой тратой времени, давай сюда баллончик, я сама справлюсь, — не выдержала Маура.

Два криминалиста переглянулись во внезапно возникшей тишине. Эд произнес:

— Не хотите рассказать нам, что вы ищете, доктор Айлз? Хоть что-нибудь, придающее всему этому смысл?

— Скажу, когда увижу. Давайте-ка начнем с двери, ведущей в обеденный зал.

Эд кивнул Фросту.

— Выключайте свет.

Внезапная тьма полностью окутала кухню, и Маура пошатнулась, дезориентированная отсутствием каких-либо визуальных подсказок и понимания того, кто или что окружает ее. В этой темноте кто-нибудь мог стоять подле нее, и она даже не будет знать, что он там. Пульверизатор зашипел, и пока загорались волшебные сине-зеленые разводы на полу, она ощутила чужеродный холодок на своей шее, точно мимо нее только что прошел призрак. Да, в этой комнате и вправду есть призраки, подумала она, призраки пролитой крови, которая по-прежнему остается на этом полу. Она вновь услышала шипение баллончика, и в комнате материализовалось еще больше светящихся пятен.

— Вижу отпечатки ног, — сообщил Эд. — Скорее всего, женские, пятого или шестого размера.[49]

— Они есть и на снимках с места преступления, — встрял Тэм. — Жена повара вошла сюда первой. Она жила в квартире на втором этаже. Услышала выстрел, вошла через дверь в переулке и нашла своего мужа. Оставляя следы его крови, прошла в обеденный зал и обнаружила других жертв.

— Ну, как раз это я тут и вижу. Следы обуви двигаются в сторону зала ресторана.

— Повар лежал прямо там, где сейчас стою я, — сказала Маура. — Нам необходимо сосредоточиться на этом месте.

— Придержите лошадей, док, — обронил криминалист, и Маура ясно расслышала раздражение в его голосе. — Мы доберемся до этого места позже.

— Я это учту.

— О'кей, двигаемся дальше.

---

[49] Пятый или шестой размер обуви в США соответствует российским 34 и 35 размерам.

Маура услышала пшиканье спрея, и появились новые следы — светящаяся запись передвижений жены повара в ту ночь. Они проследили за отпечатками обуви в обратном порядке до места, где внезапно ярко расцвел бассейн. Вот где собралась кровь Ву Вэйминя, выплеснувшаяся из раны на виске. Маура читала отчет о вскрытии, видела снимки крупным планом, на которых рана казалась просто небольшой дырочкой, пробившей кожу, череп и разрушившей мозг. Тем не менее, еще несколько мгновений его сердце продолжало качать кровь, которая разливалась вокруг головы, словно нимб. Именно здесь возле него присела жена, запачкав свои туфли. *В тот момент его тело все еще было теплым.*

— Свет.

Маура, моргая, таращилась на пол, но сейчас она могла видеть лишь голый бетон. Но пока Эд подливал в распылитель люминол, она все еще представляла тот бассейн крови, и отпечатки ног — доказательство присутствия жены.

— Мы там закончили, — заявил Эд, указывая на дверь кухни, ведущую в переулок. — Жена вышла тем же путем?

— Нет, — ответил Тэм. — Согласно отчету Ингерсолла, она выскочила через главный вход, что выходит на Напп. Побежала на Бич-стрит, чтобы позвать на помощь.

— Значит, в этом направлении не должно быть никакой крови.

Тэм сверился с ноутбуком.

— На снимках я ничего такого не вижу.

Маура заметила, как Эд поглядывает на свои наручные часы, напоминая, что пора закругляться. То, что они уже записали на видео, было именно тем, что и ожидалось. Она размышляла над тем, о чем эти двое наверняка поговорят позже, а их комментарии, несомненно, разнесут по всему управлению полиции Бостона. *Доктор Айлз отправила нас искать вчерашний день.*

Возможно, это было ошибкой, спрашивала она себя. Может быть, я напрасно испортила вечер всем присутствующим, а все потому, что прислушалась к сомнениям шестнадцатилетнего мальчика? Но Маура разделяла сомнения Рэта. После того, как он вернулся в школу, оставив ее одну в доме, который казался пугающе тихим и пустым, она провела не один час, изучая все отчеты и фотографии по делу «Красного Феникса». Непонятные детали, которые так быстро подметил мальчик, все больше и больше заставляли ее беспокоиться.

— Давайте закончим тут и отправимся по домам, — проговорила Джейн, чей голос звучал устало и немного раздраженно.

Снова погас свет, и Маура стояла, сжав ладони и радуясь, что ее лицо скрывала темнота. Она услышала, что баллончик вновь выпустил облачко люминола.

Внезапно Эд выпалил:

— Эй, вы это видите?

— Свет! — скомандовала Джейн, и Фрост включил лампы.

На ярком свету все они с мгновение просто молча стояли, глядя на голый бетон.

— Этого нет ни на одном снимке с места преступления, — протянул Тэм.

Эд нахмурился.

— Дай-ка я перемотаю это видео, — сказал он. Пока они столпились вокруг камеры, он отмотал пленку и нажал на воспроизведение. В темноте светились три сине-зеленых отпечатка, которые тянулись по направлению к запасному выходу. Два из них были размытыми и деформированными, но третьим был явно различимый отпечаток крошечной ножки.

— Может, они и не связаны со всей этой стрельбой, — произнесла Джейн. — Эти следы могли оставить здесь за годы до происшествия.

— Два кровавых инцидента на одной и той же кухне? — переспросил Тэм.

— Как объяснить тот факт, что этих следов нет ни на одном снимке с места преступления?

— Кто-то отмыл их, — вставила Маура тихо. — Еще до прибытия полиции.

Несмотря на это, следы все еще здесь, подумалось ей. Невидимые человеческому глазу, но не люминолу.

Остальные были ошеломлены новой находкой. В этой кухне был ребенок, малыш, который наступил в кровь и затем оставил ее следы на полу, выйдя через дверь в переулок.

— Подвал, — скомандовала Джейн. Она подошла к двери погреба и распахнула ее. Когда Маура подошла к ней, Джейн водила фонариком по деревянной лестнице. Из мрака внизу доносился запах влажных камней и плесени. Луч фонарика Джейн разогнал тени, и Маура увидела большие бочки и гигантские банки кулинарного жира, безусловно, испортившиеся уже через два года после нахождения здесь.

— Повар умер прямо здесь, закрыв собой эту дверь, — сказала Джейн. Она обернулась к Эду. — Давай осмотрим верхние ступеньки.

В этот раз не было нетерпеливых взглядов, вздохов или посматриваний на часы. Криминалисты резво передвинули камеру и штатив, направив их на подвальную лестницу внизу. Все подошли поближе, когда погас свет и Эд выпустил последнее облачко люминола. Только тогда они увидели, что кровь текла сверху из кухни и капала на верхнюю ступеньку.

Ступеньку, на которой они увидели отпечаток маленькой туфельки.

Глава двадцать четвертая

— В ту ночь кто-то был в подвале кухни, миссис Фэнг. Ребенок, который может знать, что произошло на самом деле, — произносит детектив Риццоли. — Вы знаете, что это был за ребенок?

Женщина-полицейский изучает меня, наблюдает за моей реакцией, пока я перевариваю ее слова. Через закрытую дверь я слышу энергичный стук нунчак и голоса моих студентов, распевающих в унисон, пока они практикуют свои боевые маневры. Но здесь, в моем офисе, царит тишина, в то время как я взвешиваю возможные варианты ответов. Мое молчание само по себе является реакцией, и детектив Риццоли пытается прочесть его значение, но я не позволяю эмоциям проявиться на моем лице. Для нас двоих это словно шахматная игра без шахмат, ведущаяся ловкими ходами, о чем детектив Фрост, стоящий рядом, вероятно, даже не догадывается.

Женщина является моим истинным противником. Я смотрю прямо на нее, когда спрашиваю:

— Откуда вы узнали, что в подвале кто-то был?

— На кухне остались отпечатки ног, ведущих из подвала. Следы ребенка.

— Но это же произошло девятнадцать лет назад.

— Даже спустя много лет, миссис Фэнг, кровь оставляет следы, — объясняет Фрост. Его голос мягко, дружелюбно, терпеливо поясняет то, чего, как он считает, я не понимаю. — При помощи определенных химических веществ мы можем увидеть, где остались следы крови. И мы знаем, что ребенок, выйдя из подвала, наступил в кровь Ву Вэйминя и вышел из кухни в переулок.

— Прежде мне никто об этом не говорил. Детектив Ингерсолл никогда не рассказывал ничего подобного.

— Потому что он видел тех следов, — говорит детектив Риццоли. — Той ночью, когда приехала полиция, отпечатки уже исчезли. Их оттерли. — Она пододвигается ближе, настолько близко, что я могу разглядеть ее зрачки, два черных леденца в шоколадно-коричневой радужной оболочке. — Кто бы мог это сделать, миссис Фэнг? Кому бы хотелось скрыть присутствие ребенка в подвале?

— Почему вы спрашиваете меня? Меня и в стране-то не было. Я навещала свою семью в Тайване, когда все произошло.

— Но ведь вы знали Ву Вэйминя и его жену. Вы тоже говорите на мандаринском. Ребенком в подвале была их малышка, не так ли? — Она вытаскивает из кармана блокнот и зачитывает: — Мэймэй, пять лет. — Смотрит на меня. — Куда они уехали, мать и дочь?

— Откуда мне знать? Я смогла улететь домой только через три дня. К тому времени они уже исчезли. Забрали свою одежду и вещи. Я понятия не имею, куда они отправились.

— Почему они убежали? Не потому ли, что жена была нелегалкой?

Моя челюсть сжимается, и я бросаю на нее свирепый взгляд.

— Вас удивляет, что *она* убежала? Если бы *я* была нелегалкой, детектив, и вы бы считали, что мой муж убил четырех человек, насколько быстро вы бы надели *на меня* наручники и депортировали из страны? Может, девочка и родилась здесь, но Ли Хуа-то нет. Она хотела, чтобы ее дочь росла в Америке, и разве можно обвинять ее в том, что она уклонилась от полиции? В том, что укрылась в тени?

— Если она оттерла те следы, то уничтожила важную улику.

— Может быть, чтобы защитить свою дочь.

— Девочка была свидетелем. Она бы могла изменить ход расследования.

— А вы бы положились на пятилетнюю девчушку в зале суда и ее показания? Считаете, присяжные поверили бы ребенку нелегальных иммигрантов, когда весь город уже называл ее отца чудовищем?

Мой ответ застает ее врасплох. Она молчит, размышляя о логичности того, что я сказала. Осознавая, что действия Ли Хуа на самом деле разумны. Это была логика матери, отчаянно пытавшейся защитить себя и ребенка от представителей власти, которым она не доверяла.

Фрост осторожно произносит:

— Мы не враги, миссис Фэнг. Мы всего лишь пытаемся узнать правду.

— Я говорила правду девятнадцать лет назад, — возражаю я. — Я рассказала полиции, что Ву Вэйминь никогда бы не причинил никому вреда, но это было не тем, что им хотелось слышать. Им было проще думать, что он просто сумасшедший китаец, а кого волнует, что произошло в голове у китайца? — Я слышу горечь в своем голосе, но не пытаюсь ее подавить. Это выплескиваются наружу злость и раздражение. — Поиски *истины* — это слишком большой труд. Вот как считала полиция.

— Я так не считаю, — спокойно говорит Фрост.

Я бросаю на него взгляд и вижу искренность в его глазах. В соседней комнате закончились занятия, и я слышу, как уходящие ученики снова и снова хлопают дверью.

— Если Мэймэй была в том подвале, — произносит детектив Риццоли, — мы должны найти ее. Нам нужно знать, помнит ли она что-нибудь.

— И вы поверите ей?

— Зависит от того, что она за девушка. Что вы можете рассказать о ней?

Я думаю об этом, заглядывая назад сквозь девятнадцатилетний туман.

— Я помню, что она ничего не боялась. Никогда не оставалась на одном месте, постоянно бегала и прыгала. Отец называл ее *тигренком* . Когда моя дочь Лора присматривала за ней, то приходила домой измотанная. Она говорила мне, что никогда не хочет иметь детей, если они будут такими же буйными как Мэймэй.

— Смышленая девчушка?

Я посылаю ей грустную улыбку.

— У вас есть дети, детектив?

— Двухлетняя дочь.

— И вы наверняка считаете, что она самый умный ребенок на свете.

Сейчас наступает черед Риццоли улыбаться.

— Я знаю, что так и есть.

— Потому что все дети кажутся умными, не так ли? Крошка Мэймэй была такая сообразительная, такая любознательная… — Мой голос срывается, и я с трудом сглатываю. — Когда они исчезли, это было точно снова потерять свою дочь.

— Куда они направились?

Я качаю головой.

— В Калифорнии, как мне кажется, у нее жила двоюродная сестра. Ли Хуа было чуть

больше двадцати, и она была такая красивая. Она могла снова выйти замуж. Могла сменить имя.

— Есть какие-нибудь предположения, где она сейчас?

Я молчу достаточно долго, чтобы в ее голове зародилось сомнение. Чтобы удивить ее, если мой ответ прозвучит правдоподобно. Шахматная игра между нами продолжается, пора делать ответный ход.

— Нет, — наконец отвечаю я. — Я даже не в курсе, жива ли она.

В дверь стучат, и Белла входит в кабинет. Она раскраснелась после занятий, и ее короткие черные волосы стоят торчком, влажные от пота. Она наклоняет голову в поклоне.

— *Сифу* , последний на сегодня класс ушел. Я нужна вам?

— Подожди минутку. Мы здесь уже закончили.

Двум детективам уже очевидно, что я больше ничего не могу им сообщить, и они поворачиваются, чтобы уйти. Когда они идут к двери, Риццоли останавливается и рассматривает Беллу. Это долгий испытующий взгляд, и я почти вижу, как жужжат мысли в ее голове. *Мэймэй было пять лет, когда та исчезла. Сколько лет этой девушке? Возможно ли это?* Но Риццоли ничего не говорит, только кивает на прощание и выходит из студии.

После того, как дверь закрывается, я говорю Белле:

— Мы попали в цейтнот.

— Они знают?

— Близки к истине. — Я медленно делаю глубокий вздох, и меня тревожит, что не получается сбросить новый груз, который сейчас давит на меня. Я веду две битвы одновременно, одна из которых с врагом, который затаился в моем собственном костном мозге. Я знаю, что один из этих врагов, несомненно, заберет мою жизнь.

Единственный вопрос, — который из них убьет меня первым?

Глава двадцать пятая

На данный момент у нас три пропавшие девушки.

Джейн запивала теплым кофе сэндвич с салатом и курицей, попутно просматривая растущую стопку папок. На ее столе лежали папки по Джейн Доу, бойне в «Красном Фениксе» и исчезновениям Лоры Фэнг и Шарлотты Дион. Она завела новую папку для еще одной без вести пропавшей девушки: Мэймэй, дочери повара, которая исчезла вместе со своей матерью девятнадцать лет назад. Мэймэй сейчас должно быть двадцать четыре года, возможно, она замужем и живет под другим именем. У них не было ни ее фото, ни отпечатков пальцев, ни какого-либо представления о том, как она выглядит. Ее может даже не быть в стране. Или же наоборот она может быть прямо у них под носом и преподавать боевые единоборства в студии Чайнатауна, размышляла Джейн, представляя непроницаемое лицо помощницы Ирис, Беллы Ли, чье прошлое они уже начали изучать.

Из трех девушек живой могла быть только Мэймэй. Две другие почти наверняка были мертвы. Джейн снова заострила внимание на Лоре Фэнг и Шарлотте Дион. Между ними поразительная связь, несмотря на пропасть, которая разделяла их жизни. Шарлотта была богатой и белой. Лора же дочерью китайских иммигрантов, едва сводящих концы с концами. Шарлотта росла в особняке Бруклина, Лора в тесной квартирке Китайского квартала. Две такие разные девушки, но обе потеряли своих родителей во время стрельбы в ресторане, и теперь их папки занимают одинаковое положение на столе Джейн в убойном отделе, явно не в том месте, где кому-либо захотелось бы оказаться в конечном итоге. Перелистывая их папки, она услышала эхо последних слов, сказанных Ингерсоллом: *Все это из-за того, что случилось с теми девочками.*

Имел ли он в виду этих девочек?

Имение Патрика Диона, когда она увидела его во второй раз, выглядело не менее впечатляюще.

Джейн проехала между двумя одинаковыми каменными столбами и въехала на частную дорогу, которая вывела ее мимо берез и сирени к круглой лужайке перед солидным особняком в колониальном стиле. Когда она проезжала под крытыми въездными воротами, Патрик Дион уже вышел из дома, чтобы поприветствовать ее.

— Благодарю вас за то, что снова согласились со мной встретиться, — сказала она, пожимая ему руку.

— Есть новости о Шарлотте? — спросил Патрик, и было больно видеть надежду в его глазах, слышать дрожь в его голосе.

— Сожалею, если недостаточно ясно выразилась о причине своего визита, — ответила она. — Боюсь, у меня нет новостей.

— Но по телефону вы сказали, что хотите поговорить о Шарлотте.

— Это в связи с нашим текущим расследованием. Убийством в Китайском квартале.

— Оно как-то связано с моей дочерью?

— Не уверена, мистер Дион. Но произошли события, которые заставили меня считать, что исчезновение Шарлотты связано с другой пропавшей девочкой.

— Это еще несколько лет назад изучил детектив Бакхольц.

— Мне бы хотелось сделать это еще раз. Пусть это и случилось девятнадцать лет назад, я не допущу, чтобы о вашей дочери забыли. Шарлотта заслуживает лучшего.

Она видела, как он заморгал сквозь слезы, и знала, что для него потеря все еще свежа, а боль по-прежнему жива. Родители никогда не забывают.

Устало кивнув, он произнес:

— Входите. Я принес ее вещи с чердака, как вы и просили. Пожалуйста, изучайте их столько, сколько потребуется.

Она проследовала за ним в фойе и в очередной раз поразилась блестящим паркетным полам и портретам маслом, которым на вид было, по меньшей мере, пара столетий. Она не могла не сравнить этот дом с резиденцией Кевина Донохью, с заурядной мебелью второго и картинами из торгового центра. Старые деньги против новых. Патрик привел ее в обеденный зал для торжественных приемов, где венецианские окна выходили на пруд с лилиями. На палисандровом обеденном столе, достаточно большом, чтобы вместить с десяток гостей, лежала коллекция картонных коробок.

— Здесь то, что я сохранил, — печально промолвил он. — Большую часть ее одежды я отдал на благотворительность. Шарлотта бы одобрила, как мне кажется. Ее заботили подобные вещи, вроде того, как накормить бедных и дать жилье неимущим. — Он оглядел комнату и издал иронический смех. — Вы, вероятно, считаете, что это звучит лицемерно, не так ли? Говорю о подобных вещах, в то время как сам живу в таком доме, в этом имении. Но у моей дочери *действительно* доброе и щедрое сердце. — Он заглянул в одну из коробок и вынул пару потертых синих джинсов. Взглянул на них так, словно по-прежнему видел, как они сидели на стройных бедрах его девочки. — Забавно, но я никак не могу их выбросить. Синие джинсы никогда не выходят из моды. Если Шарлотта когда-нибудь вернется, уверен, она захочет их надеть. — Аккуратно он положил их назад в коробку и испустил протяжный вздох.

— Мне жаль, мистер Дион. О том, что напомнила вам обо всей этой боли. Для вас будет легче, если я просмотрю эти коробки одна?

— Нет, мне необходимо будет пояснять. Вы не поймете, что означают некоторые из них. — Он полез в другую коробку и извлек фотоальбом. На мгновение сжал его, словно тот пытался убежать. Когда Патрик протянул его Джейн обеими руками, словно преподнося какую-то драгоценность, она приняла его с таким же почтением. — Вероятно, вам захочется его увидеть.

Она откинула обложку. На первой странице красовалось фото молодой блондинки с краснолицым новорожденным в руках, закутанным в белое одеяльце точно крошечная мумия. НАША ШАРЛОТТА, ВОСЕМЬ ЧАСОВ ПОСЛЕ РОЖДЕНИЯ гласила подпись женской рукой под снимком, выведенная вычурными завитушками и буковками. Так вот как

выглядела Дина, когда еще была свежеиспеченной новобрачной Патрика.

— Шарлотта была вашим единственным ребенком? — спросила Джейн.

— Дина настояла на одном ребенке. Тогда я был рад этому. Но теперь…

Теперь он жалеет об этом, подумала она. Сожалеет о том, что вся его любовь и чаяния в одночасье исчезли вместе с ребенком. Она переворачивала страницы и изучала другие фотографии Шарлотты, где та еще была голубоглазым светловолосым младенцем. Иногда появлялась Дина, но Патрика не было ни на одном снимке, разве что в виде тени на краешке фото, когда он держал камеру. Джейн раскрыла последнюю страницу, тот год, когда Шарлотте исполнилось четыре.

Патрик передал ей следующий альбом.

Казалось, время в нем бежало быстрее, девочка росла, меняясь каждые несколько страниц. После всплеска внимания к ребенку в первые годы жизни, когда уходит новизна отцовства и материнства, фотосъемка уходит на второй план и камера достается только по особым случаям. Пятый день рождения. Первый концерт в балетной студии. Поездка в Нью-Йорк. Неожиданно пухлый малыш превращается в угрюмого подростка, позирующего в своей школьной униформе на фоне входа в академию Болтон.

— На этой фотографии ей двенадцать, — говорит Патрик. — Я помню, как она ненавидела эту униформу. Говорила, что в шотландке девочки выглядят толстыми, и именно поэтому школа заставляет их носить клетку. Если девочки будут такими уродливыми, они не попадут в неприятности с какими-нибудь мальчиками.

— Она не хотела учиться в Болтон?

— О, конечно же, хотела. Но признаю, что меня совсем не радовало ее отсутствие. Мне тяжело далось решение отправить свою девочку в закрытый пансион. Дина настояла, потому что сама закончила эту школу и называла ее местом, где девушка может *познакомиться с нужными людьми.* Именно так Дина и выразилась, — он прервался. — Господи, вероятно, это звучит столь поверхностно, но Дина была полностью поглощена подобными вещами. Поисками правильных друзей для Шарлотты и ее женитьбой на правильном человеке. — Он помолчал и с иронией добавил: — В результате, мужа в Болтон встретила сама Дина.

— Должно быть, вам пришлось нелегко, когда Дина ушла.

Патрик пожал плечами.

— Я принял это. А что еще оставалось? И как ни странно, мне понравился Артур Мэллори. На самом деле, понравилась вся семья Мэллори — Барбара и их сын Марк. Все они были достойными людьми. Но гормоны имеют непреодолимую силу. Я думаю, что потерял жену, когда она и Артур впервые увидели друг друга. Все, что мне оставалось — только стоять и смотреть, как распадается мой брак.

Джейн открыла последнюю страницу и изучила финальную фотографию альбома. Это было свадебное фото, в центре стояли новоиспеченные невеста и жених, Дина и Артур Мэллори, оба празднично одеты. По бокам от них расположились дети, Марк возле отца, Шарлотта возле матери. Жених и невеста сияли, но Шарлотта казалась ошеломленной, словно не понимала, как она оказалась тут среди всех этих людей.

— Сколько лет Шарлотте на этом снимке? — спросила Джейн.

— Должно быть, тринадцать.

— Она выглядит немного растерянно.

— Это произошло так быстро, думаю, мы все были ошарашены. Мы познакомились с Мэллори всего годом ранее, когда Шарлотта и Марк выступали в рождественском концерте Болтона. Год спустя мы снова собрались на этом концерте, но к тому времени Дина бросила меня ради Артура. И я был всего лишь очередным отцом-одиночкой, самостоятельно воспитывающим свою дочь.

— После развода Шарлотта осталась с вами?

— Дина и я обсудили это, и оба согласились, что для Шарлотты будет лучше остаться в доме, где она выросла. Каждые несколько месяцев Шарлотта проводила выходные у Дины и Артура, но они так много путешествовали, что редко бывали дома.

— И не было никакой судебной тяжбы за опеку над вашей дочерью?

— То, что два человека развелись, еще не означает, что они не заботятся друг о друге. Мы заботились. И сейчас мы все часть одной большой семьи. Бывшая жена Артура, Барбара, тяжело пережила развод, боюсь, она держала обиду до самого конца. Но я не вижу смысла в негодованиях. Это и называется быть цивилизованным.

Именно об этом и писал Ингерсолл в своем отчете, что Патрик и его бывшая супруга сохранили теплые отношения даже после развода. Теперь, услышав это из уст самого Патрика, она могла в это поверить.

— Они даже провели свое последнее Рождество здесь, вместе со мной, — произнес он. — Артур, Дина и Марк. Мы вместе ужинали в этой комнате. Открывали подарки. — Он оглядел стол, словно видел их призраков, по-прежнему сидящих там. — Помнится, Шарлотта сидела на том конце стола, расспрашивая Марка о Гарварде и о том, нравится ли ему там. Дина подарила ей жемчужное ожерелье. На десерт у нас был тыквенный пирог. А после этого я отвел Марка на нижний этаж в мою деревообрабатывающую мастерскую, потому что он любил работать руками. Дитя Гарварда, который предпочитал делать красивую мебель.

Патрик моргнул и посмотрел на Джейн, словно внезапно вспомнил, что она была здесь.

— Теперь они ушли. И остались только Марк и я.

— Вы двое, похоже, близки.

— О, он прекрасный молодой человек, — Патрик помолчал и внезапно улыбнулся. — Марку уже тридцать девять, но для меня все, кому около сорока, по-прежнему кажутся молодыми людьми. — Джейн вытянула из коробки еще одну книгу, на этот раз не семейный альбом, а ежегодник академии Болтон, с вытесненной золотом школьной эмблеме на бордовой коже.

— В том году она училась в десятом классе, — пояснил Патрик, взглянув на обложку. — Это за год до того, как она… — Он умолк, лицо помрачнело. — Я подумывал подать на школу в суд за халатность. Они забрали мою дочь на экскурсию без надлежащего надзора. Они привезли их в общественное место. Фанейл Холл! Они должны были понимать, что некоторые дети могут заблудиться или к ним может подойти подозрительный незнакомец. Но учителя, они не обратили на это внимания, и внезапно моя девочка исчезла. Я был далеко за океаном, где ни черта не мог сделать, чтобы спасти ее.

— Я так понимаю, что вы были в Лондоне.

Он кивнул.

— Встречался с кое-какими потенциальными инвесторами, увеличивая мое треклятое состояние. Я бы отдал все, если бы только смог… — Внезапно он остановился. — Думаю, мне немедленно надо выпить чего покрепче. Могу я и вам предложить?

— Благодарю, но нет. Я за рулем.

— Уф. Ответственная женщина-полицейский. Если позволите, — произнес он и вышел.

Джейн открыла ежегодник Болтона на разделе о десятиклассниках и узнала Шарлотту на фото в нижнем ряду. Ее светлые волосы свободно падали на плечи, а губы слегка изгибались в задумчивой улыбке. Она была красивой девушкой, но трагедия, похоже, уже наложила отпечаток на ее черты, словно она знала, что в будущем ее ожидает одно лишь горе. Под снимком был напечатан список ее интересов и занятий. ДРАМАТИЧЕСКИЙ КРУЖОК. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО. ОРКЕСТР. ТЕННИС.

Оркестр. Она помнила, что Шарлотта играла на альте. Она также помнила, что Лора Фэнг играла на скрипке. Возможно, девочки и росли в разных вселенных, но их связывала музыка.

Джейн листала книгу, пока не нашла раздел занятий, где она снова узнала Шарлотту среди пары десятков других юных музыкантов. Девочка сидела во втором ряду учеников, играющих на струнных, ее инструмент лежал на коленях. Подпись гласила: КЭНДИС ФОРСАЙТ, МУЗЫКАЛЬНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ОРКЕСТРА АКАДЕМИИ БОЛТОН.

Она услышала, как Патрик вернулся в столовую с напитком, в котором позвякивали

кубики льда.

— Ваша дочь знала девочку по имени Лора Фэнг?

— Детектив Бакхольц задавал мне такой же вопрос после исчезновения Шарлотты. Я ответил ему, что никогда прежде не слышал этого имени. И только потом я узнал, что Лора Фэнг — это девочка, пропавшая двумя годами раньше Шарлотты. Вот тогда я и понял, почему он спрашивал меня о ней.

— Вам не приходит на ум какая-нибудь связь между девочками? Шарлотта никогда не упоминала имя Лоры?

Он посмотрел на фото болтонского оркестра.

— Ваш ребенок приходит домой из школы и рассказывает об этой девочке и о том мальчике. Разве может чей-то родитель запомнить все эти имена?

Он был прав, от родителей этого ожидать невозможно.

Джейн пролистала книгу до раздела выпускников и просмотрела фотографии чистеньких мальчиков, одетых в униформу Болтона — синие блейзеры и красные галстуки. Здесь был Марк Мэллори, его лицо было худее, волосы длиннее и кудрявее. Он уже был молодым красавцем, отправляющимся в Гарвард. Под снимком перечислялись его интересы: ЛАКРОСС, ОРКЕСТР, ШАХМАТЫ, ФЕХТОВАНИЕ, ДРАМКРУЖОК.

Опять оркестр. В конце концов, благодаря этому и встретились Дионы и Мэллори, когда пришли посмотреть своих музыкальных детей на рождественском концерте.

— Я не совсем понимаю, чем это вам поможет, — сказал Патрик. — Детектив Бакхольц уже задавал мне все эти вопросы девятнадцать лет назад.

Она посмотрела на него.

— Может быть, изменились ответы.

Джейн оставила Бруклин позади и направилась к западу по шоссе Массачусетс Тернпайк, полуденное солнце светило ей в глаза. Она быстро проехала Вустер,[50] но севернее него движение замедлилось, на дорогах, ведущих к магистрали, были длинные пробки из-за дорожных работ. Когда она подъехала к Академии Болтон, было уже почти пять вечера. Джейн проехала через ворота по изогнутой дорожке, обрамленной тенью древних дубов. На каменных ступенях перед главным входом сидели и болтали три девушки. Они даже не удосужились взглянуть на то, как Джейн паркуется и выходит из машины. Им оказалось около пятнадцати-шестнадцати, все три стройные и хорошенькие, идеально подготовлены матерью-природой для выполнения своей биологической задачи на земле и привлечения юношей.

— Прошу прощения. Я ищу миссис Форсайт, музыкального руководителя.

Три богини ответили безразличными взглядами. Даже в своих клетчатых клетчатых юбках и белых хлопковых блузках они заставили Джейн почувствовать себя безнадежно старомодной.

— Она в Беннетт Холле, — наконец, снизошла одна из девушек.

— Где это?

Девочка вытянула изящную руку, указывая на величественное здание через лужайку.

— Там.

— Спасибо.

Пока Джейн пересекала лужайку, то ощущала, как они провожают ее глазами, чужеродную особь из мира обычных заурядных людишек. Так вот на что была похожа эта частная школа, вовсе не славное местечко вроде Хогвартса.[51] Скорее на чертову женскую

---

50 Вустер (Worcester) — город в США с населением 182 тысячи человек, является вторым по населению после Бостона городом штата Массачусетс. Находится в 50 километрах к западу от Бостона.

51 Хогвартс (Hogwarts) — дословно переводится как «бородавки кабана», учебное заведение для волшебников из вселенной «Гарри Поттера», Школа Чародейства и Волшебства.

общину. Она подошла к ступеням Беннетт Холла и принялась разглядывать белые колонны и искусно вырезанные фронтоны. Это словно восхождение на гору Олимп,[52] думала она, пока поднималась по лестнице, ведущей в главный зал.

Звук визжащего альта раздался из коридора слева от нее. Она проследовала за ним в классную комнату, где сидела девочка-подросток и с яростной сосредоточенностью водила смычком, в то время как седовласая женщина недовольно хмурилась, слушая ее.

— Ради всего святого, Аманда, твое вибрато[53] звучит как высоковольтный провод! Я нервничаю, только услышав его. И ты практически душишь шейку.[54] Расслабь запястье. — Женщина одернула левую руку девочки и та задрожала. — Давай же, расслабься!

Ученица вдруг заметила Джейн и застыла. Женщина обернулась и спросила:

— Да?

— Миссис Форсайт? Я вам звонила. Я детектив Риццоли.

— Мы уже заканчиваем. — Учительница повернулась к своей подопечной и вздохнула. — Ты сегодня слишком напряжена, поэтому нет смысла продолжать урок. Возвращайся к себе и тренируй запястья, чтобы они не тряслись. Обе руки. Прежде всего у скрипача должны быть гибкие запястья.

Безропотно девочка сложила свой инструмент. Она уже почти вышла из комнаты, когда резко остановилась и спросила Джейн:

— Вы сказали, что детектив. Значит, вы из полиции?

Джейн кивнула.

— Управление полиции Бостона.

— Это так круто! Когда-нибудь я хочу стать агентом ФБР.

— Тогда тебе стоит так и поступить. В Бюро нужно больше женщин.

— Ага, скажите это моим родителям. Они говорят, что полицейская работа — это для других людей, — пробормотала она и поплелась к выходу.

— Боюсь, что этой девочке никогда не стать хорошим музыкантом, — сказала миссис Форсайт.

— Из того, что я слышала, — парировала Джейн, — игра на скрипке не входит в требования ФБР.

Этим саркастическим замечанием Джейн не выиграла себе ни одного очка у этой женщины. Миссис Форсайт холодно посмотрела на нее.

— Вы сказали, у вас есть вопросы, детектив?

— Об одной из ваших школьниц, которая училась здесь девятнадцать лет назад. Она занималась в школьном оркестре. Играла на альте.

— Вы здесь из-за Шарлотты Дион, верно? — Увидев кивок Джейн, женщина вздохнула. — Конечно, это может быть *только* из-за Шарлотты. Одна из учениц, о которой никто не позволит нам забыть. Даже спустя все эти годы, мистер Дион до сих пор винит нас, не так ли? В потере своей дочери.

— Такое было бы трудно принять любому родителю. Вы должны понимать это.

— Полиция Бостона тщательно расследовала ее исчезновение, и они никогда не обвиняли нашу школу в небрежности. На той экскурсии у нас было более чем достаточно

---

[52] Олимп — наиболее высокий горный массив в Греции (2917 м), в древнегреческой мифологии — священная гора, место пребывания богов во главе с Зевсом.

[53] Вибрато — периодические изменения высоты, громкости или тембра музыкального звука. В струнных инструментах вызывается колебаниями пальца, в духовых инструментах и у вокалистов — пульсацией воздушного давления.

[54] Шейка — полукруглая деталь струнного инструмента, которую охватывает рукой исполнитель во время игры. К шейке сверху крепится гриф и верхний порожек.

сопровождающих, по одному на каждые шесть человек. И они были не малышами на прогулке, а подростками. Мы не должны с ними нянчиться, — она добавила, вздохнув, — но с Шарлоттой, может, и надо было.

— Почему?

Миссис Форсайт помедлила.

— Извините, я не должна была об этом говорить.

— Шарлотта была трудным подростком?

— Я не люблю говорить плохо о покойных.

— Думаю, что покойной хотелось бы добиться правосудия.

Спустя какое-то время женщина кивнула.

— Я выскажусь о ней кратко: она не была одной из звезд нашей академии. О, она была достаточно яркой. Это показали оценки ее вступительных экзаменов. И в первый год обучения здесь она была великолепна. Но после того как ее родители развелись, все ее успехи пошли под откос, и она пропускала большую часть своих занятий. Разумеется, мы жалели ее, но половина наших учеников приезжают сюда из разведенных семей. Они приспосабливаются и идут дальше. Шарлотте это не удалось. Она так и оставалась угрюмой девочкой. Словно этой своей позицией «горе мне, горе», она и *привлекла* невезенье.

Для женщины, которая не любит говорить о мертвых плохо, миссис Форсайт, несомненно, без труда дала себе волю.

— Ее вряд ли можно обвинить в том, что она тяжело переживала потерю матери, — заметила Джейн.

— Нет, конечно, нет. Это было ужасно, та стрельба в Чайнатауне. Но вы когда-нибудь замечали, как несчастья выбирают себе мишенью некоторых людей? Они теряют супруга, работу и заболевают раком, и все в один и тот же год. Вот так и Шарлотта, всегда мрачная, всегда притягивающая несчастья. Может, поэтому у нее и было не особо много друзей.

Это, конечно, было совсем не тем впечатлением о Шарлотте, которое Джейн составила себе после разговора с Патриком. Ее удивил рассказ об этой стороне девочки.

— В школьном ежегоднике у нее немаленький список занятий, — сказала Джейн, — музыка, к примеру.

Миссис Форсайт кивнула.

— Она была достойной альтисткой, но, казалось, никогда не вкладывала в это душу. Только в одиннадцатом классе ей, наконец, удалось пройти прослушивание в летнюю оркестровую группу в Бостоне. Но помогло то, что она играла на альте. Они всегда востребованы.

— Сколько учеников занимается в этой группе?

— Несколько человек ежегодно. Это самая лучшая студия в Новой Англии, преподают члены симфонического оркестра Бостона. Очень избирательные, — миссис Форсайт прервалась. — Знаю, какой вопрос последует дальше. О той китайской девочке, которая пропала, верно?

Джейн кивнула.

— Вы читаете мои мысли. Ее звали Лора Фэнг.

— Я так понимаю, она была талантливой девочкой. Именно это я слышала, когда она пропала. Несколько моих учеников занимались с ней в летней студии.

— Но не Шарлотта?

— Нет. Шарлотта прошла прослушивание через год после исчезновения Лоры, так что они не могли встретиться. Уверена, это был второй вопрос, который вы хотели задать.

— Вы помните все эти детали даже спустя девятнадцать лет?

— Потому что я всего лишь повторяю свои ответы тому детективу.

— Какому детективу?

— Не могу вспомнить его имя. Это было несколько недель назад. Нужно смотреть в ежедневнике.

— Я была бы очень признательна, если бы вы взглянули на его имя, мэм.

В глазах женщины промелькнуло раздражение, словно это доставило ей больше забот, чем хотелось бы. Но она подошла к столу и порылась в ящичке, достав оттуда ежедневник. Пролистав страницы, она кивнула.

— Вот. Он звонил мне второго апреля, если верить записи в ежедневнике. Думаю, он староват для детектива, но, полагаю, что опыт восполняет это.

Староват. И расспрашивал о пропавших девочках.

— Его звали детектив Ингерсолл? — спросила Джейн.

Миссис Форсайт подняла глаза.

— Так вы его знаете.

— Разве вы не слушаете новости? Детектив Ингерсолл мертв. Его застрелили на прошлой неделе.

Ежедневник выпал из рук миссис Форсайт и шлепнулся на стол.

— Боже мой. Нет, не знала.

— Зачем он был здесь, миссис Форсайт? Почему спрашивал о Шарлотте?

— Я предполагала, что это было по настоянию ее отца, который все еще надеется найти ответы. Я говорила об этом Марку Мэллори несколько недель назад на ужине выпускников, но он ничего об этом не знал.

— А вы спрашивали у мистера Диона?

Она покраснела.

— Академия Болтон запретила любые контакты с мистером Дионом. Дабы не ворошить… плохие воспоминания.

— Расскажите мне, о чем вы говорили с детективом Ингерсоллом.

Женщина опустилась на стул. Внезапно она показалась меньше и не такой грозной, защищенная вселенной своих книг и оркестровых нот.

— Прошу прощения, дайте мне минутку, чтобы обдумать это… — Она сглотнула. — На самом деле он не особо много спрашивал о Шарлотте. Гораздо больше его интересовала другая девочка.

— Лора Фэнг.

— И другие.

— Другие?

— У него был список. Длинный список, около двадцати имен. Он спросил, узнаю ли я какие-то из них. Я сказала, что нет.

— Вы помните какие-нибудь имена из этого списка?

— Нет. Как я и сказала, и никого из них не знаю. Он сказал, что все эти девочки пропали так же, как и Лора.

Миссис Форсайт выпрямилась и посмотрела на Джейн.

— Девочки, которых так и не нашли.

Глава двадцать шестая

— Это список звонков сотового и домашнего телефонов детектива Ингерсолла за последние тридцать дней, — сказал Тэм, разложив на столе страницы так, чтобы их могли видеть Джейн и Фрост. — Здесь каждый звонок, который он сделал и принял за последний месяц. На первый взгляд, для нас тут нет ничего интересного. Большей частью бытовая ерунда. Звонки дочери, стоматологу, кабельной компании и компании, которая обслуживает его кредитную карту. Звонок на базу отдыха для рыбаков, где он останавливался в Мэне. И несколько звонков в пиццерию, расположенную ниже по его улице.

— Господи. Он и вправду ел много пиццы, — заметил Фрост.

— Вы также увидите, что он звонил родственникам жертв «Красного Феникса». Эти особые звонки были сделаны тридцатого марта и первого апреля. Почти в годовщину бойни.

— Я говорил с миссис Гилмор и Марком Мэллори, — сказал Фрост. — Они подтвердили, что Ингерсолл звонил им, чтобы узнать, получили ли они привычные

анонимные письма так же, как и он. Те, что приходили им каждый год.

— Но в этом списке есть несколько звонков, смысла которых я не могу понять, — продолжал Тэм. — Те, которые выглядят абсолютно случайными. — Он постучал пальцем по одному из телефонных номеров. — Например, это. Шестое апреля, Лоуэлл.[55] «Собачьи грумеры[56] для моего лучшего друга». — Тэм оглядел своих коллег. — Насколько нам известно, у Ингерсолла никогда не было собаки.

— Возможно, он встречался с грумершей, — предположила Джейн.

— Я позвонил туда, — ответил Тэм. — Они никогда о нем не слышали, и его не было в списке их собачьих клиентов. Я подумал, что он, возможно, ошибся номером. — Тэм показал на другую запись. — Затем вот этот звонок, восьмого апреля в Вустер. Это номер магазина женского белья «Девушка-загадка».

Джейн поморщилась.

— Не уверена, что хочу знать подробности.

— Когда я позвонил в магазин, — сказал Тэм, — никто не узнал имени Ингерсолла. Поэтому я предположил, что это всего-навсего еще один неправильно набранный номер.

— Разумное предположение.

— Но неверное. Он *хотел* позвонить именно по этому номеру.

— Умоляю, скажи, что он покупал сексуальное нижнее белье для подружки, а не для себя, — произнесла Джейн.

— Сексуальное нижнее белье ни при чем. Его телефонный звонок предназначался не «Девушке-загадке», а человеку, которому прежде принадлежал этот номер.

Джейн нахмурилась.

— И как ты это понял?

— После твоего визита в академию Болтон, я изучил базу данных пропавших девушек, как ты и просила. Составил список всех девочек, исчезнувших в Массачусетсе за последние двадцать пять лет.

— Ты захватил такой большой промежуток времени? — спросил Фрост.

— Шарлотта исчезла девятнадцать лет назад. Лора Фэнг двадцать один год назад. Я условно выбрал двадцать пять лет, в качестве отправной точки для моих поисков, и рад, что сделал это. — Тэм вытащил из объемной папки страницу и положил ее на стол перед Джейн. Внизу красовался телефонный номер, обведенный красными чернилами. — Именно этот номер набирал Ингерсолл, тот, который сейчас принадлежит магазину белья «Девушка-загадка». Телефонные номера постоянно меняют владельцев, все больше и больше людей отказываются от стационарных телефонов. Думаю, что знаю, кому на самом деле пытался дозвониться детектив Ингерсолл. Грегори Боулз. Но Боулз уехал из штата еще двенадцать лет назад.

— Кто такой Грегори Боулз? — спросил Фрост.

Просматривая страницу с телефонными номерами, Джейн внезапно ощутила дрожь осознания.

— Это контактные номера из базы данных пропавших детей. — Она подняла глаза.

Тэм кивнул.

— Грегори Боулз — отец пропавшей девочки. Я планировал изучить все подобные нераскрытые дела в штате. Каждую женщину младше восемнадцати, исчезнувшую за последние двадцать пять лет.

Тэм показал на толстую папку, которую он принес с собой.

---

[55] Лоуэлл (Lowell) — город в округе Мидлсекс, штат Массачусетс, США. По переписи 2000 года население составляет 105 167 человек. Четвертый по величине город штата. Вместе с Кембриджем образуют административный центр округа Мидлсекс.

[56] Грумер — специалист, оказывающий услуги по уходу за кожей и шерстью животных.

— Но я понял, что это непосильная задача — внимательно просмотреть каждую из них, пытаясь найти связь с Шарлоттой или Лорой. И, честно говоря, я упал духом, увидев такую кипу бумаг, потому что посчитал это пустой тратой времени.

— Но, в конце концов, ты что-то обнаружил, — сказала Джейн.

— Да, так и есть. Мне пришла в голову идея сделать перекрестные ссылки для всех телефонных номеров из списка звонков Ингерсолла. По каждому номеру, который он набирал на стационарном или мобильном. Судя по номерам в его списке вызовов, он начал разыскивать семьи в начале апреля. Затем все звонки внезапно прекратились. Ни с сотового, ни с домашнего ни одного вызова.

— Потому что решил, что за ним следят, — сказала Джейн. Подозрение оказалось верным, криминалисты действительно обнаружили жучок в домашнем телефоне Ингерсолла.

— Основываясь на вызовах, которые он сделал, прежде чем прекратил пользоваться этими телефонами, Ингерсолл был сосредоточен на пропавших девочках. — Тэм указал в центр страницы.

Джейн увидела только три имени.

— Что мы знаем об этих девочках?

— Они были разного возраста. Тринадцать, пятнадцать и шестнадцать лет. Все исчезли в радиусе ста пятидесяти миль от Бостона. Две из них были белыми, третья азиаткой.

— Как и Лора Фэнг, — добавил Фрост.

— Так же, как и Лора, — продолжал Тэм, — они были теми, кого называют хорошими девочками. Отличницы и хорошистки. Никаких правонарушений, никаких причин полагать, что они сбежали из дома. Возможно, поэтому Ингерсолл собрал их вместе в своем списке. Он искал общий знаменатель.

— Сколько лет этим делам? — спросил Фрост.

— Эти девочки пропали более двадцати лет назад.

— Итак, он всего лишь изучил старые дела? Почему нет более новых?

— Не знаю. Возможно, он только начал. Если бы его не убили, может быть, он нашел бы больше имен. Если уж на то пошло, меня озадачивает вопрос, почему он занимался этим. Ингерсолл не работал над этими исчезновениями, когда служил в полиции, так почему сейчас его это заинтересовало? Ему было настолько скучно на пенсии?

— Возможно, кто-то нанял его этого расследования. Может быть, одна из семей.

— Это была моя первая мысль, — сказал Тэм. — Мне удалось разыскать все три семьи, но никто из них не нанимал Ингерсолла. И мы знаем, что Патрик Дион тоже этого не делал.

— Поэтому, вероятно, он делал это для себя, — предположил Фрост. — Некоторые копы просто не могут смириться с выходом на пенсию.

— Ни одна из трех этих девочек не числится в делах управления полиции Бостона, — сказала Джейн. — Все они из разных юрисдикций.

— Но Шарлотта Дион пропала в Бостоне. Так же как и Лора Фэнг. Они могли стать отправными точками для Ингерсолла, причиной его заинтересованности.

Джейн разглядывала имена трех новых девочек.

— А теперь он мертв, — тихо промолвила она. — Куда, черт побери, он влез?

— На территорию Кевина Донохью, — ответил Тэм.

Джейн и Фрост воззрились на него. Хотя Тэм и работал с ними чуть меньше двух недель, он уже начинал проявлять намек на дерзость. В своем костюме с галстуком, с аккуратно подстриженными волосами и ледяным взглядом, Тэм мог бы сойти за агента секретной службы или персонажа комиксов «Люди в черном». Он явно не тот, кого можно легко прочесть насквозь и, уж конечно, не парень, которого Джейн могла бы представить с пивной кружкой в руках.

— Ходят слухи, — сказал Тэм, — что этот Донохью зарабатывает на девушках уже много лет. Проституция всего лишь один из его доходов.

Джейн кивнула.

— Ага. Название *«Мясные продукты Донохью оптом»* приобретает совсем другое

значение.

— Что если это он забрал тех девочек?

— Похищения отличниц? — Джейн покачала головой. — Так или иначе, это кажется слишком рискованным методом добывания несовершеннолетних проституток. Существуют более простые способы.

— Но это связало бы все вместе. Джоуи Гилмора, пропавших девочек и «Красный феникс». Возможно, Ингерсолл обнаружил нить, ведущую к Донохью, и это его испугало. Вот почему он перестал пользоваться телефонами. Потому что знал, если Донохью об этом пронюхает, Ингерсолл станет покойником.

— Ингерсолл и есть покойник, — сказала Джейн. — Чего мы не знаем, так это почему он начал задавать вопросы. После стольких лет в отставке, почему он так внезапно заинтересовался пропавшими девочками?

Тэм произнес:

— Может быть, на самом деле нам нужно узнать, на кого он работал?

Сейчас их было шестеро.

Джейн сидела за своим столом, анализируя то, что она знала о трех новых именах в списке. Первой исчезла Дебора Шиффер, тринадцати лет, из Лоуэлла, штат Массачусетс. Дочь врача и школьного учителя, рост пять футов два дюйма, вес сто фунтов,[57] каштановые волосы и карие глаза. Двадцать пять лет назад она пропала в промежутке между школой и домом ее преподавателя по фортепиано. Круглая отличница, ее описывали как застенчивую и любящую книги девочку, не интересующуюся мальчиками. Если бы это произошло в эпоху Интернета, они, вероятно, знали бы о ней больше, но в то время Фейсбук, Майспейс и онлайн-чаты еще не изобрели.

Через полтора года исчезла вторая девочка. Патрисия Боулз, пятнадцать лет, в последний раз ее видели в торговом центре, возле которого ее высадила мать. Три часа спустя Патрисия не появилась в назначенном месте встречи. Пять футов три дюйма, сто пять фунтов, светлые волосы и голубые глаза. Похожа на Дебору Шиффер, одна из лучших учениц, которая никогда не попадала в неприятности. Ее исчезновение, несомненно, внесло вклад в последующий развод родителей. Ее мать умерла семь лет спустя, а отец, до которого Джейн наконец смогла дозвониться, в настоящее время проживал во Флориде и явно не хотел говорить о своей давно потерянной дочери.

— Я снова женился, и теперь у меня трое детей. Мне слишком тяжело даже слышать имя Патти, — ответил он Джейн по телефону. Да, ему много лет звонила полиция по этому делу. Да, недавно он говорил с детективом Ингерсоллом. Но из этих звонков нет никакого толка.

После исчезновения Патти Боулз прошло больше года, когда пропала следующая девочка. Шерри Танака было шестнадцать, миниатюрная ученица одиннадцатого класса из Эттлборо.[58] Она исчезла из своего собственного дома средь бела дня, оставив входную дверь приоткрытой, а домашнее задание разложенным на обеденном столе. Ее мать, которая теперь жила в Коннектикуте, недавно получила письмо от детектива Ингерсолла с просьбой поговорить с ней о Шерри. Оно было датировано четвертым апреля и пришло к ней через целый ряд прежних адресов. Она пыталась дозвониться ему уже на следующий день, но никто не отвечал.

Потому что Ингерсолл уже был мертв.

Миссис Танака не знала ни одной девушки из списка и также никогда не слышала о Шарлотте Дион. Но имя Лоры Фэнг показалось ей знакомым, потому что та была азиаткой,

---

[57] Пять футов два дюйма — приблизительно около 1,57 м. Сто фунтов — около 45 килограммов.

[58] Эттлборо (Attleboro) — город в округе Бристоль, штат Массачусетс, с населением 43 593 человек.

как и Шерри, и эта деталь отложилась в голове миссис Танака. Это заставило ее задуматься о возможной связи между этими случаями. Много лет назад она спрашивала об этом полицию Эттлборо, но ответа так и не получила.

Сам по себе факт исчезновения трех девочек из Массачусетса за шесть лет не был удивительным. Ежегодно по всей стране пропадают тысячи детей от двенадцати до семнадцати лет, большинство которых похищены вовсе не родственниками. Десятки девочек из Массачусетса пропали в тот же период времени, девочки из той же возрастной группы, не попавшие в список Ингерсолла. Почему же он сосредоточился на этих конкретных жертвах? Не потому ли, что все их похитили из мест, расположенных в нескольких минутах езды от шоссе 495, которое опоясывает Бостон и пригороды?

А затем там пропала семнадцатилетняя Шарлотта Дион. В отличие от других девочек она была старше и безнадежная троечница. Как она вписывается в схему?

А может быть, нет никакой схемы. Может быть, Ингерсолл искал связь, которой не существует.

Джейн отложила записки о трех девочках и обратила внимание на папку Шарлотты, составленную детективом Бакхольцом. Она была намного толще папки Лоры Фэнг, и Джейн предполагала, что все дело в имени Дион. Богатство имеет значение в вопросах правосудия. Вероятно, особенно в вопросах правосудия. Исчезновение ребенка всегда будет преследовать любого родителя, заставлять его задумываться, не могла ли та молодая женщина на улице оказаться его давно пропавшей и повзрослевшей дочерью. Или она всего лишь очередная случайная незнакомка, как и все остальные, чья улыбка или изгиб губ на мгновение показались до боли знакомыми?

Джейн открыла конверт, достав из него, вероятно, последние снимки из жизни Шарлотты, которые они нашли в фотоархиве *«Бостон Глоуб»*. Здесь было с десяток фото, снятых на двойных похоронах Артура и Дины Мэллори. Ужасная причина их смертей и широкая огласка вокруг бойни в «Красном Фениксе» привлекли на кладбище около двухсот человек, если верить статье в *«Глоуб»*, и фотограф сделал несколько кадров толпы, облаченной в траур и стоящей у двух открытых могил.

Но больше всего привлекали внимание снимки семьи, снятые крупным планом. Шарлотта неподвижно стояла в центре драматической композиции, и неудивительно: со своими тонкими чертами и длинными светлыми волосами она была хрупким воплощением горя. Ее рука прикрывала рот, словно заглушая рыдания, а лицо исказилось от страданий. Справа стоял отец, Патрик, с беспокойством глядя на нее. Но она отворачивалась, словно не хотела, чтобы он видел ее переживания.

Ближе к краю снимка стоял Марк Мэллори, его темные волосы были длиннее и непослушнее, чем сейчас. В двадцать лет он уже был мужчиной с мускулистым телосложением и широкими плечами. Он возвышался над изможденной женщиной среднего возраста, сидящей в инвалидной коляске рядом с ним, положив руку ей на плечо. Джейн догадалась, что женщиной была мать Марка, Барбара, бывшая жена Артура. Барбара сидела и смотрела на гроб, не подозревая о том, что щелчок затвора фотоаппарата навсегда запечатлел выражение ее лица, на котором было не горе, а тревожный взгляд с холодной отрешенностью. Словно мужчина в том гробу ничего для нее не значил. Или, возможно, даже меньше чем ничего; в конце концов, Артур бросил ее ради Дины, и хотя Марк утверждал, что между родителями не было горьких чувств, этот снимок лица Барбары рассказывал совсем другую историю. На нем была брошенная жена, стоящая у могил бывшего мужа и женщины, укравшей его. Чувствовала ли она некую долю удовлетворения в тот момент? Проблеск триумфа, что она пережила их обоих?

Джейн взяла другую фотографию. Она была снята с той же точки, но лицо Шарлотты размазалось, когда она отворачивалась от своего отца, при движении ее фигурка наклонилась вперед. На следующем фото Патрик, нахмурившись, смотрел на нее, в то время как она продолжала отодвигаться, рука по-прежнему прижата ко рту, лицо искажено. На следующем снимке она почти отвернулась от камеры, в поле зрения оставалась лишь спина, юбка

размазалась черной кляксой. Еще один щелчок затвора, и Шарлотта исчезла из поля видимости, так же как и Марк. Патрик Дион и Барбара Мэллори оставались на прежних местах, их лица выражали недоумение тем фактом, что их дети ускользнули с поминальной службы.

Что же произошло между Марком и Шарлоттой? Он последовал за ней, чтобы предложить свою поддержку?

На следующем снимке Патрик наклонился и неловко обнимал Барбару, два брошенных супруга утешали друг друга. Это был мастерски сделанный снимок, где объятья зеркально отражались в блестящей поверхности гроба.

Последнее фото изображало расходящуюся толпу, которая развернулась спинами к могилам-близнецам. Вероятно, это была метафора того, что жизнь всегда продолжается. На этом финальном снимке Шарлотта снова была в пределах видимости, шагая рядом с отцом, рука Патрика обвивала ее талию. Но голова Шарлотты была повернута в сторону могилы матери, и на лице виднелась отчаянная тоска, словно ей хотелось броситься на крышку гроба своей матери. Той самой матери, что ушла из ее жизни пять лет назад.

Джейн отложила фотографии, переполненные печалью Шарлотты. Она подумала о своей матери, припомнив все, чем раздражала ее Анджела. Но Джейн никогда не сомневалась, что мать любит ее и отдаст за нее жизнь, так же как сама Джейн, не задумываясь, отдаст жизнь за Реджину. Когда Дина развелась с Патриком и ушла из семьи, Шарлотте было всего двенадцать лет, тот нежный возраст, когда заканчивается детство. Даже имея такого преданного отца, все равно существуют тайны, которые девочка может узнать только от своей матери, секреты женской природы. *Кто учил тебя, Шарлотта?*

В обеденный перерыв Джейн спустилась в кафетерий за кофе и сэндвичем с ветчиной. Она принесла их наверх, чтобы съесть за своим столом, заполнив желудок не ради удовольствия, а из чистой необходимости. Джейн вытерла с пальцев майонез и развернулась к компьютеру, чтобы просмотреть цифровые фото места преступления из жилища Ингерсолла. Когда она прокручивала изображения его дома и вспомнила запах кустов вдоль дорожки и свечение телеэкрана через окно, то почувствовала, как гулко забилось ее сердце. *Этой ночью я должна была умереть.* Она глубоко вдохнула, заставляя себя сосредоточиться на фотографиях и критически рассматривать место преступления с беспристрастной точки зрения. Она изучила кухню, где лежал Ингерсолл с кровью, разлившейся вокруг головы. Открыла фото его домашнего офиса с перевернутыми ящиками рабочего стола, с пустой столешницей на месте, где должен стоять компьютер. Во время их телефонного разговора Ингерсолл сказал Джейн, что кто-то проник в его дом. Этот разгром он и обнаружил, когда вернулся с рыбалки: доказательство взлома. Наконец, она открыла фотографию спальни, где закрытый чемодан Ингерсолла все еще стоял на полу. У него никогда не будет возможности его распаковать.

Она перешла к снимку его «Форда Тауруса», припаркованного на улице перед домом. Автомобиль по-прежнему был захламлен остатками долгой поездки: пустые стаканы от кофе, смятые бумажные пакеты из «Бургер Кинга»[59] и газета *«Бангор Дейли»* .[60] Той ночью Джейн была перепачкана кровью и потрясена произошедшим в переулке, поэтому не произвела самостоятельный обыск автомобиля, оставив эту задачу Фросту и Тэму. Фрост обнаружил в бардачке квитанцию с автозаправки недельной давности из Гринвилла, штат

---

[59] «Бургер Кинг» (Burger King) — американская компания, владелец сети ресторанов быстрого питания, основана в 1954 году. Штаб-квартира — в Майами, штат Флорида. Более чем в 75 странах мира работают свыше 12 тыс. ресторанов «Бургер Кинг», которые обслуживают около 12 млн. посетителей ежедневно. В России имеется 29 ресторанов сети — 22 в Москве, 6 в Санкт-Петербурге и 1 в Екатеринбурге. Также в России есть 2 франшизы «Бургер Кинг» — сеть кофеен «Шоколадница» и ресторанная компания «Гинза Проджект».

[60] «Бангор Дейли» (The Bangor Daily News) — городская газета города Бангор (население 35000 человек), штат Мэн. Издание существует с 19 века.

Мэн. Это подтверждало заявление дочери о том, что Ингерсолл уехал рыбачить на север страны.

Она снова просмотрела все фотографии, изображение за изображением. Гостиная, столовая, кухня, спальня. Когда она не нашла того, что искала, то подняла трубку и позвонила Фросту.

— Вы находили рыболовные снасти где-нибудь в доме? — спросила она.

— Хм, нет. Я ничего такого не припоминаю.

— Кто ловит рыбу без снастей?

— Может быть, он брал их в аренду на турбазе, где останавливался?

— Ты говорил с тамошним менеджером?

— Угу. Но я не спрашивал его о рыболовных снастях.

— Я позвоню ему.

— Зачем?

— Просто мне это кажется странным, вот и все. — Она повесила трубку и достала страницу с журналом вызовов Ингерсолла. Просмотрев его, она заметила телефонный код 207.[61] Ингерсолл звонил туда со своего домашнего телефона 14 апреля.

Джейн набрала номер. Раздалось пять гудков, и мужской голос по-деловому ответил:

— «Лун Пойнт».

— Это детектив Риццоли, полиция Бостона. Могу я узнать, с кем говорю?

— С Джо. У вас, ребята, появились еще вопросы? Кто-то вчера звонил из полиции Бостона. Разговаривал с моим сыном Уиллом.

— Должно быть, это был детектив Фрост. Где именно расположен «Лун Пойнт»?

— Мы находимся на озере Мусхед.[62] Здесь с десяток симпатичных небольших коттеджей.

— У вас недавно останавливался человек по фамилии Ингерсолл.

— Ага, Уилл говорил, что вы, ребята, спрашивали о нем. Моя жена размещала его в домике, но сегодня ее нет. Все, что я могу сказать, он пять дней находился здесь, по большей части держался сам по себе. — Он прервался и крикнул сыну: — Уилл, не хочешь помочь тем людям выгрузить снасти из лодки? Они уже причалили к пристани! — Затем он вернулся к Джейн: — Извините, мэм. Здесь много работы. Я и правда хочу помочь вам, но здесь больше нечего сказать. Нам жаль слышать, что этот человек умер.

— Мистер Ингерсолл впервые останавливался в «Лун Пойнт»?

— Не припомню, чтобы видел его прежде.

— Как долго вы здесь работаете?

— С момента открытия. Я владелец турбазы. Извините, я вынужден положить трубку и помочь некоторым гостям.

— Один последний вопрос. Мистер Ингерсолл брал напрокат какие-нибудь рыболовные снасти, когда был у вас?

— Угу, брал. Уилл помогал ему выбрать удочку и катушку. Не думаю, чтобы он особо много поймал.

Она отвлеклась на зазвонивший мобильник.

— Спасибо, мистер…

— Паттен. Если появятся еще вопросы, звоните.

Она повесила трубку рабочего телефона и, взяв свой сотовый, увидела, что звонок был из криминалистической лаборатории.

— Риццоли.

---

[61] 207 — телефонный код штата Мэн.

[62] Мусхед (Moosehead) — в буквальном переводе «лосиная голова», самое большое озеро штата Мэн. На данный момент весьма популярное среди туристов место.

Криминалист Эрин Волчко ответила:

— За многие годы я насмотрелась на массу удивительных вещей, но эта точно может занять первое место.

— О чем мы говорим?

— Тот металлический фрагмент, который прислали из бюро судмедэкспертизы. Он находился в шейном отделе позвоночника Джейн Доу.

— Ага. Осколок лезвия.

— Он не похож ни на один металл, который я когда-либо встречала.

Глава двадцать седьмая

Когда Джейн вошла в лабораторию криминалистики, Фрост и Тэм уже ждали ее. Также там был мужчина, которого она прежде не встречала, учтивый афроамериканский джентльмен, которого Эрин представила как доктора Келвина Наполеона Черри из Гарвардского музея Артура Саклера.[63]

— Когда я поняла, чем может быть этот металл, то попросила взглянуть на него доктора Черри, — сказала Эрин. — Если кто и сможет дать ответ, так только он.

Доктор Черри ответил смущенным смехом.

— Вы заставляете мое имя звучать чересчур впечатляюще.

— Ну, ваше имя появляется на половине опубликованных по этой теме статей. Я и представить не могу лучшего эксперта для консультации.

— Чем вы занимаетесь в музее Саклера, доктор Черри? — спросила Джейн.

Он смущенно пожал плечами.

— Я куратор тамошней коллекции оружия. Я написал докторскую диссертацию по теме металлургического анализа лезвий. В частности, клинков Китая и Японии. Они очень похожи, несмотря на то, что техника мастерства изготовления стала различаться еще несколько веков назад.

— Так вы считаете, что этот клинок был сделан в Азии?

— Я практически уверен, что так и есть.

— И вы можете утверждать это, основываясь всего лишь на осколке?

— Сюда, — позвала Эрин, располагаясь перед своим компьютером. — Позвольте показать вам изображения, которые я отправляла доктору Черри на этой неделе. Это микроснимки фрагмента. — Она застучала по клавиатуре, и они увидели на мониторе изображение серых завитков и волн.

— То, на что вы смотрите, — произнес доктор Черри, — называется пластинчатой или дамасской сталью. Она формирует этот волнистый узор, когда различные слои металла складываются и куются снова и снова, соединяя вместе мягкую и закаленную сталь. Чем больше слоев куется вместе, тем выше мастерство создателя и сильнее меч. В Китае лучшую сталь называют *«байлиан джинганг»* или «стократно кованая сталь». Именно так изготовлены образцы, которые вы здесь видите, мы называем их «венами клинка».

— Если это китайское оружие, — сказал Фрост, — почему его называют дамасской сталью?

— Чтобы объяснить это, мне понадобится рассказать вам немного об истории китайского оружия. То есть, если вы захотите об этом слушать. — Он замолчал, рассматривая трех детективов и оценивая их заинтересованность.

— Валяйте, — произнесла Джейн.

---

[63] Музей Артура М. Саклера (Arthur M. Sackler Museum) — музей Гарвардского Университета, находится в Кембридже, штат Массачусетс. В нем представлены университетские коллекции азиатского, исламского и индийского искусства, одна из самых известных в мире коллекций китайских фигурок из камня, керамики и бронзы, коллекция японских расписных дощечек, древнеримская и древнегреческая скульптура, индийские расписные миниатюры.

Глаза доктора Черри загорелись, словно не существовало другой темы, которой бы он так наслаждался.

— Давайте вернемся к истокам военного искусства. Тысячи лет назад китайцы начали изготовлять клинки из камня. Затем они перешли к бронзе, мягкому и тяжелому материалу, которым ограничивался оружейный материал. Следующим открытием стало железо, но мы не смогли обнаружить большое количество образцов таких мечей, потому что железо ржавеет, почти ничего не оставляя после себя. По иронии судьбы, у нас больше шансов найти бронзовый меч, нежели железный, даже если первый и будет на несколько веков старше второго.

— Но мы сейчас говорим о стали, — напомнил Тэм, — не о железе.

— А вы знаете, чем отличается сталь от железа?

Тэм заколебался.

— Если я правильно помню, то в сталь добавляют какое-то количество углерода.

— Очень хорошо! — просиял доктор Черри. — Не все знают об этом, даже некоторые первокурсники Гарвардского университета. Итак, теперь мы перейдем к средневековой династии Хань, существовавшей около двух тысяч лет назад, когда изготовители мечей научились ковать и изгибать сталь, выковывая из нее полосы и листы. Техника, скорее всего, была изобретена в Индии, а позднее распространилась в Китае и на Ближнем Востоке. И именно там она получила название дамасская сталь.

— Но в итоге, она произошла не в Дамаске, — уточнил Фрост.

— Нет, она родом из Индии. Но хорошие идеи быстро распространяются, и как только эта техника достигла Китая, изготовление мечей действительно превратилось в искусство. Шли столетия, их техническое качество становилось все более разнообразным, в зависимости от способа военных действий. С каждым новым конфликтом оружие всегда совершенствовалось. Когда монголы вторглись в династию Сун, появились сабли. Китайцы адаптировали эту саблю в свой собственный изогнутый меч. Он известен как *дао* , и его использовала кавалерия, чтобы рубить и резать, сидя на лошади. Мы говорим о лезвиях, острых как бритва, поэтому вы можете вообразить, что за кровавая резня происходила на поле боя. Там царило массовое расчленение и обезглавливание.

Джейн слишком ярко представила эту кровавую картину. Она вспомнила переулок. Свист лезвия, брызги горячей крови на ее лице. Мягкость голоса доктора Черри гротескно подчеркивала ужас того, что он описывал.

— Кто, черт побери, захотел бы стать солдатом? Уж точно не я, — хмыкнул Фрост.

— У вас бы не было выбора, — ответил доктор Черри. — В основной части античной истории вооруженный конфликт был обычным делом в Китае. Военачальник выступает против военачальника. Вторжения монголов и пиратов.

— Пираты? В Китае?

Доктор Черри кивнул.

— Во времена династии Мин японские пираты терроризировали побережье Китая. Пока герой по имени Генерал Ци не пришел и не победил их.

— Я припоминаю, что слышал о нем, — сказал Тэм. — Моя бабушка рассказывала, как Генерал Ци отрубил головы пяти тысячам пиратов. Его приключения были замечательными сказками на ночь.

— Господи, — пробормотала Джейн, — думаю, что все мои сказки ограничивались Белоснежкой и семью гномами.

— Элитные солдаты Генерала Ци славились своей гениальной тактикой, — сказал доктор Черри. — А своим оружием они избрали *дао* . Китайскую саблю. — Он указал на увеличенное изображение на экране компьютера Эрин и произнес с оттенком благоговения: — Невероятно, но я считаю, что этот осколок, вероятно, оставила она.

— Китайская сабля? — спросила Джейн.

— Да.

— Как вы можете утверждать это по такому маленькому кусочку? Он не мог

отколоться от японского самурайского меча?

— Полагаю, это возможно, так как японцы переняли технику изготовления мечей у китайцев.

— И самурайские мечи легко найти, — сказал Тэм. — Они продаются в специализированных магазинах холодного оружия.

— О, но в этих магазинах не продают мечи вроде этого.

— Что в нем такого особенного? — спросила Джейн.

— Его возраст. Если опираться на результаты радиоуглеродного анализа.

Джейн нахмурила брови.

— Я думала, радиоуглеродный анализ используется только для органических веществ. А это сталь.

— Давайте вернемся к тому, как изготавливали древние мечи, — сказал доктор Черри. — Традиционный метод заключался в выплавке песка из железа в кузнице. Это железо затем соединяли с углеродом и получали сталь. Но откуда можно добыть углерод? Они использовали древесную золу.

— А древесина — это органический материал, — закончил Тэм.

— Совершенно верно. Мы извлекли углеродный компонент из этого образца, окислив его в запаянной трубке, — пояснила Эрин. — И проанализировали этот углерод.

— Фрагмент при этом был уничтожен?

— К сожалению, да. Принесен в жертву ради образца углерода. Это был единственный способ, которым мы могли бы вычислить точный возраст.

— И вот так мы и обнаружили большой сюрприз, — объявил доктор Черри с ноткой волнения в голосе.

— Ставлю на то, что это оружие не было приобретено в каком-нибудь местном магазине ножей, — сказала Джейн.

— Нет, если, конечно, магазин не торгует очень древним антиквариатом.

— О каком возрасте идет речь?

Доктор Черри указал на микроснимки.

— Сталь, которую вы здесь видите, была изготовлена во времена правления династии Мин. Радиоуглеродный анализ сузил этот период до промежутка между 1540 и 1590 годами. — Он посмотрел на Джейн, его глаза сверкали. — Это произошло в эпоху легендарной армии Генерала Ци. Сабля, изготовленная с подобным мастерством, могла побывать в руках одного из его элитных солдат. Может, даже отрезала головы нескольким пиратам.

Джейн уставилась на изображение на компьютере.

— Этому оружию более пятисот лет? И оно все еще боеспособно?

— Такой меч может храниться долгие, долгие годы, но он требует особого ухода, особенно если и вправду побывал на поле боя. Кровь разъедает сталь, даже если ее тщательно вытереть. Воздействие воздуха приводит к ржавчине и изъязвлению поверхности. Лезвие необходимо было постоянно чистить и полировать на протяжении пяти веков, а от этого металл стирается, делая края ломкими. Вероятно, именно поэтому крошечный осколок клинка остался в шее жертвы. Просто подходит к концу срок его использования в качестве инструмента для убийства. — Он задумчиво вздохнул. — Чего бы я только не отдал, чтобы посмотреть на него! *Дао* из эпохи Генерала Ци был бы бесценен, если, конечно, вы бы смогли его найти. — Он остановился и, нахмурившись, посмотрел на внезапно побледневшего Фроста. — Что-то не так, детектив?

Фрост тихо проговорил:

— Я знаю, где найти этот меч.

Глава двадцать восьмая

Детективы Риццоли и Фрост снова вторглись в мою студию, и на этот раз привели с

собой хорошо одетого чернокожего джентльмена, чья учтивая неуверенность показывала, что он не полицейский, как они. Внезапное вторжение тревожит мой класс, и десяток учеников замирают на одном месте, резко прервав свои спарринг-упражения. Только Белла продолжает двигаться, скользя между учениками, чтобы встать подле меня. Она становится моим неудержимым хранителем, все ее пять футов четыре дюйма, включая взъерошенные черные волосы. Я не удивляюсь, увидев гостей, и бросаю взгляд на Беллу, который говорит: *Вернись назад. Позволь мне самой справиться с этим.*

Она едва уловимо кивает, но упорно остается возле меня.

Детектив Риццоли берет на себя управление разговором. Конечно же, это могла быть только она, она носит свою власть словно броню.

— Мы знаем, что вы владеете старинным мечом, миссис Фэнг, — говорит она. — Мы требуем, чтобы вы сейчас же отдали его нам.

Я смотрю на детектива Фроста. Холодный взгляд обвинения и стыда заставляет его глаза потемнеть. Вечером, когда мы разделили ужин, вечером, когда между нами возникла дружба, я позволила ему подержать Чжэн И и рассказала историю меча. Тем вечером я видела на его лице доброту. Теперь же его лицо превратилось в маску, которая отвергала любые намеки на наши предыдущие отношения. Она ясно давала понять, что прежде всего он полицейский, а это отравляет любую возможность дружбы между нами.

— На случай, если вы не захотите сдать оружие, — говорит детектив Риццоли, — у нас есть ордер на обыск.

— А если я отдам вам мой меч, что вы станете с ним делать? — спрашиваю я.

— Отдадим его на экспертизу.

— Зачем?

— Чтобы определить, использовался ли он в совершении преступления.

— Вернется ли он ко мне в целости и невредимости?

— Миссис Фэнг, мы здесь не переговоры ведем. Где меч?

Белла делает шаг вперед, излучаемая от нее ярость гудит, словно высоковольтные провода.

— Вы не можете просто взять и конфисковать его!

— Закон говорит, что могу.

— Чжэн И передается в моей семье из поколения в поколение, — говорю я. — Он никогда не покидал ее.

Детектив Риццоли недоуменно смотрит на меня.

— Что за Чжэн И?

— Это имя дали, когда создали его. Оно означает «справедливость».

— У меча есть имя?

— Почему вы удивляетесь? Разве в вашей западной культуре нет легенды о мече по имени Эскалибур?

— Госпожа Фэнг, — говорит чернокожий мужчина, и его голос звучит спокойно и уважительно, — поверьте, я никоим образом не хочу повредить меч. Я понимаю его значение и обещаю, что буду обращаться с ним с осторожностью.

— И почему я должна вам верить? — спрашиваю я.

— Потому что моя работа — защищать и сохранять такое оружие. Я доктор Келвин Черри из музея Артура Саклера, и я изучил множество древних мечей. Я знаю их историю. Знаю битвы, в которых они побывали. — Он опускает голову в жесте уважения, чем производит на меня впечатление. — Для меня будет честью, если вы позволите мне увидеть Чжэн И, — говорит он тихо.

Я смотрю в его мягкие карие глаза и вижу искренность, которую не ожидала увидеть. Этот человек произносит имя сабли с прекрасным произношением, из чего я понимаю, что он говорит на мандаринском.

Еще более важно, он знает, что хорошее оружие почитается за умение его владельца, который сохранил его сквозь века.

— Следуйте за мной, — говорю я. — Белла, пожалуйста, займись классом.

Я веду визитеров в заднюю комнату и закрываю дверь. Из кармана я вынимаю ключ и отпираю шкаф, доставая из него завернутый в шелк сверток, лежащий на полке. Обеими руками я протягиваю его доктору Черри.

Тот с почтением принимает его и аккуратно кладет на мой стол. Детективы Риццоли и Фрост наблюдают за тем, как он снимает слои красного шелка, обнажая оружие. Он на минуту замирает, рассматривая ножны, сделанные из лакированного дерева с бронзовой отделкой. Рукоятка тоже из лакированного дерева, но покрыта кожей ската, окрашенной в зеленый цвет. Когда он достает меч из ножен, лезвие издает музыкальный вой, вызывающий дрожь на моей коже.

— *Люедао* , — тихо выдыхает он.

Я киваю.

— Сабля ивовый лист.

— И вы говорите, она передается в вашей семье из поколения в поколение?

— Она принадлежала моей матери. А до этого ее матери.

— Сколько поколений она прошла?

— Все, начиная от генерала Васи.

Он поднимает глаза, явно потрясенный.

— На самом деле?

— Это наш семейный род.

Детектив Риццоли спрашивает:

— Кем он был, этот генерал?

— Вы бы оценили эту часть истории, детектив, — отвечает доктор Черри. — Генералом Васи была женщина, самая знаменитая из мастеров двойного дао. Воительница, которая сражалась двумя мечами, по одному в каждой руке. Она командовала тысячами солдат во времена династии Мин, вела их в атаку против японских пиратов, о которых я вам рассказывал. — Он с интересом смотрит на меня. — И вы ее потомок.

Улыбаясь ему, я киваю.

— Мне приятно, что вы знаете о ней.

— Но это же невероятно! Только подумать…

— Доктор Черри, — обрывает его детектив Риццоли, — так как насчет меча?

— Ах, да. Конечно. — Он достает очки и водружает их на нос. За линзами его карие глаза сосредоточенно сощурились. — Это типичный изгиб *дао* «ивовый лист». Это очень древний дизайн, — поясняет он двум детективам. — Данная сабля несколько короче обычной, но этого можно ожидать, если она была разработана специально для женской руки. Эти канавки для крови также вполне типичны, предназначены для облегчения лезвия. Только взгляните на эти гравировки по стали! Я поражен, насколько четко их видно и теперь! И эта рукоять, она практически как настоящая, если бы мы не знали, что ей, по крайней мере, пятьсот лет… — Он замолчал. Я вижу, как хмурятся его брови над стеклами очков. Следующие несколько минут он не произносит ни слова. Он подносит *дао* ближе к очкам, внимательно изучая край лезвия. Проверяет гибкость. Наконец, лезет в карман за лупой, через которую разглядывает гравировку.

В конце концов, он выпрямляется и когда смотрит на меня, я вижу странную грусть в его глазах. Почти сожаление. Не спеша, он задвигает дао обратно в ножны и отдает ее мне.

— Госпожа Фэнг, — говорит он, — благодарю вас за предоставленную возможность увидеть Чжэн И.

— Вы закончили с ней? — спрашиваю я.

— У нас нет необходимости забирать ее.

Детектив Риццоли протестует:

— Доктор Черри, криминалистическая лаборатория должна изучить ее.

— Поверьте, это не то оружие, что вы ищете.

Риццоли оборачивается к детективу Фросту.

— Ты видел именно этот меч?

Фрост выглядит сконфуженным. Его взгляд бегает вверх-вниз, мечется между моим лицом и ножнами меча, который я держу. Его лицо становится пунцовым, когда он понимает, что, вероятно, допустил ошибку.

— Ну, это он? — снова спрашивает Риццоли.

Фрост качает головой.

— Не уверен. Я ведь видел меч всего минуту.

— Детектив Фрост, — холодно говорю я, — в следующий раз, когда вы придете, надеюсь, вы будете достаточно вежливы, чтобы сообщить мне чего вы хотите от меня на самом деле.

Мой укор достигает цели, и он вздрагивает, словно ужаленный.

Детектив Риццоли вздыхает.

— Миссис Фэнг, независимо от того, что говорит доктор Черри, мы все-таки обязаны забрать меч для дальнейшего исследования. — Она протягивает руки, ожидая, пока я отдам саблю.

Спустя мгновение, я кладу ее в руки Риццоли.

— Я ожидаю, что она вернется ко мне невредимой.

Пока посетители уходят, я вижу, как детектив Фрост бросает вслед взгляд сожаления, но я окутана презрением словно броней, отклоняющей любые извинения. С поникшими плечами он выходит за дверь.

— *Сифу?* — тихо зовет Белла, входя в мой кабинет. В соседней комнате ученики продолжают отрабатывать спарринг и удары ногами, кряхтя и потея. Она закрывает дверь, чтобы они не могли увидеть удовлетворение на наших лицах.

Ход, ответный ход. Шахматная партия продолжается, и полиция все еще на шаг позади.

Глава двадцать девятая

Джейн подождала, пока они не прошли полпути к своим припаркованным автомобилям, прежде чем спросила доктора Черри:

— Как вы можете быть столь уверенным, что это не то оружие?

— Отнесите его в криминалистическую лабораторию. Позвольте им исследовать его, если вы мне не верите, — пожал плечами он.

— Мы искали старинный китайский меч, и вдруг у нее *совершенно случайно обнаруживается* один такой.

— Тот меч, что вы забрали у нее, не то, что вы ищете. Да, на краю лезвия имеются щербинки и сколы от использования, но гравировки и канавки для крови слишком четкие. Кроме того, рукоятка, скорее всего, оригинальная. Деревянная рукоять, сделанная во времена династии Мин не пережила бы все эти века, оставаясь в таком хорошем состоянии.

— Значит, этот меч вовсе не старинный?

— Разумеется, он великолепно сделан, имеет вес и баланс сабли времен династии Мин. Но этот меч всего лишь очень хорошая копия. В лучшем случае, ему может быть пятьдесят-семьдесят пять лет.

— Почему же вы не сказали об этом, пока мы были там?

— Потому что совершенно ясно, она считает его настоящим. Верит, что он перешел к ней от предков. Было бы абсолютно бессердечно разочаровать ее, когда он так много для нее значит. — Он взглянул в сторону ворот Пайфан. Был уже поздний вечер, и жаждущие ужина входили в Чайнатаун, шагая по его узким улочкам и разглядывая меню в витринах. Доктор Черри разглядывал толпу с оттенком грусти. — В музее, где я работаю, — проговорил он, — меня часто просят оценить семейные реликвии. Люди приносят всевозможный мусор со своих чердаков. Вазы, картины, музыкальные инструменты. Вещи, обросшие разнообразной мифологией, связанной с ними. Почти всегда мой вердикт неутешителен, потому что они приносят не сокровища, а бесполезные копии. Это заставляет людей подвергать сомнению

все, что им рассказывали, когда они были детьми. Это разрушает их личную мифологию, а я ненавижу делать подобное. Люди хотят верить, что они исключительные. Хотят думать, что их семья имеет уникальную историю и в доказательство этих слов они показывают антикварное кольцо бабушки или старый фидель[64] дедушки. Зачем заставлять их слушать жестокую правду о том, что большинство из нас совершенно обычные люди? И реликвии, переходящие от отца к сыну, которыми мы дорожим, почти всегда оказываются подделками.

— Миссис Фэнг верит, что произошла от женщины-воина, — сказал Фрост. — Думаете, это очередная семейная выдумка?

— Я думаю, это то, о чем рассказали ей родители. И отдали меч, чтобы доказать это.

— Значит, это неправда. Насчет генерала Васи.

— Все возможно, детектив Фрост. Вы можете оказаться потомком короля Артура[65] и Вильгельма Завоевателя.[66] Если это важно для вас, если помогает проживать жизнь день за днем, то продолжайте в это верить. Потому что семейная мифология имеет для нас гораздо большее значение, нежели правда. Она помогает нам справляться с незначительностью собственной жизни.

Джейн фыркнула.

— Вся моя семейная мифология состоит в том, сколько пива дядя Лу может выпить за один присест.

— Сомневаюсь, что вы слышали только об этом, — сказал доктор Черри.

— Еще я слышала, что моя прабабушка промучилась всю свадьбу с пищевым отравлением.

Доктор Черри улыбнулся.

— Я говорю о героях. В вашей семье должен найтись хотя бы один такой. Подумайте об этом, детектив. Поразмыслите над тем, как важны эти герои для того, чтобы вы могли на них равняться.

Джейн задумалась над этим по пути домой, но первые же личности, пришедшие на ум, были плутоваты и нелепы. Двоюродный брат Риццоли, который пытался доказать, что Санта-Клаус на самом деле может пройти через дымоход, результатом чего стал экстренный демонтаж трубы его матери. Или дядя, который оживил новогоднюю вечеринку фейерверками собственного изготовления и вернулся из больницы без трех пальцев.

Но также были и истории, исполненные достоинства, как рассказ о двоюродной бабушке, которая была монахиней в Африке. Или о другой двоюродной бабушке, которая боролась за пропитание восьмерых детей во времена войны в Италии. Их тоже можно назвать героями, но мирной разновидности. Реальные женщины, которые не переживали ничего похожего на похождения легендарной прародительницы Ирис Фэнг, которая билась двумя саблями и вела солдат в бой. Небылица, звучавшая не более правдоподобно, чем Царь Обезьян Сунь Укун, который защищал невинных и сражался с демонами и морскими чудовищами. Ирис жила именно в таком сказочном мире, где одинокая вдова могла считать себя мастером мечей, в венах которой течет кровь древних воинов. И кто мог обвинить ее в том, что она погружена в подобные фантазии? Ирис умирала от лейкемии. Ее муж и дочь ушли. Одна в своем печальном жилище, со всей этой тоскливой мебелью, мечтала ли она о

---

64 Фидель — старинный смычковый инструмент, предшественник виолы и скрипки.

65 Король Артур — легендарный вождь бриттов V–VI века, разгромивший завоевателей-саксов; центральный герой британского эпоса и многочисленных рыцарских романов. До сих пор историки не нашли доказательств исторического существования Артура, хотя многие допускают существование его исторического прототипа.

66 Вильгельм I Завоеватель (Вильгельм Нормандский или Вильгельм Незаконнорождённый, 1027/1028 — 9 сентября 1087) — герцог Нормандии и король Англии (с 1066 года), организатор и руководитель нормандского завоевания Англии, один из крупнейших политических деятелей Европы XI века.

сражениях и славе? *А я бы не мечтала?*

Когда она затормозила на светофоре, зазвонил ее мобильный. Не взглянув на номер звонящего, она ответила, и в ухе загремел рассерженный голос.

— Какого черта, Джейн? Почему ты мне не рассказала? — орал ее брат Фрэнки. — Мы не можем позволить ей сделать это.

Она вздохнула.

— Я так понимаю, речь о маминой помолвке?

— Я услышал новости от Майка.

— Я собиралась тебе позвонить, но была слишком занята.

— Она не может выйти замуж за этого парня. Ты должна ее остановить.

— Ты собираешься учить меня, как я должна поступать?

— Ради всего святого, она все еще замужем!

— Ага. За человеком, который бросил ее ради потаскушки.

— Не говори так о папе.

— Ну, он же так и сделал.

— Это еще не конец. Папа вернется домой, вот увидишь. Ему просто надо сначала разобраться с собственным «я».

— Скажи это маме. Увидишь, что она на это ответит.

— Черт возьми, Джейн. Поверить не могу, что ты позволишь этому случиться. Это *семья* Риццоли. *Семьям* следует держаться друг за друга. А что мы знаем об этом парне, Корсаке?

— Перестань. Мы оба знаем, что он нормальный.

— Что означает это твое «он нормальный»?

— Он порядочный человек. И хороший коп. — Она замолчала, потрясенная тем, что защищает человека, который не особо пришелся ей по вкусу в роли отчима. Но все, что она сказала о Корсаке, было правдой. Он был порядочным человеком. Мужчиной, на которого можно рассчитывать. Женщинам обычно достаются намного хуже.

— И ты нормально воспринимаешь то, что он кувыркается с мамой? — спросил Фрэнки.

— Тебя же не волнует, что папа кувыркается с Бимбо.

— Это совсем другое. Он парень.

Теперь это разозлило ее.

— А маме кувырки не разрешаются? — выпалила Джейн.

— Она наша *мать* .

Загорелся зеленый свет. Когда она проезжала перекресток, то произнесла:

— Мама еще не умерла, Фрэнки. Она красивая, веселая и заслуживает еще один шанс на любовь. Вместо того чтобы доставать ее этим, ступай и поговори с папой. В первую очередь, он и является причиной того, что она выходит за Корсака.

— Угу, я поговорю с ним. Вероятно, настало время, чтобы он взял эту ситуацию под контроль. — Фрэнки бросил трубку.

Под контроль? Как раз папина бесконтрольность и привела нас к этому.

Она бросила телефон на сиденье, с ехидством предвкушая, как отреагирует на эти новости отец. Эта злость была еще одним поводом для беспокойства, еще одним шариком к дюжине других, которыми она уже жонглировала.

Телефон зазвонил снова.

Она свернула к обочине, чтобы ответить на звонок.

— У меня нет на это времени, Фрэнки, — отрезала она.

— Что еще за гребаный Фрэнки? — последовал не менее раздражительный ответ. — Послушай, Риццоли, с меня достаточно этого дерьма с «Красным Фениксом» и я хочу, чтобы ты прекратила это. — Сиплый голос, несомненно, принадлежал Кевину Донохью. Как и его восхитительный лексикон.

— Я не знаю, о чем вы говорите, мистер Донохью, — ответила она.

— Сегодня вечером я получил еще одну. На этот раз они засунули ее под дворники. Ты можешь поверить, что они осмелились прикоснуться к моему *долбаному* автомобилю?

— Вы получили еще одну что?

— Еще одну копию некролога Джоуи. *Увлекался баскетболом и спортивной стрельбой, оставил после себя любящих мать и сестру* , бла-бла-бла. И на обратной стороне послание.

— О чем в нем говорится?

— *Оно идет за тобой.*

— И вы всерьез это воспринимаете?

— Двух человек зарубило какое-то уродливое обезьяноподобное существо, и ты полагаешь, что мне стоит воспринимать это всерьез?

Она медленно проговорила:

— О каком обезьяноподобном существе вы говорите?

— А что, мне не положено об этом знать?

— Эта информация не является общедоступной.

— А я и не *кто попало* , ясно? Я гражданин и налогоплательщик, чья жизнь находится под угрозой.

У него есть источник в нашем расследовании, подумала она. Он нашел доступ в полицию Бостона. Это ее не удивило. Человек, столь влиятельный, как Донохью, повсюду может купить глаза и уши, включая мэрию и Шредер Плаза.

— Делай свою работу, детектив, — произнес Донохью. — Ты обязана служить и защищать,[67] не забыла?

Жаль, что в это понятие входит и защита мусора вроде тебя. Она выдохнула и постаралась звучать вежливо.

— Мне понадобится ознакомиться с последней запиской. Где вы сейчас находитесь?

— На своем складе в Джеффрис Пойнт.[68] Я не собираюсь долго ждать, так что поторопись.

Глава тридцатая

Когда Джейн въехала в открытые ворота «Мясных продуктов Донохью оптом» и припарковалась между «БМВ» и серебристым «Мерседесом», уже опустилась тьма. Похоже, что гангстеры любят напоказ швырять свои деньги направо и налево. Пока она выходила из машины, то услышала рев взлетающих реактивных двигателей, раздающийся из близлежащего аэропорта «Логан». Она подняла глаза, наблюдая, как самолет накренился и взял курс на юг. Она подумала о пляжах Флориды, стаканах с ромом и пальмах. Как было бы здорово наслаждаться солнечными каникулами вместо убийства.

— Детектив Риццоли.

Обернувшись, Джейн узнала одного из здоровенных телохранителей, которого она встретила в резиденции Донохью несколько дней назад. Его звали Шон.

— Он ждет внутри, — произнес Шон и перевел глаза на ее кобуру с оружием. — Первым делом, вам придется сдать пистолет.

— Мистер Донохью в прошлый раз не пытался разоружить меня.

---

[67] «Служить и защищать» (To Serve and Protect) — девиз американской полиции. Его изображают на жетонах и пишут на машинах. Призван внушить уважение и доверие к представителям силовых ведомств. Был придуман в 1955 году офицером Джозефом Доробеком. Он победил в конкурсе, организованном служебным журналом полицейской академии Лос-Анджелеса. Задача была проста — словами нужно было выразить идеалы служителей закона. В 1963 году, этот девиз от Академии перешел ко всей полиции и дошел до наших дней.

[68] Джеффрис Пойнт (Jeffries Point) — название района, проходящего вдоль береговой линии в Восточном Бостоне.

— Ага, ну, сейчас он нервничает гораздо сильнее. Из-за того послания на его ветровом стекле. — Он протянул руку.

— Как бы то ни было, оружия я не отдам. Значит, вы можете передать мистеру Донохью, что он может прийти и повидаться со мной в главном полицейском управлении. Я буду счастлива поговорить с ним там. — Она развернулась к своей машине.

— Хорошо, хорошо, — сдался мужчина. — Но просто знайте, что я буду наблюдать за вами точно ястреб.

— Угу. Заметано.

Джейн последовала за ним на склад, и когда герметичная дверь глухо захлопнулась за спиной, она пожалела, что не надела теплую куртку. Внутри было холодно, пещера без окон была настолько ледяной, что она видела свое собственное клубящееся дыхание. Шон проводил ее сквозь занавес из полосок пластика в холодильное отделение. С потолка свисали крюки с огромными говяжьими тушами, расположенными ровными рядами, целый лес развешанных трупов. Ледяной туман пах кровью и мертвой плотью, и Джейн боялась, что этот запах останется в ее одежде и волосах, даже после того, как она покинет это место. Они прошли сквозь этот лес мясных туш к офису в задней части здания, и ее сопровождающий постучал в дверь.

Та распахнулась, и Джейн узнала второго телохранителя, который жестом пригласил ее войти. Она шагнула в комнату без окон, и дверь издала громкий удар, закрывшись за ней. Джейн была заперта в крепости внутри мясохранилища, охраняемой вооруженными бандитами, но чувствовала, что в этой ситуации она нервничает меньше, чем ее хозяин. Вот что значит быть королем ирландской мафии, постоянно страдая от паранойи и страха. Иметь власть всегда означает бояться момента, когда ты ее потеряешь.

Кевин Донохью выглядел еще толще прежнего, он восседал за столом, а его пальцы-сардельки сжимали прозрачный пластиковый пакетик с последним сообщением. Он поднял записку.

— К сожалению, — произнес Донохью, — мои блестяще сообразительные сотрудники оставили здесь свои отпечатки пальцев, прежде чем показали ее мне.

— На этих записках никогда не остается отпечатков, — пояснила она, забирая пакетик. — Тот, кто посылает их, крайне осторожен. — Джейн посмотрела на фотокопию. Она была идентична некрологу Джоуи Гилмора, опубликованному девятнадцать лет назад в *«Бостон Глоуб»*. Перевернув ее, она прочитала послание, написанное печатными буквами: ОНО ИДЕТ ЗА ТОБОЙ.

Она посмотрела на Донохью:

— Как вы считаете, о чем идет речь?

— Ты не догоняешь? Очевидно, о той штуковине, бегающей по городу и играющей в самосуд с мечом.

— Зачем бы этому существу приходить и учинять самосуд над вами? Вы в чем-то виноваты?

— Мне не нужно быть виновным, чтобы распознать угрозу, когда я ее вижу. Я достаточно их получаю.

— Я понятия не имела, что доставка мясных стейков бывает столь опасным делом.

Он уставился на нее своими бесцветными глазами.

— Ты слишком умна для того, чтобы разыгрывать из себя тупицу.

— Но недостаточно умна, чтобы понять, чего именно вы от меня хотите, мистер Донохью.

— Я сказал тебе об этом по телефону. Я хочу остановить это дерьмо, прежде чем прольется еще больше крови.

— В особенности, вашей крови. — Она взглянула на двух мужчин, стоящих подле нее. — По мне выглядит так, словно вы уже достаточно защищены.

— Но не от этого… этой *штуковины* . Чем бы она не была.

— Штуковины?

Донохью качнулся вперед, его лицо скривилось от нетерпения.

— По городу ходят слухи, что оно нарезало двух профессионалов точно колбасу. А затем исчезло без следа.

— Они были вашими профессионалами?

— Я скажу тебе это в последний раз. Нет, я не нанимал их.

— Есть какие-нибудь предположения, на кого они могли работать?

— Сказал бы, если б знал. Я прозондировал почву и услышал, что несколько недель назад поступил заказ на того копа.

— Заказ на детектива Ингерсолла?

Донохью кивнул и все три его подбородка затряслись.

— Сразу после того, как это предложение разнеслось по улице, он стал живым мертвецом. Должно быть, тот, кто заказал его, действительно занервничал.

— Ингерсолл был в отставке.

— Но он задавал слишком много вопросов.

— О девочках, мистер Донохью. Девочках, которые пропали без вести. — Джейн уставилась ему прямо в глаза. — А теперь этот вопрос, должно быть, заставляет нервничать *вас* .

— Меня? — он откинулся назад, кресло заскрипело под его огромным весом. — Без понятия, о чем ты говоришь.

— Проституция? Торговля несовершеннолетними девочками?

— Докажи это.

Она пожала плечами.

— Ну, сейчас я подумала над этим и, возможно, просто позволю обезьяноподобному существу закончить начатое.

— Оно идет не за тем парнем! Я не имею ничего общего с «Красным Фениксом»! Конечно, Джоуи был стукачом. Я не лил слезы, когда он откинулся, но и не заказывал его.

Она опустила глаза на некролог Джоуи.

— А кто-то считает, что это сделали вы.

— Та сумасшедшая дамочка из Китайского квартала. Должно быть это она.

— Вы имеете в виду миссис Фэнг?

— Я считаю, что она наняла Ингерсолла задавать все те вопросы, чтобы выяснить, кто убил ее мужа. Он подобрался к истине слишком близко, вот как и началась эта война. Если ты думаешь, что ирландцы грубо ведут игру, то просто не видела, на что способны китайцы. Люди, которые практически могут проходить сквозь стены.

— Мы сейчас говорим о людях или о сказках?

— Разве ты не видела тот фильм *«Ниндзя-убийца»* ?[69] Они обучены убивать с самого детства.

— Ниндзя были японцами.

— Не спорь со мной! У них такие же навыки, та же самая подготовка. Ты знаешь кто она, не так ли? Откуда произошла Ирис Фэнг? Я покопался в ее прошлом. Она выросла в каком-то секретном монастыре в горах, где детей обучают подобным вещам. Наверное, уже в возрасте десяти лет могла задушить человека. И теперь у нее есть все эти ученики, что работают на нее.

— Она всего лишь пятидесятипятилетняя вдова.

Больная женщина с большой манией величия, подумала Джейн. Женщина, которая верит, что произошла от мифического генерала и имеет фальшивый меч, чтобы доказать это.

— Встречаются вдовы и вроде *нее* .

— У вас есть какие-то факты, что вам угрожает именно Ирис Фэнг?

---

[69] «Ниндзя-убийца» (Ninja Assassin) — фильм Джеймса Мактига в жанре боевика, главную роль в котором исполняет Рейн. Продюсерами фильма являются Джоэл Сильвер и братья Вачовски. Съёмки фильма проходили в Берлине. Фильм вышел на экраны 25 ноября 2009 года.

— Доказывать это — *твоя* работа. Я всего лишь делюсь своими предчувствиями. Она потеряла той ночью мужа и считает, что я заказал перестрелку. Меня обвиняют в случившемся в «Красном Фениксе», но я, черт возьми, *этого не делал* .

Громкий хлопок внезапно потряс здание. Джейн успела поймать лицо Донохью, застывшее от удивления, прежде чем в комнате воцарилась кромешная тьма.

— Какого хрена? — заорал Донохью.

— Полагаю, вырубилось электричество, — сказал один из его людей.

— Я вижу, что оно вырубилось! Заводи генератор!

— Если бы еще найти фонарик…

Шум над головой заставил всех замолчать. Джейн посмотрела вверх, где по крыше раздавалось быстрое *тук-тук-тук* . Всматриваясь в темноту, она почувствовала стук собственного сердца и ощутила, как вспотели ее ладони, когда она наклонилась, чтобы расстегнуть кобуру.

— Где выключатель генератора? — спросила она.

— Он… он на складе, — ответил один из мужчин, его голос раздался вблизи от нее и дрожал от страха. — Электрощиток на задней стенке. Но я не смогу найти его в темноте. Не с этой штуковиной…. — Он замолчал, когда снова услышал звук, похожий на капли дождя, стучащие по крыше.

Джейн порылась в сумке и вытащила свой верный фонарик. Она включила его и направила луч света на Донохью, лицо которого блестело от пота и страха.

— Звоните девять один один, — приказала она.

Он схватил со стола переносной телефон. Швырнул его назад.

— Он сдох!

Джейн отцепила с пояса свой мобильник. Нет сигнала.

— Это место освинцовано, что ли?

— Эти стены пуленепробиваемые и взрывоустойчивые, — ответил Донохью. — Это меры безопасности.

— Отлично. Идеальная мертвая зона.

— Тебе придется выйти наружу, чтобы поймать сигнал.

— Но я не хочу выходить наружу. И не вижу ни одного желающего.

В комнате стало тепло, стены удерживали внутри жар их тел и страх. Мы не можем вечно здесь торчать, подумала она, кто-то должен выйти и позвонить, и, похоже, что никто кроме меня не собирается этого делать.

Она достала оружие и направилась к двери.

— Я пойду вперед, — сказала она, — держитесь рядом.

— Погоди! — перебил Донохью. — Мои мальчики ни в коем случае не пойдут с тобой.

— Мне нужно прикрытие.

— Им платят, чтобы охранять *меня* . Они останутся здесь.

Она развернулась, направив свет прямо ему в глаза.

— Ладно. Идите туда *сами* и берите своих мальчиков с собой. А я просто постою здесь и подожду, пока вы не вернетесь. — Джейн схватила стул, уселась на него и выключила фонарик.

Потянулись минуты в темноте, здание хранило тишину. Раздавался лишь звук панического хриплого дыхания Донохью.

— Хорошо, — наконец произнес он. — Бери с собой Колина. Но Шон останется со мной.

Джейн понятия не имела, может ли доверять Колину, она лишь надеялась, что его серые клетки достаточно работоспособны, чтобы случайно не выстрелить ей в спину. Она остановилась у двери, прислушиваясь к звукам за ее пределами, но та была слишком толстой. *Пуленепробиваемой и взрывоустойчивой* , как сказал Донохью.

Она отодвинула засов, и дверь с треском распахнулась. За пределами офиса было не так темно, через высоко расположенные окна склада пробивался тусклый свет города,

достаточный, чтобы Джейн смогла разглядеть темные ряды мясных туш, похожих на шеренги воинов. Что угодно могло скрываться в этом мраке, выдавая себя за еще один силуэт среди этих говяжьих туш.

Джейн развернула фонарик и быстро просканировала периметр. В одном проходе она увидела висящие туши, бетонный пол и облачко собственного дыхания. Она слышала Колина, стоящего прямо за ней, его дыхание было прерывистым от страха. Вооруженный и перепуганный человек был не тем прикрытием, которое она имела в виду. Я запросто могу поймать пулю в позвоночник, подумала она. Если то существо прежде не отрежет мне голову.

— Где ближайший выход? — прошептала она.

— Прямо перед нами. В дальнем конце здания.

Тяжело сглотнув, она двинулась к ряду туш. Она водила фонариком туда-сюда, отслеживая движение, проблеск лица или вспышку стали. Но всем, что она увидела, были продукты бойни, живые существа, подвешенные за мышцы и кости. Фонарик стал скользким в ее дрожащей руке. Кем бы ты ни было, думала она, однажды ты меня пожалело. Но это не значит, что подобное повторится, когда оно увидит компанию, которую охраняла Джейн.

Впереди маячило еще больше туш. Держа фонарик прямо перед собой, она не могла разглядеть конец ряда. Внезапно Джейн остановилась, пытаясь прислушаться через грохот собственного сердца.

— Что? — прошептал Колин.

— Слушай.

Это был всего-навсего слабый скрип, звук, который издает дерево, когда сильный ветер раскачивает его. Но скрип поднимался до ритмичного треска, словно это дерево настойчиво раскачивалось вместе со зданием. *Оно шагает над нами.* Джейн направила свет на потолок и увидела, как подвешенная туша качается вперед-назад, словно ее оттолкнула невидимая рука.

Они снова услышали скрип, на этот раз слева от них.

— Там, — сказал Колин, и Джейн развернула фонарик на звук. Они уставились на вторую тушу, раскачивающуюся вперед и назад, словно гигантский маятник в узком луче фонарика.

— Позади нас! — сказал Колин, повысив голос до панического крика. — Нет, вон там!

Джейн развернулась, ее луч искал любое движение, когда темнота вокруг них ожила громким хором лязга, стона и визга металла.

— Где же *оно* , черт побери? — заорал Колин, кружа рядом с ней и дико размахивая оружием, в то время как все туши вокруг них раскачивались. Он выстрелил и где-то в темноте звякнул металл. Он выстрелил еще раз, и пуля врезалась в холодное мясо.

— *Прекрати это* , прежде чем убьешь нас обоих! — закричала Джейн.

Он перестал палить, но по-прежнему дергался то в одну, то в другую сторону, выискивая цель. Несомненно, ему кругом чудилось существо, так же, как и ей. Вон там только что промелькнуло лицо, блеск глаз? Как может что-то двигаться столь быстро, столь беззвучно? Внезапно она вспомнила иллюстрацию в книге китайских сказок. Царь Обезьян, сжимающий свой посох, с длинным хвостом, извивающимся будто змея. Она подумала о мече, шепчущем в ночи, о лезвии, рассекающем ее горло. Взгляд взметнулся вверх, и на мгновение Джейн показалось, что она увидела существо, его дикие глаза сияли в темноте. Но там никого не было, лишь пустой стальной крюк, ожидающий новую мясную тушу.

Медленно стоны и скрипы затихли. Джейн и Колин оставались на месте, прижавшись спинами друг к другу, оба отчаянно сканировали тени. В каждом углу, куда она направляла фонарик, они видели не злоумышленника, а темноту, которая, казалось, наблюдала за ними. И с этим фонариком в моей руке, думала она, это существо точно знает, где мы находимся.

— Продолжаем двигаться, — прошептала она. — К двери.

— Что это за хрень? С чем мы имеем дело?

— Давай не станем дожидаться, чтобы это узнать.

Он не отставал. Пока Джейн продвигалась к двери, она почти ощущала его дыхание на своей шее. Для человека вроде Колина, пистолет был заменителем мужеством, средством, превращающим труса в бандита и убийцу. Но оставь его в темноте, где тот не сможет видеть противника, где слепота даст им равные шансы, и он снова превратится в труса. Только после того, как они нашли выход и выбрались на улицу, она услышала, как он с облегчением выдохнул. В воздухе пахло морем, а в небе кружили мерцающие пылинки, словно падающие звезды. Она достала свой мобильный телефон, но заколебалась, прежде чем позвонить. Что она скажет? *Электричество вырубилось, и все мы впали в панику. Слышали звуки в темноте и воображаемых чудовищ.*

— Ты собираешься звонить или как? — сказал Колин. Трус ушел, и вернулся бандит.

Она собралась набирать номер и внезапно замерла, не сводя взгляда со складской крыши. Там на корточках сидела фигура, будто силуэт горгульи на фоне ночного неба. Оно смотрело на нее, так же как и она на него. *Видит ли оно во мне друга или врага?*

— Оно там! — крикнул Колин.

Он вздернул пистолет для выстрела, и Джейн перехватила его руку. Пуля улетела в небо, не найдя цели.

— Какого хрена? — заорал Колин. — Оно прямо там, убей его!

Фигура на крыше не двигалась, она просто сидела, глядя на них.

— Если ты не снимешь его, я сниму, — заявил Колин. Он снова поднял пистолет и вдруг застыл, вглядываясь в крышу. — Где оно? Куда оно подевалось?

— Оно ушло, — ответила Джейн, не сводя глаз с пустой крыши. *Однажды ты спасло мою жизнь, теперь я спасла твою.*

Глава тридцать первая

— Донохью тот еще гусь, — сказал Тэм. — Как по мне, я бы дал этой штуковине разобраться с ним. Пусть разберется со всеми ними.

Штуковина. У них не было другого имени для существа, пробравшегося на склад прошлым вечером. Никто не видел его лица и не слышал его голоса. Они видели его только мельком и всегда в темноте, где оно выглядело не более чем тень, крадущаяся в сумерках. Существо ясно обозначило свою позицию в битве между добром и злом. Оно уже зарезало двух наемных убийц. Теперь его внимание было сконцентрировано на Донохью.

Но оно пожалело меня, подумала Джейн. *Потому что знает, что я из хороших парней?*

— Чем бы оно ни было, — сказал Фрост, — оно достаточно умно, чтобы не попасть в поле зрения камер видеонаблюдения.

Три детектива провели все утро на втором этаже в конференц-зале, просматривая видеозаписи с камер, установленных по всему периметру Джеффрис Пойнта вокруг склада Донохью. Материал с одной из камер Донохью сейчас проигрывался на мониторе, вид на его стоянку вечером. Джейн наблюдала, как ее автомобиль въехал сквозь ворота и припарковался рядом с «Мерседесом» Донохью.

— Улыбнись. Тебя снимает скрытая камера, — хохотнул Фрост.

На видео Джейн вышла из своей машины и остановилась, подняв глаза на небо, будто принюхиваясь к ветру. «Мои волосы на самом деле в таком беспорядке? — подумала она, морщась от своего собственного изображения. — Я и впрямь так жутко сутулюсь? Необходимо научиться стоять прямо и втягивать живот».

Теперь появился человек Донохью, Шон, и они заговорили об оружии Джейн, Шон настаивал, Джейн расправила плечи и отказалась.

— Почему ты не попросила нас пойти с тобой? — сказал Тэм.

— Я заехала туда только чтобы забрать записку. Ничего серьезного.

— Это обернулось очень даже серьезно. Ты могла бы задействовать нас.

На экране Джейн и телохранитель скрылись на складе, и картинка стала неподвижной.

Никакого движения, никаких изменений на стоянке за исключением мимолетного света автомобильных фар, проезжающих по улице. Фрост поставил запись на быструю перемотку. Пять минут. Десять минут. Картинка внезапно зарябила и отключилась.

— Итак, у нас нет ни одного снимка этой штуковины, — проговорил Тэм.

— Не с камер Донохью.

— Это существо невидимое?

— Вероятно, оно просто знает что делает. — Фрост загрузил эскизы фотографий склада. — Я взял туда свой фотоаппарат сегодня утром и сделал эти снимки. На них видно, где установлены все камеры. Как и следовало ожидать, они держат в поле зрения точки у входа. Двери и грузовые платформы. А с обратной стороны здания глухая стена, поэтому там видеонаблюдение не установлено. Как и на крыше. — Он посмотрел на Джейн. — Так что ускользнуть от камер вполне возможно. А это означает, что это вовсе не какое-то сверхъестественное существо.

— Вчерашним вечером в это было легко поверить, — негромко произнесла Джейн, припомнив жуткий скрип и визг мясных крюков, что раскачивались вокруг нее на складе. — У него есть система безопасности и телохранители. Он вооружен до зубов. Но Донохью понятия не имеет, как защитить себя от этой штуковины, и напуган до смерти.

— Почему это должно нас беспокоить? — сказал Тэм. — Некое существо делает за нас нашу работу. Когда оно придет, чтобы очистить мир от плохих парней, я только скажу «вперед и с песней».

Джейн разглядывала фотографии склада Донохью.

— Знаешь, вынуждена с тобой согласиться. Я обязана этому существу своей жизнью. Но я хочу знать, как оно проникло в здание. Я была там, но не видела его до самого последнего момента. Когда оно *позволило* мне заметить себя. Пока не просидело на крыше достаточно долго, чтобы человек Донохью тоже смог его увидеть.

— Зачем оно это сделало? — недоумевал Фрост.

— Возможно, чтобы доказать нам, что существует на самом деле? Может быть, чтобы напугать Донохью, показать, что сможет уничтожить его в любой момент, когда захочет?

— Тогда почему Донохью все еще жив и здоров?

— И до смерти напуган, — добавила Джейн. — Забавно, но я больше не боюсь этого создания. Думаю, оно явилось сюда по какой-то причине. И я просто хочу знать как и что оно делает. — Она посмотрела на Тэма. — Что ты знаешь об ушу?

Он вздохнул.

— Конечно же, ты обращаешься к азиатскому парню.

— Да ладно, Тэм, вполне логично спросить тебя. Похоже, ты много знаешь о китайских сказках.

— Угу, — признал он, — благодаря моей бабушке.

— Донохью считает, что за ним пришли воины-ниндзя. Я почитала о них прошлым вечером и обнаружила, что на самом деле техника ниндзя пришла из Китая. Донохью говорит, этих парней учат убивать с самого детства, и они проникают сквозь любую защиту.

— Мы оба знаем, что половина этого всего лишь фантазия.

— Ага, но какая половина?

— Та, которую показывают в *«Крадущемся тигре, затаившемся драконе»* .[70]

— Мне нравится этот фильм, — сказал Фрост.

— Но ты хоть на секунду поверил, что воины могут летать по воздуху и сражаться среди деревьев? Конечно, нет, потому что это сказка. Как и все другие истории, которые бабушка рассказывала мне о монахах, которые могли ходить по воде. О Бессмертных,

---

[70] «Крадущийся тигр, затаившийся дракон» (Crouching Tiger, Hidden Dragon) — фильм в жанре «уся» тайваньского режиссера Энга Ли, снятый в 2000 году и ставший самым кассовым неанглоязычным фильмом в истории американского проката. В главных ролях снялись Чоу Юнь-Фат, Мишель Йео и Чжан Цзыи, фильм получил 4 премии «Оскар» и 6 номинаций.

которые спускались с небес, чтобы пообщаться с людьми.

— Но иногда легенды содержат частицу истины, — сказала Джейн. — И в Китае на самом деле были боевые монахи.

— Ладно, — признал Тэм. — Возможно, эта часть вполне реальна. Там на самом деле существовали боевые монахи Шаолиня из монастыря на горе. Они стали известны своими боевыми навыками после того, как защитили императора от восстания. Но искусство ушу возникло задолго до этих монахов. Ему тысячи лет, оно настолько древнее, что никто не знает его истинную историю. И с каждым прошедшим веком оно обрастало все новыми и новыми диковинками. Вот так и вышло, что люди считают этих ушу-воинов чем-то вроде призраков. Которых невозможно убить.

— После прошлого вечера я практически поверила, что это правда, — сказала Джейн.

— Да ладно.

— Тебя там не было. Ты его не видел.

— Я тоже почти верю, что оно призрак, — проговорил Фрост, изучая очередную видеозапись на экране. — Я собрал записи со всех камер в этом районе и пока не увидел его даже мельком. Ему удалось ускользнуть от всех объективов. — Он показал на монитор. — Эта камера установлена прямо напротив улицы, где расположен склад Донохью. Она записала каждую минуту, но на ней так ничего и не появилось.

— Если оно из плоти и крови, то обязательно где-то покажется, — произнесла Джейн.

Фрост перешел к другой записи.

— Хорошо, теперь вот эта камера, она захватывает весь квартал почти до Саммер-стрит. — Он нажал воспроизведение, и на экране возникло изображение переулка, перегороженного забором из проволочной сетки. Шли минуты, и ничего не двигалось, ничего не менялось. — Опять пусто.

Джейн сочувственно похлопала Фроста по спине и поднялась со стула.

— Приятного просмотра. Позвони мне, если что-нибудь заметишь.

— Ага, ага.

Она была уже в дверях, когда услышала, как Фрост шумно сглотнул. Джейн развернулась.

— Что?

— Оно настолько быстро двигается!

— Я ничего не увидел, — сказал Тэм.

Джейн вернулась к монитору и внимательно вглядывалась в него, пока Фрост перемотал запись и снова нажал воспроизведение. Опять появилась та же неподвижная картинка. Тот же тускло освещенный переулок с забором из сетки в дальнем конце.

— *Здесь,* — произнес Фрост.

Фигура, казалось, материализовалась из темноты спиной к камере и перемещалась в тумане вглубь переулка. Одним молниеносным прыжком она перемахнула через забор и приземлилась на другой стороне. Там остановилась и выпрямилась во весь рост.

Фрост поставил изображение на паузу.

Оно с головы до ног было одето в черное. Они не могли видеть лица, но силуэт был четко очерчен, выделяя тонкую талию и безошибочный изгиб бедер.

— Это женщина, — сказал Фрост.

Белла Ли вошла в управление полиции Бостона в Шредер Плаза, одетая в голубые джинсы на бедрах, высокие сапоги и черную кожаную куртку. Прежде чем пройти через металлодетектор, она сняла куртку и устроила грандиозное шоу с раздеванием для всех копов, таращившихся на нее, продемонстрировав обтягивающую майку, подчеркивающую каждый изгиб ее грудей без бюстгальтера. Она послала им ответный взгляд, убийственно улыбнувшись, и прошествовала мимо охраны навстречу Джейн, которая ждала ее по другую сторону.

— Не знала, что мне придется проходить через досмотр, — сказала Белла.

— Все должны. Даже мэр, — Джейн махнула рукой в направлении лифта. — Нам наверх.

Пока они поднимались на второй этаж, Белла стояла, выпятив бедро, кожаная куртка висела на плече. Ее короткие волосы торчали вверх больше обычного, словно шерсть кошки, рассерженной и готовой к бою. И это та самая девчонка, которая, возможно, спасла меня, думала Джейн. Белла не была рослой, но состояла из сплошных мышц и была гибкой, словно пантера. Разглядывая ее, Джейн мысленно спрашивала: Ты ли то существо, что я видела сидящим на крыше? Ты ли та, кто спас мне жизнь в переулке?

На втором этаже Джейн проводила Беллу в комнату для допросов.

— Устраивайтесь поудобней. Я дам знать детективу Фросту, что вы здесь, — сказала она и оставила молодую женщину одну.

В смежной комнате Джейн обнаружила Фроста, наблюдающего за Беллой через одностороннее зеркало. Их гостья не выказывала ни капельки нервозности, она откинулась на спинку стула и закинула сапоги на стол. Запрокинув голову, Белла со скучающим видом разглядывала потолок.

— Она сказала что-нибудь интересное по пути наверх? — спросил Фрост.

Джейн помотала головой.

— Даже не спросила, зачем мы ее вызвали.

— А вот это интересно. Полагаешь, она знает, что мы в курсе?

— Полагаю, она пытается продемонстрировать, что ей наплевать.

В соседней комнате, Белла уставилось прямо в зеркало, в изогнутой брови и выражении ее лица безошибочно читалось: *Мы можем покончить с этим?*

Когда Джейн и Фрост вошли в комнату для допросов, Белла сняла ноги со стола, но не изменила вальяжной позы, скрестив руки на груди, пока монотонно отвечала на расспросы Джейн. Сначала последовали обманчиво простые вопросы: Имя? Белла Ли. Дата рождения? 18 мая. Род занятий? Инструктор по боевым искусствам. Белла демонстративно вздохнула, изображая безразличие. Но от следующего вопроса мышцы ее предплечья подернулись.

— Где вы были вчера вечером между шестью и девятью часами? — спросила Джейн.

Белла пожала плечами.

— Я была дома.

— Одна?

— Зачем вам это знать?

— Мы хотим проверить ваше местонахождение.

— Я полагала, что моя интимная жизнь конфиденциальна. Не понимаю, почему я должна ей с кем-нибудь делиться.

— Так кто был с вами в тот вечер? — спросил Фрост. — Можете назвать нам его имя?

— Почему вы сразу предположили, что меня интересуют мужчины? Вы и вправду считаете, что женщины не могут делать *это* лучше? — Она провокационно улыбнулась Джейн.

— Хорошо, — со вздохом произнесла Джейн. — Тогда как *ее* зовут?

Белла принялась разглядывать свои руки, изучая коротко подстриженные ногти.

— Там никого не было. Я была дома одна.

— Вы могли бы сказать об этом раньше.

— А вы могли бы сказать, почему допрашиваете меня здесь.

— Итак, вы были дома одна. Вы покидали свою квартиру на какой-нибудь промежуток времени?

— Не помню.

— Может быть, если мы покажем вам фото, то вспомните.

— Какое фото?

Фрост ответил:

— С камеры безопасности на Джеффрис Пойнт. Вы очень хорошо ускользали от камер видеонаблюдения, мисс Ли. Но вы не смогли заметить их всех.

Сначала Белла не нашлась, что ответить, но выражение ее лица не изменилось, а глаза оставались безмятежными, словно два лесных водоема.

— Мы знаем, что на видео вы, — соврала Джейн. Наклонившись ближе, она заметила, как подергиваются зрачки девушки, невольная реакция, говорящая лучше всяких слов. Белла может казаться невозмутимой, но ее внутренние «бей и беги» инстинкты находились в полной боевой готовности. — Мы знаем, что вы были на складе. Вопрос, зачем?

Девушка рассмеялась, впечатляющая демонстрация крепких нервов для человека, находящегося в столь явно невыгодном положении.

— Вы мне скажите. Поскольку вы, кажется, знаете все.

— Вы пришли туда, чтобы припугнуть Кевина Донохью.

— Зачем бы мне это делать?

— Сначала вы оставили записку с угрозами на его ветровом стекле. Затем ворвались на его склад. Отключили систему безопасности и телефонную линию.

— И все это я сделала сама?

— У вас большой опыт тренировок в боевых искусствах. Вы преподавали в одной из лучших академий мира на Тайване. — Джейн швырнула на стол папку. — Дело с записями ваших путешествий за последние пять лет.

Белла вздернула голову.

— На меня заведено дело?

— Можете посмотреть.

Белла открыла папку и с притворным безразличием полистала страницы.

— Итак, я въезжала и выезжала из страны. Разве мы, американцы, не можем путешествовать, куда захотим?

— Немногие американцы проводят пять лет в тайваньском монастыре, изучая древнее искусство ушу.

— Каждому свое.

— А вот и самая интересная часть. Вас спонсировала миссис Фэнг. Она не богата, но оплатила все годы вашего обучения. Ваши перелеты, ваши занятия. Почему?

— Она сказала, что у меня талант.

— Когда она его обнаружила?

— Мне было семнадцать и я жила на улицах, когда она нашла меня. Она вправила мне мозги и забрала с улицы, возможно, потому что я напоминала ее дочь.

— Так вот что вы делаете в Бостоне? Играете роль заменителя ее дочери?

— Я преподаю в ее студии. Мы практикуем особый стиль боевых искусств. И разделяем одну философию.

— И в чем заключается эта философия?

Белла посмотрела ей в глаза.

— В том, что справедливость — это общая обязанность всех.

— Справедливость? Или месть?

— Некоторые бы сказали, что месть — это всего лишь синоним справедливости.

Джейн не сводила взгляда с Беллы, пытаясь раскусить ее. Пытаясь понять, была ли она тем самым существом, что сидело на крыше склада. Белла была из плоти и крови, как и любая другая двадцатичетырехлетняя девушка, но она определенно не была заурядной. Джейн заметила проблеск необычности и дикости. Животного духа, который внезапно заставил ее податься назад, с зашевелившимися волосками на руках. Как будто она увидела в этих глазах нечто такое, что было не совсем человеческим.

Фрост прервал молчание.

— Мисс Ли, пришло время рассказать правду.

Белла бросила на него пренебрежительный взгляд.

— Какая часть моего рассказа была неправдой?

— Та часть, в которой говорится о причине, по которой Ирис Фэнг выбрала именно вас.

— Она могла выбрать любого.

— Но не выбрала. Она проделала весь этот путь до Сан-Франциско, чтобы найти одну конкретную семнадцатилетнюю девушку, чья мать недавно умерла. Девушку, которая сбежала из приемной семьи и жила на улице. Что такого особенно она в вас нашла?

Когда Белла не ответила, Джейн сказала:

— У нас есть ваши школьные записи из Калифорнии. Там не указан иммиграционный статус вашей матери.

— Моя мать мертва. Какое это теперь имеет значение?

— Она была нелегальной иммигранткой.

— Докажите это.

— А вы, Белла?

— У меня есть американский паспорт.

— В котором сказано, что вы родились в штате Массачусетс. Шесть лет спустя вас зачислили в государственную школу Сан-Франциско. Ваша мать работала горничной в отеле по поддельному номеру социального обеспечения. Почему вы уехали туда? Зачем вы обе внезапно сорвались с места и сбежали в Калифорнию? — Джейн наклонилась достаточно близко, чтобы увидеть свое отражение в ее бездонных глазах. — У меня есть чертовски хорошая идея насчет того, кто вы на самом деле. Я просто пока не могу это доказать. Но поверьте, я это сделаю. — Она взглянула на Фроста. — Предъяви ей ордер на обыск.

Белла нахмурилась.

— Ордер на обыск?

— Он дает нам право входа в ваше жилище, — ответил Фрост. — В данный момент в вашей квартире находится детектив Тэм с поисковой бригадой.

— И что вы надеетесь там обнаружить?

— Доказательства, связывающие вас с убийством неизвестной женщины, произошедшим в ночь на пятнадцатое апреля и неизвестным мужчиной вечером двадцать первого апреля.

Белла покачала головой.

— Жаль вас разочаровывать, но у меня имеется надежное алиби на пятнадцатое апреля. Я выступала на сцене, демонстрируя ушу в Чайнатауне. И у меня есть, как минимум, две сотни свидетелей.

— Мы это проверим. А пока, если вам нужен адвокат, самое время позвонить ему.

— Вы *арестовываете* меня? — Белла наклонилась вперед, движение было настолько неожиданным, что Джейн вздрогнула, полностью осознав, как быстро и смертоносно могла двигаться эта девушка. — Это, — тихо проговорила она, — очень *большая ошибка* .

Нечто мрачное, казалось, шевельнулось в глазах Беллы, словно существо, пробудившееся в черных как смоль глубинах.

— Расскажите нам, почему это ошибка и, возможно, мы пересмотрим свое мнение, — сказала Джейн.

Белла перевела дыхание, и ей словно завладел кто-то другой. Тот, кто смотрел глазами, холодными, словно полированный камень.

— Мне нечего больше сказать.

Квартира Беллы была чистой. Слишком чистой. Джейн стояла в гостиной, рассматривая ковер, на котором все еще оставались параллельные дорожки от пылесоса после последней уборки.

— Именно такой мы ее обнаружили, — сказал Тэм. — Кухня и ванная безупречно вычищены. Даже в мусорном бачке ни клочка бумаги. Словно здесь никто не живет. Либо у нее обсессивно-компульсивное расстройство[71] на почве уборки, либо она избавилась от

---

[71] Обсессивно-компульсивное расстройство — психическое расстройство, невроз навязчивых состояний. Может иметь хронический, прогрессирующий или эпизодический характер. При ОКР у больного невольно

улик.

— Откуда она могла узнать, что мы придем сюда?

— Тот, кто получает вызов в полицейское управление, должен догадываться, что его в чем-то подозревают. Должно быть, она поняла, что мы придем с обыском.

Джейн подошла к окну и посмотрела через безукоризненно сияющие стекла на улицу, где две пожилые женщины ковыляли по тротуару, держась за руки. На этом углу Тай Тун Виллидж в юной части Чайнатауна было тихо. Жилище Ирис Фэнг располагалось вверх по улице, в нескольких минутах ходьбы отсюда. Район создавал сильное впечатление своей собственной вселенной, и Джейн чувствовала себя в ней чужой. Это ощущение усиливал каждый взгляд, каждый нервный шепоток местных. Со своим полицейским жетоном и полномочиями Джейн была чужачкой, куда бы она не направлялась, белой вороной, которая могла оказаться в равной степени и лучшим другом, и злейшим врагом.

Она отвернулась от окна и зашла в ванную комнату, где на коленях стоял Фрост и прочесывал шкафчик под раковиной.

— Ничего, — произнес он и поднялся на ноги с раскрасневшимся от приседания лицом. — Ни волоска в ванной или раковине. Все, что я нашел в аптечке, лишь аспирин и упаковку эластичных бинтов. Словно никто здесь не живет.

— А мы можем быть уверены, что живет?

— Тэм разговаривал с соседом из смежной квартиры. Старикашкой, которому уже за восемьдесят. Он сообщил, что почти никогда не видел ее, но частенько слышит голоса. — Фрост постучал по стене. — Они чертовски тонкие.

— Голоса, во множественном числе?

— Возможно, телевизор. Она живет одна.

Джейн пробежалась взглядом по девственно чистой ванной.

— Если она и вправду здесь живет.

— Ну, кто-то же платит за аренду.

— Похоже, что этот кто-то также прошелся здесь с отбеливателем и пылесосом.

— Забавная штука получается с этим пылесосом. Мы не можем найти его, чтобы осмотреть пылесборник в поисках улик.

Джейн направилась в спальню, где обнаружила Тэма, который разговаривал по мобильному телефону. Он кивнул, когда Джейн вошла в комнату. Пол здесь был деревянный и чисто вымытый. Простыни и покрывала были сорваны, обнажая матрас. Опустившись на колени, Джейн заглянула под кровать и увидела, что пол под ней тоже сверкал. Пара ботинок прошла у нее перед глазами, и Джейн вскочила на ноги, заметив криминалиста, наблюдающего за ней поверх матраса.

— Мы не нашли никакого оружия, — сказал он. — Если не считать кухонных ножей.

— Вы не видели ничего, похожего на меч?

— Нет, мэм. Мы обшарили все шкафы и ящики. Отодвинули всю мебель и посмотрели за ней. — Он помолчал, оглядев голые стены. — Рискну предположить, что она здесь совсем недавно. Еще не успела обжиться.

— Если она вообще планирует здесь остаться.

— Здесь совсем немного одежды.

Джейн открыла шкаф и обнаружила не более десятка вещей на вешалках, все второго размера.[72] Три пары черных брюк, несколько темных свитеров и блузок, и одно летнее платье без рукавов из нежного шелка цвета персика. Это был гардероб временного жильца, который явно планирует съезжать. Девушки, которая оставалась для них загадкой. Джейн разглядывала платье, пытаясь представить Беллу Ли, одетую в нечто столь женственное, столь кокетливое, но не смогла. Вместо этого она увидела беспощадные глаза девушки и ее

появляются навязчивые, мешающие или пугающие мысли.

72 Второй размер женской одежды в США соответствует российскому 44-ому.

взъерошенные черные волосы.

— Мне жаль говорить об этом, — сказал Тэм, держа в руках свой мобильник. — Но у нее железное алиби на пятнадцатое апреля. Я поговорил с директором культурного центра. Тем вечером они проводили демонстрацию боевых искусств. Белла Ли выступала с восемью студентами из академии «Дракон и Звезды».

— Во сколько это было?

— Группа прибыла в шесть вечера, поужинала и вышла на сцену около девяти. Они пробыли там весь вечер, — он покачал головой. — Так что ничего не сходится, Риццоли.

— У нее нет алиби на двадцать первое апреля.

— Это не повод, чтобы задержать ее.

— Тогда давай найдем повод, черт возьми.

— Зачем? — Взгляд Тэма был таким пристальным, что она почувствовала себя неуютно.

Джейн отвернулась к шкафу, чтобы не смотреть ему в глаза.

— В ней есть нечто, заставляющее звенеть мои внутренние датчики. Я *знаю* , что она в этом замешана, но не знаю как.

— Все, что у нас есть, это видеозапись с женским силуэтом. Он может быть ее, а может и кого-то другого. У нас нет никакого оружия. У нас нет ни одного намека на улику.

— Потому что она отдраила это место с хлоркой, прежде чем мы сюда попали.

— Так что у нас есть помимо твоего шестого чувства?

— Оно отлично служило мне прежде. — Джейн потянулась к шкафу и начала шарить рукой в перчатке по карманам. Сама не понимая, что ищет. Она обнаружила лишь немного мелочи, пуговицу и сложенный носовой платок.

— Знаешь, а Тэм прав, — произнес Фрост, стоя в дверном проеме. — Мы обязаны отпустить ее.

— Не раньше, чем я разузнаю о ней побольше. О том, кто она на самом деле, — ответила Джейн.

— Мы всего лишь гадаем на кофейной гуще.

— А теперь давайте найдем то, что нам необходимо, чтобы доказать это. Здесь где-то должна быть зацепка. — Она подошла к окну спальни и выглянула на улочку. Рама была не заперта, и окно открыто достаточно, чтобы впускать в комнату свежий воздух. Пожарная лестница находилась справа и не заслоняла окно. Любая другая женщина бы нервничала из-за подобной небезопасности, но Белла Ли была бесстрашной и шагала по жизни, всегда готовая к битве. Ночью в своей постели просыпалась ли она от неясного шума за окном, от скрипа половиц? Или она и спала как воин, не боясь даже во сне?

Джейн отвернулась от окна и внезапно остановилась, задержав взгляд на занавеске. Ткань была пестрым полиэстером без единой морщинки, с рисунком из бежевых бамбуковых стеблей вперемешку с лесной зеленью. На этом разноцветном фоне серебристая нить была почти незаметна. Только из этой точки комнаты свет скользил по поверхности ткани, и Джейн смогла разглядеть волосок, зацепившийся за занавеску.

Она достала пакет для сбора улик из кармана. Боясь даже вздохнуть, она деликатно сняла ниточку с занавески и положила ее в пакет. Держа его на свету, она разглядывала сквозь пластик один-единственный волосок. Затем перевела взгляд на окно, за которым располагалась пожарная лестница.

Оно было здесь. Существо было в этой комнате.

Глава тридцать вторая

Охотник редко осознает, когда охотятся на него самого. Он шагает по лесу с винтовкой в руках, его глаза пристально вглядываются в снег, припорошивший землю, в поисках следов. Он идет по следу или сидит на дереве, ожидая, пока в его поле зрения появится медведь. Ему никогда не приходит в голову, что жертва может наблюдать за *ним* , дожидаясь

момента, пока тот ошибется.

Охотник, который преследует меня сейчас, не испытывает ни малейшего страха. Я кажусь обычной женщиной средних лет, мои волосы испещрены сединой, походка замедлена от усталости и веса сумок, набитых недельным запасом продуктов, которые я несу. Я шагаю по тому же самому маршруту, что и каждый вечер вторника. После шоппинга на китайском рынке на Бич-стрит я поворачиваю направо на Тайлер и держу курс на юг к моему тихому району Тай Дун Виллидж. Я опускаю голову, мои плечи поникли так, чтобы каждый, кто видит меня, подумал бы: *Вот идет жертва.* Не женщина, которая даст отпор. Не женщина, которую нужно бояться.

Но теперь мой противник знает, что ему следует быть осторожным, также как и я осторожна с ним. До сих пор мы только делали пробные выпады в сумерках, но еще ни разу не сталкивались, кроме как через его заместителей. Мы два охотника, все еще кружащие вокруг друг друга, и он должен сделать следующий шаг. Только тогда, когда он выйдет на свет, я узнаю его лицо.

Поэтому я шагаю по Тайлер-стрит, как и много раз до этого, размышляя, тот ли это самый вечер. Я никогда еще не чувствовала себя настолько уязвимой, и знаю, что следующий тур вот-вот начнется. Яркие огни улиц Бич и Нилэнд растворяются позади меня. Теперь я двигаюсь сквозь сумерки мимо темных подворотен и неосвещенных переулков, полиэтиленовые пакеты шелестят в такт моей ходьбе. Всего лишь усталая вдова, занимающаяся своим делом. Но я замечаю вокруг себя все, от дымки перед лицом до аромата кинзы и лука, доносящегося из моих сумок. Никто не следит за мной. Ни один наблюдатель. Сегодня я одна, мишень в ожидании первой стрелы.

Когда я подхожу ближе к дому, то вижу тьму вместо освещенного крыльца. Умышленный саботаж или всего лишь перегоревшая лампочка? Мои нервы встревожено гудят и сердце ускоряется, посылая кровь к мышцам, уже напрягшимся для боя. Затем я замечаю припаркованный автомобиль и вижу мужчину, который выходит поприветствовать меня. Мое дыхание вырывается наружу с вздохом как облегчения, так и раздражения.

— Миссис Фэнг? — говорит детектив Фрост. — Мне нужно с вами поговорить.

Я останавливаюсь у переднего крыльца, руки оттягиваются вниз под весом продуктов, и без улыбки смотрю на него.

— Сегодня я устала. И мне больше нечего сказать.

— По крайней мере, позвольте вам с этим помочь, — предлагает он, и прежде чем я успеваю возразить, он выхватывает продуктовые сумки из моих рук и несет их вверх по ступенькам к моему крыльцу. Там он ждет, пока я открою дверь. Он выглядит настолько искренним, что у меня не хватает духа отклонить его предложение.

Я отпираю дверь и впускаю его.

Пока я включаю свет, он относит мешки на кухню и водружает их на столешницу. Он стоит, засунув руки в карманы, и наблюдает, как я складываю острые травы и свежие овощи в холодильник, расставляю в застекленном буфете растительное масло, бумажные полотенца и банки куриного бульона.

— Я бы хотел извиниться, — говорит он. — И объяснить.

— Объяснить? — спрашиваю я, и это звучит, будто мне и вправду безразлично то, что он сказал.

— Насчет меча и того, зачем мы его забрали. В расследовании убийства мы должны изучить любые возможные варианты. Отследить каждую ниточку. Оружие, которое мы искали — это очень старинный меч, и я знал, что вы одним таким владеете.

Я закрываю дверцу буфета и поворачиваюсь к нему.

— Теперь вы, должно быть, осознали, что допустили ошибку.

Он кивнул.

— Меч будет вам возвращен.

— А когда отпустят Беллу?

— С этим намного сложнее. Мы все еще изучаем ее прошлое. Поэтому я надеюсь, вы

поможете нам, потому что знаете ее.

Я качаю головой.

— Когда мы разговаривали в прошлый раз, детектив, я была в роли подозреваемой, а мою семейную реликвию конфисковали.

— Я этого не хотел.

— Но, прежде всего вы полицейский.

— А вы ожидали, чтобы я был кем?

— Я не знаю. Другом.

Это заставляет его замолчать. Фрост стоит под резким светом кухонных ламп, который делает его старше, чем он есть. Тем не менее, он молод, достаточно молод, чтобы годиться мне в сыновья. Я не хочу думать о том, сколько возраста эти нелестные люминесцентные лампы прибавляют моему лицу.

— Я *бы* хотел быть вашим другом, Ирис, — говорит он, — если бы только…

— Если бы я не была подозреваемой.

— Я вас таковой не считаю.

— Тогда вы не делаете свою работу. Я могу оказаться убийцей, которого вы ищете. Вы можете вообразить это, детектив? То, как пожилая женщина, размахивая мечом, прыгает по крышам домов и разрубает противников? — я смеюсь ему в лицо, и он покрывается краской, словно я ударила его. — Возможно, вам стоит обыскать мой дом. Здесь может найтись еще один меч, хорошенько припрятанный. Оружие, о существовании которого вы не подозревали.

— Ирис, пожалуйста.

— Может быть, вернувшись, вы отчитаетесь перед своими коллегами, что подозреваемая стала враждебно настроена. Что ее больше не удается очаровать, и она не собирается выкладывать какую-либо информацию.

— Я здесь не за этим! В тот вечер, когда мы ужинали, я не пытался вас допросить.

— А что вы пытались сделать?

— Понять вас, вот и все. Кто вы, о чем вы думаете.

— Почему?

— Потому что вы и я… потому что… — Он тяжело вздохнул. — Я почувствовал, что нам обоим нужен друг, вот и все. Я знаю, что мне он нужен.

С минуту я внимательно рассматриваю его. Он не смотрит на меня, его взгляд блуждает вокруг, словно он не может заставить себя посмотреть мне в глаза. Не потому что он лжет, а потому что уязвим. Он, может быть, и полицейский, но его волнует мое мнение о нем. Сейчас я ничего не могу ему предложить, ни поддержки, ни дружбы, ни даже прикосновения к его руке.

— Вам нужен друг вашего возраста, детектив Фрост, — спокойно говорю я. — А не кто-то вроде меня.

— Я даже не замечаю вашего возраста.

— А я замечаю. И еще ощущаю его, — добавляю я, массируя воображаемую боль в шее. — И мою болезнь.

— Я вижу перед собой женщину, которая никогда не постареет.

— Скажите мне это через двадцать лет.

Он улыбается.

— Возможно, скажу.

В этот миг в воздухе дрожат невысказанные слова и чувства, которые заставляют нас обоих неудобно себя почувствовать. Он хороший человек, я вижу это по его глазам. Но нелепо думать, что мы могли бы когда-нибудь стать чем-то большим, нежели просто знакомыми. Не потому, что я почти на два десятка лет старше него, хотя уже одно это является препятствием. Нет, это из-за секретов, которыми я не могу с ним поделиться и которые разделяют нас по разные стороны пропасти.

Когда я провожаю его до двери, он говорит:

— Завтра я верну вам меч.

— А Белла?

— Есть вероятность, что ее отпустят утром. Мы не можем задержать ее на неопределенный срок без доказательств.

— Она не делала ничего плохого.

В дверях он останавливается и пристально смотрит на меня.

— Не всегда ясно, что правильно, а что нет, не так ли?

Я смотрю на него, думая: Знает ли он? Дает ли разрешение на то, что я собираюсь сделать? Но он всего лишь улыбается и уходит.

Я запираю за ним дверь. Разговор вывел меня из равновесия, не давал сосредоточиться. Что делает человека таким, размышляю я, поднимаясь по лестнице, чтобы переодеться. В очередной раз он заставляет меня подумать о своем муже. О его доброте, его терпении. Его открытой душе, с такой готовностью принимавшей любые возможности. Я слишком глупа, чтобы принять столь маловероятную дружбу? Я отвлеклась, обдумывая разговор, и упустила признаки, которые должны были меня насторожить. Вибрация воздуха. Слабый запах незнакомой плоти. Только когда я щелкаю выключателем в спальне и ничего не происходит, я внезапно понимаю, что не одна здесь.

Дверь спальни захлопывается за мной. В темноте я не вижу удар, направленный в мою голову, но мои инстинкты спасают меня. Что-то со свистом проносится чуть выше, когда я уклоняюсь от удара и тянусь к кровати, где спрятан мой меч. Не поддельная копия, которую я сдала полиции, а настоящая Чжэн И. На протяжении пяти веков она передавалась от матери к дочери, наследие, предназначенное оберегать нас, защищать нас.

Теперь больше чем когда-либо я нуждаюсь в ней.

Мой нападающий делает выпад, но я ускользаю, словно вода и скатываюсь на пол. Дотягиваюсь до пружины под ящиком, открывающей нишу с Чжэн И. Она ложится в руку, словно старый друг и издает музыкальный вздох, когда я достаю ее из ножен. Одним плавным движением я вскакиваю навстречу врагу. Скрип пола объявляет о его местонахождении справа от меня. В то время как я перемещаюсь для атаки, то слышу шаги, но они доносятся из-за спины.

Их двое.

Это последнее, о чем я успеваю подумать, прежде чем упасть.

Глава тридцать третья

Джейн присела возле кровати Ирис, изучая улики, и ей не понравилось то, о чем они говорили. На полу и краях простыней, куда упало тело, виднелись красные брызги. Потеря крови была минимальной, конечно, недостаточной для летального исхода. Поднявшись на ноги, она посмотрела вниз на размазанные капли там, где волочили тело. Она уже заметила гораздо больше крови на лестнице и на входном крыльце с открытой настежь дверью, оповестившей соседей Ирис о том, что здесь что-то нечисто.

Джейн повернулась к Фросту.

— Ты уверен насчет времени? Когда ты уходил вчера вечером, было девять часов?

Он кивнул, в его глазах виднелось потрясение.

— Я не видел никого поблизости, когда вышел из дома. А я припарковался прямо здесь.

— Зачем ты приезжал сюда?

— Чтобы поговорить с ней. Я неловко чувствовал себя из-за случившегося. Из-за того, что мы забрали меч.

— Ты пришел, чтобы извиниться за то, что делаешь свою работу?

— Временами, Риццоли, работа заставляет меня чувствовать себя полным засранцем, ясно? — огрызнулся он. — Взять хоть эту женщину, которая уже была жертвой. Она потеряла мужа и дочь. А мы превратили ее в подозреваемую. Мы допрашивали ее. Мы

делали ее жертвой снова и снова.

— Я не знаю, что представляет собой эта Ирис Фэнг. Я только знаю, что она с самого начала была центром всего этого. Все, что происходит, кажется, вращается вокруг *нее* . — Мобильный Джейн зазвонил. — Риццоли, — ответила она.

На том конце провода был Тэм.

— Кевин Донохью утверждает, что имеет алиби на прошлый вечер.

— А его люди?

— В этом и проблема. Они и есть друг другу алиби. Все трое клянутся, что они провели вечер вместе в особняке Донохью за просмотром телевизора. А это означает, что мы не можем верить ни единому слову, сказанному ими.

— Поэтому мы не можем исключать их причастность.

— В любом случае, у нас не получится доказать это в суде.

Джейн повесила трубку и разочарованно повернулась к окну. Внизу на улице три пожилых китаянки стояли и таращились на нее, болтая между собой. *Что они знают такого, о чем не говорят нам?* В Чайнатауне ничего не было явным, все оказывалось не тем, чем выглядело. Это было словно смотреть через шелковую сетку, не получая четкого изображения, полной картины.

Она повернулась к Фросту.

— Возможно, Белла наконец-то поговорит с нами. Пора выложить все карты на стол.

Сегодня Белла выглядела еще более враждебно, руки сжаты в кулаки, взгляд твердый как алмаз.

— Это произошло по вашей вине, — сказала она. — Я должна была находиться там. Я остановила бы это.

Джейн посмотрела в эти сверкающие глаза и внезапно представила молодую женщину прыгающую, словно дикая кошка и атакующую зубами и когтями. Но ее голос оставался спокойным, когда она произнесла:

— Так вы знали, что это произойдет? Вы знали, что они похитят ее?

— Мы теряем время! Я нужна ей.

— И как вы собираетесь ей помочь, если даже не знаете где она?

Белла раскрыла рот для возражения, затем взглянула на одностороннее зеркало, словно поняв, что за ними наблюдают и другие.

— Почему бы нам не начать с самого начала, Белла, — сказала Джейн. — С того, кто вы на самом деле. Не с имени, которым вы называетесь в Калифорнии, а именем, данным вам при рождении. — Джейн положила на стол фотокопии свидетельства о рождении. — Оно подписано врачом из Китайского квартала. Вы родились здесь, в Бостоне. Роды на дому по адресу на Напп-стрит. Имя вашего отца было Ву Вэйминь.

Белла не ответила, но в ее глазах Джейн прочла подтверждение. Не то чтобы она в нем нуждалась, документ был всего лишь доказательством номер один. Джейн достала фотокопии других документов. Записи из государственной школы Сан-Франциско, где девушка была зарегистрирована под именем Белла Ли. Свидетельство о смерти ее матери, которая проходила под именем Энни Ли, умершей в возрасте сорока трех лет от рака желудка. Все было сказано черным по белому, документальное свидетельство, которое команда Джейн упорно разыскивала последние сорок восемь часов, след, скрывшийся в той эпохе «до 11 сентября» под разными юрисдикциями и тайном мире, куда уезжают иностранцы без документов. В мире, где одинокая мать и ребенок так легко исчезают и вновь появляются уже под новыми именами.

— Почему вы вернулись в Бостон? — спросила Джейн.

Белла посмотрела ей в глаза.

— *Сифу* Фэнг попросила меня приехать. Она не очень хорошо себя чувствовала и ей нужен был другой инструктор для ее школы.

— Да, эту историю ты уже нам рассказывала.

— А есть другая история?

— Это не имеет ничего общего со случившемся в «Красном Фениксе»? Ничего общего с вашим отцом, убившим четырех человек?

Лицо Беллы напряглось.

— Мой отец был невиновен.

— Не в соответствии с официальным отчетом.

— А официальные отчеты никогда не ошибаются.

— Если это не так, тогда в чем правда?

Белла отвела взгляд.

— Он был убит.

— Это то, что ваша мать сказала вам?

— Моей матери там не было!

Джейн замолчала, внезапно уловив невысказанное значение этих последних слов: *моей матери там не было* . Она вспомнила сияние люминола на ступеньке подвала, кровавый отпечаток детской туфельки.

— Но кто-то был там, — тихо произнесла Джейн. — Кто-то прятался в подвале, когда это произошло.

Белла выглядела абсолютно ошарашенной.

— Откуда вы…

— Кровь рассказала нам. Даже если вы и пытаетесь смыть ее, следы все равно остаются. Десятилетия спустя мы увидели ее при помощи химического спрея. Мы нашли отпечатки твоих ног на ступенях подвала и на полу кухни, которые вели к выходу. Следы, что кто-то оттер до того, как приехала полиция. — Джейн придвинулась ближе. — Почему ваша мать сделала это, Белла? Почему она пыталась уничтожить улики?

Белла не ответила, но Джейн разглядела на ее лице внутреннюю борьбу, выбор между тем, чтобы сказать правду или сохранить ее в тайне.

— Она сделала это, чтобы защитить вас, не так ли? — спросила Джейн. — Потому что вы видели, что произошло, и она боялась за вас. Боялась, что кто-то придет за вами.

Белла покачала головой.

— Я этого не видела.

— Вы же там были.

— Но я не *видела* ! — Белла расплакалась. На мгновение ее гнев, казалось, повис в воздухе между ними. Ее голова поникла и она прошептала: — Но я слышала.

Джейн не задавала никаких вопросов и не перебивала. Она просто ждала историю, которая, как она уже поняла, сейчас будет рассказана.

Белла сделала еще один вдох.

— Моя мама спала в постели. Она всегда слишком уставала после целого дня работы в продуктовом магазине. И той ночью она болела гриппом. — Белла уставилась на стол, словно все еще видела изображение своей матери, забившейся под одеяло в кровати. — Но я не была уставшей. Поэтому я выбралась из постели. Я спустилась вниз повидать папочку.

— В ресторан.

— Конечно, он рассердился на меня. — Ее рот скривился в грустной улыбке. — Он был там, жонглируя горшками и кастрюлями. А я требовала внимания и мороженого. Он велел возвращаться назад в кровать. Он был занят, и у него не было на меня времени. У дяди Фэнга на меня тоже времени не нашлось.

— Мужа Ирис?

Белла кивнула.

— Он был в обеденном зале. Я подглядела через дверь и увидела, что он сидит за столом с мужчиной и женщиной. Они пили чай.

Джейн нахмурилась, размышляя, зачем бы официанту сидеть с двумя клиентами. Это проясняло одну головоломку про супругов Мэллори: Зачем они пришли в китайский ресторан, ведь вскрытие показало, что они перед этим поужинали итальянской пищей?

— О чем они говорили? — спросила Джейн. — Мистер Фэнг и два клиента?

Белла покачала головой.

— На кухне было слишком шумно, чтобы расслышать что-нибудь из обеденного зала. Мой отец громыхал горшками. Шумела вытяжка.

— Вы видели, как Джоуи Гилмор пришел сделать заказ на вынос?

— Нет. Все, что я помню — это мой отец, работающий у печи. Вспотевший. И его старую футболку. Он всегда работал в своей футболке… — Ее голос дрогнул, и она потерла рукой глаза. — Мой бедный отец. Работал, всегда работал. Его руки были испещрены шрамами от многочисленных ожогов и порезов на кухне.

— Что произошло потом?

Рот Беллы изогнулся в печальной улыбке.

— Мне хотелось мороженого. Я хныкала, требуя внимания, пока он пытался наполнить коробочки с заказами на вынос. В конце концов он сдался. Сказал, чтобы я спустилась по лестнице и выбрала мороженое в морозильной камере.

— В подвале?

Она кивнула.

— О, я очень хорошо знала этот подвал. Я спускалась туда множество раз. В углу стояла большая морозильная камера. Мне пришлось встать на стул, чтобы поднять крышку. Я помню, что высматривала внутри мороженое со вкусом, которого мне хотелось. Они были в таких маленьких картонных стаканчиках с прикрепленной ложечкой. Я хотела мороженое с шоколадными полосками, ванилью и клубникой. Но никак не могла найти ни одного такого. Я все копалась и копалась среди этих стаканчиков, но все они были ванильными. Ничего, кроме ванили. — Она перевела дыхание. — И тогда я услышала, как мой отец громко позвал.

— Кого?

— Меня. — Белла подняла голову и сморгнула слезы. — Он кричал, чтобы я пряталась.

— Должно быть, его слышали все в ресторане.

— Он говорил по-китайски. Убийца ничего не понял, иначе пришел бы за мной. Он бы знал, что я в подвале.

Джейн бросила взгляд на одностороннее зеркало. Она не могла видеть Фроста и Тэма, но представляла их удивленные лица. Вот и недостающая глава истории. Подсказки все это время были на ступеньке подвала и полу кухни, но отпечатки ног молчали. Только Белла дала им голос.

— И вы спрятались? — спросила Джейн.

— Я не понимала, что происходит. Слезла со стула и стала подниматься вверх по лестнице, но затем остановилась. Я услышала, как он умолял. Просил пощады на ломаном английском. Именно тогда я поняла, что это была не игра, не некая шутка, при помощи которой он меня разыгрывал. Мой отец не обманывал. — Белла сглотнула, и ее голос понизился. — Поэтому я сделала то, что он велел. Я не издала ни звука. Нырнула под лестницу. Услышала, как что-то упало. А потом громкий хлопок.

— Сколько всего было выстрелов?

— Только один. Тот самый хлопок.

Джейн подумала об оружии, найденном в руке Ву Вэйминя, «Глоке» с резьбовой втулкой. Убийца использовал глушитель, чтобы скрыть звук первых восьми выстрелов. Только расправившись со своими жертвами, он снял глушитель, вложил пистолет в безжизненную руку Вэйминя и выпустил последнюю пулю, обеспечив, чтобы на коже жертвы обнаружили следы пороха.

Идеальное преступление, подумала Джейн. За исключением того, что остался свидетель. Безмолвная девочка, забившаяся под ступеньки подвала.

— Он погиб из-за меня, — прошептала Белла. — У него была возможность убежать, но он не мог меня бросить. Поэтому и остался там. Отец умер прямо у двери подвала. Загораживая его своим телом. Мне пришлось наступить в кровь, чтобы обойти его. Если бы я не пришла туда в ту ночь, выклянчивая свое проклятое мороженое, мой отец был бы жив.

Теперь Джейн все поняла. Почему Ву Вэйминь не убежал, пока была возможность. Почему на кухонном полу лежали две гильзы. Решил ли киллер представить все как самоубийство в самую последнюю минуту, пока стоял над телом повара? Ведь так просто обернуть пальцы мертвеца вокруг рукоятки и выстрелить последний раз. Оставить оружие в руке Вэйминя и выйти за дверь.

— Вам надо было рассказать полиции, — сказала Джейн. — Это бы все изменило.

— Не изменило бы. Кто бы поверил пятилетней девочке? Девочке, которая даже не видела лицо убийцы. И моя мать не дала мне сказать и слова. Она боялась полиции. *Ужасалась* — вот слово получше.

— Почему?

Челюсть Беллы сжалась.

— Неужели не догадываетесь? Моя мать находилась здесь незаконно. Как вы считаете, что бы произошло, если бы полиция обратила на нас пристальное внимание? Она думала о моем и своем будущем. Мой отец был мертв. И мы ничего не смогли бы сделать, чтобы это изменить.

— А как насчет справедливости? Оно не было частью уравнения?

— Не тогда. Не в ту ночь, когда все, о чем она могла думать, это как сохранить безопасность нам обеим. Если убийца знал, что остался свидетель, он мог прийти за мной. Именно поэтому она стерла отпечатки моих ног. Вот почему мы собрали чемоданы и уехали двумя днями позже.

— Ирис Фэнг знала об этом?

— Тогда нет. Узнала только спустя несколько лет, когда моя мать умирала от рака желудка. За месяц до смерти она написала *Сифу* Фэнг и рассказала ей правду. Но спустя столько лет мы ничего не могли доказать, ничего не могли изменить.

— Но вы пытались, верно? — спросила Джейн. — Последние семь лет вы или Ирис рассылали некрологи семьям погибших. Оживляли их воспоминания и боль. Рассказывали им о том, что истина не раскрыта.

— Она и *не была* раскрыта. Они должны знать об этом. Вот зачем мы отправляли письма, чтобы они стали задаваться вопросами. Это был единственный способ узнать, кем был убийца.

— Значит, вы и Ирис пытались заставить его раскрыть себя. Отправляли послания семьям жертв и Кевину Донохью, намекая, что правда вот-вот откроется. Публиковали объявление в *«Бостон Глоуб»,* надеясь, что убийца забеспокоится и начнет атаковать. И каким был последующий план? Отдать его нам? Или взять правосудие в свои руки?

Белла рассмеялась.

— Как бы мы смогли это сделать? Мы *всего лишь* женщины.

Теперь смеяться настала очередь Джейн.

— Словно я когда-нибудь *вас* недооценивала. — Джейн пошарила в своем портфеле и достала старинный китайский народный роман об *Обезьяне* в переводе Артура Уэйли.[73] — Уверена, вы слышали о Царе Обезьян.

Белла пробежала взглядом по книге.

— Китайские народные сказки. Какое отношение они имеют ко всему этому?

— Одна глава из этой книги особенно привлекла мое внимание. Она называется «История Чэнь Э». В ней рассказывается об ученом, который путешествовал со своей беременной женой. На переправе на них напали бандиты и убили мужа. Его жена была похищена. Вы знаете эту историю?

Белла пожала плечами.

— Слышала о ней.

---

[73] Артур Уэйли (1889–1966) — английский переводчик-ориенталист, закончил Кембридж, работал в Британском музее. Переводил «Повесть о Гэндзи Мурасаки Сикибу», «Записки у изголовья Сэй Сенагон», «Дао Дэ Цзин», сочинения Конфуция, стихи Бо Цзюйи, Трипитаку и многое другое.

— Тогда вы знаете, чем все обернулось. Жена рожает сына, пока находится в неволе и втайне кладет его на деревянный плот с письмом, объясняющим ее ситуацию. Словно младенец Моисей, ребенок плывет по течению реки. Его вылавливают в храме на Золотой Горе, где он растет праведником. Когда он вступает в пору зрелости, то узнает правду о своих родителях. О зарезанном отце и неволе матери.

— И какой в этом смысл?

— Смысл содержится здесь, в словах, сказанных юношей. — Джейн нашла страницу и прочитала цитату. — *«Тот, кто не может отомстить за зло, причиненное родителям, недостоин называться мужчиной».* — Она посмотрела на Беллу. — Вот в чем все дело, не так ли? Вы словно сын из этой истории. Преследуете убийцу своего отца. Отомстить за него — дело чести. — Джейн положила книгу перед Беллой. — Это именно то, что сделал бы Царь Обезьян, он бы боролся за справедливость. Защищал невинных. Мстил за отца. О, Обезьяне дозволяется внести в процесс немного неразберихи. Он может разбить весь китайский фарфор и поджечь мебель. Но в итоге справедливость восторжествует. Он всегда *поступает правильно* .

Белла не произнесла ни слова, уставившись на иллюстрацию обезьяны-воина, размахивающего своим посохом.

— Я полностью вас понимаю, Белла, — сказала Джейн. — В этой истории вы не злодейка. Вы дочь жертвы, дочь, которая хочет того, что не смогла дать полиция. Справедливости. — Она понизила голос до сочувственного шепота. — Вот что вы и Ирис пытались сделать. Выманить убийцу. Заставить его нанести удар.

Она сейчас увидела намек на кивок? Непроизвольное согласие Беллы с тем, что это правда?

— Но план сработал не совсем так, — сказала Джейн. — Когда он нанес удар, то нанял профессионалов, чтобы они убили вместо него. Поэтому вы все еще не знаете, кто он такой. А теперь он похитил Ирис.

Белла подняла глаза, в которых полыхала ярость.

— Все пошло не так из-за *вас* . Я должна была находиться там и приглядывать за ней.

— Она была приманкой.

— Она была готова взять на себя риск.

— И вы двое собирались вершить правосудие сами?

— А кто еще бы это сделал? Полиция? — Смех Беллы был горьким. — Все эти годы их это не беспокоило.

— Вы ошибаетесь, Белла. Мне вот чертовски не все равно.

— Тогда отпустите меня, чтобы я смогла найти ее.

— Вы понятия не имеете, с чего начать.

— А вы? — парировала Белла.

— Мы рассматриваем нескольких подозреваемых.

— И все это время Вы держите меня взаперти безо всякой причины.

— Я расследую два убийства. Вот моя причина.

— Они же были наемными убийцами. Вы сами так сказали.

— От этого их смерть не перестает быть убийством.

— У меня есть алиби на первое из них. Вы же *знаете* , что я не убивала ту женщину на крыше.

— Тогда кто же?

Белла посмотрела на книгу, ее рот дернулся.

— Возможно, это был Царь Обезьян.

— Я имею в виду реальных людей.

— Вы говорите, что я подозреваемая, но знаете, что я не могла убить ту женщину. Вы с таким же успехом можете обвинять и некое мифическое существо, потому что шансы доказать это совершенно одинаковы. — Белла посмотрела на Джейн. — Вы же знаете, как начинается сказка, верно? Как Сунь Укун вышел из камня и превратился в воина? В ночь,

когда был убит мой отец, я вышла из того каменного погреба, как и *Обезьяна* . Я тоже превратилась. Стала тем, кем являюсь сейчас.

Джейн смотрела в самые жесткие глаза из тех, что она когда-либо видела. Она попыталась представить Беллу пятилетней и напуганной, но не могла разглядеть никаких следов ребенка в этом ожесточенном существе. *Если бы я стала свидетелем убийства кого-то, кого люблю, изменило бы это меня?*

Джейн поднялась.

— Вы правы, Белла. У меня недостаточно улик, чтобы удерживать вас здесь. Пока еще недостаточно.

— Вы имеете в виду… Вы позволяете мне уйти?

— Да, вы можете идти.

— И за мной не будут следить? Я вольна делать, что захочу?

— И что именно это означает?

Белла поднялась со стула, словно львица, разминающаяся перед охотой, и две женщины уставились друг на друга.

— Все, что потребуется, — ответила она.

Глава тридцать четвертая

Я слышу, как он дышит в темноте за слепящим светом, бьющим мне в глаза. Он не позволяет увидеть свое лицо; все, что я о нем знаю — его голос вкрадчив, словно елей. Но я не иду ему навстречу, и он начинает сердиться, потому что понимает — я не из тех, кого легко сломить.

Сейчас он волнуется еще и из-за персонального следящего устройства, которое обнаружил на моей лодыжке. Он отключил его, сняв аккумулятор.

— На кого вы работаете? — спрашивает он. Он подносит устройство к моему лицу. — Кто за вами следил?

Несмотря на мою разбитую челюсть и распухшие губы, я нахожу силы ответить хриплым шепотом:

— Кое-кто, с кем тебе явно не хотелось бы встречаться. Но скоро придется.

— Не придется, если они не смогут вас найти. — Он бросает следящее устройство, и оно падает на пол со звуком сокрушившихся надежд. Я все еще была без сознания, когда он забрал его, поэтому не знаю, в какой момент устройство перестало работать. Может быть, задолго до того, как меня привезли сюда, а это означает, что меня никто не найдет. И здесь я умру.

Я даже не знаю, где нахожусь.

Мои запястья прикованы наручниками к скобам на стене. Под босыми ногами бетонный пол. Никакого освещения, кроме того, которым он светит мне в глаза, ни намека на солнечный свет, пробивающийся через окно. Возможно, сейчас ночь. Или, может быть, это место, куда никогда не проникает свет, откуда никто не услышит криков. Я щурюсь от яркого света, пытаясь рассмотреть это место, но существует лишь это ослепляющее сияние и тьма за его пределами. Мои руки подергиваются от желания схватиться за оружие, чтобы завершить то, чего я ждала так много лет.

— Вы ищете свой меч, не так ли? — говорит он и проводит лезвием на свету так, чтобы я могла это видеть. — Прекрасное оружие. Достаточно острое, чтобы отрубить пальцы, не приложив и толики усилий. Это им вы убили их? — Он взмахивает лезвием, и оно свистит у моего лица. — Слышал, ее рука была отрезана чисто. А его голова снесена одним ударом. Двое профессиональных убийц, и оба были застигнуты врасплох. — Он подносит лезвие к моей шее, прижимая его так сильно, что пульсирующая вена заставляет металл вибрировать. — Может, нам стоит посмотреть, что этот меч сделает с *вашим* горлом?

Я не шевелюсь, мой взгляд сосредоточен на черном овале его лица. Я уже примирилась с мыслью о смерти, поэтому готова к ней. По правде говоря, я была готова умереть еще

девятнадцать лет назад и взмах клинка освободит меня, чтобы я, наконец-то, смогла присоединиться к своему мужу. Эту встречу я откладывала только из-за незаконченного дела. Поэтому сейчас я чувствую не страх, а сожаление, что мне это не удалось. Что этот человек никогда не ощутит прикосновение моего меча к своему горлу.

— Той ночью в «Красном фениксе» остался свидетель, — говорит он. — Кто это был?

— Ты и правда думаешь, что я бы тебе рассказала?

— Значит, кто-то все же был.

— И он никогда не забудет.

Меч глубже вжался в мою шею.

— Назовите мне имя.

— Ты все равно убьешь меня. Зачем бы мне это делать?

Долгое молчание, затем он отодвигает клинок от моей кожи.

— Давайте заключим сделку, — произносит он спокойно. — Вы скажете мне, кем был этот свидетель. А я расскажу, что произошло с вашей дочерью.

Я пытаюсь осознать то, что он только что сказал, но тьма внезапно закружилась вокруг меня, а пол будто растворился под ногами. Он видит мое замешательство и смеется.

— Вы и понятия не имели, что все это случилось из-за нее. Лора, так ее звали? Ей было около четырнадцати. Я помню ее, потому что она была первой, кого я выбрал. Прелестная крошка. Длинные черные волосы, узкие бедра. И такая доверчивая. Было нетрудно уговорить ее сесть в машину. Она тащила все эти тяжеленные книги и свою скрипку, и была благодарна, когда я предложил подвезти ее до дома. Все это было невероятно просто, потому что я был другом.

— Я тебе не верю.

— Зачем мне лгать?

— Тогда скажи мне, где она.

— Сначала назовите свидетеля. Скажите мне, кто был тогда в «Красном фениксе». Тогда я расскажу вам, что случилось с Лорой.

Я все еще пытаюсь справиться с этим откровением, стараюсь понять, откуда этот мужчина знает о судьбе моей дочери. Она исчезла за два года до того, как мой муж умер при перестрелке. Я никогда не предполагала, что между этими двумя событиями существует связь. Считала, что судьба просто нанесла двойной удар, некое кармическое наказание за поступки, совершенные в прошлой жизни.

— Она была такой талантливой девочкой, — говорит вкрадчивый голос. — В то воскресенье мы репетировали, и я понял, что хочу ее. Концерт Вивальди для двух скрипок с оркестром. Вы помните, как она разучивала его?

Его слова разносят мое сердце на осколки, точно взрыв, потому что теперь я знаю, он говорит правду. Он слышал, как играет моя дочь. Он знает, что с ней произошло.

— Назовите мне имя свидетеля, — повторяет он.

— Все, что я тебе скажу, — спокойно произношу я, — это то, что ты покойник.

Удар обрушивается без предупреждения, такой сильный, что моя голова откидывается назад и череп ударяется о стену. Сквозь шум в ушах я слышу, как он говорит мне слова, которых я не хочу слышать.

— Она продержалась семь или восемь недель. Дольше, чем другие. Она казалась хрупкой, но да, она была сильной. Подумайте об этом, миссис Фэнг. Целых два месяца пока полиция разыскивала ее, она все еще оставалась жива. Просила отпустить ее домой к своей мамочке.

Мое самообладание разбивается вдребезги. Я не могу сдержать слез, не могу подавить рыданий, которые сотрясают мое тело. Они звучат, словно вопли раненого животного, дико и чужеродно.

— Я могу *положить этому конец* , миссис Фэнг, — говорит он. — Могу ответить на вопрос, мучивший вас все эти годы. Куда подевалась Лора? — Он наклоняется ближе. Хотя я не могу разглядеть лица, но чувствую его запах, полный агрессии. — Скажите мне то, что я

хочу узнать, и я дам вам успокоение.

Все происходит прежде, чем я успеваю даже подумать об этом, дикая реакция, удивившая нас обоих. Он отдергивается, задыхаясь от отвращения, пока стирает плевок со своего лица. Я ожидаю еще одного удара и готовлю себя к боли.

Ничего не происходит. Вместо этого он наклоняется и подбирает мое устройство слежения, которое ранее швырнул на пол. Он машет им перед моим лицом.

— На самом деле вы мне не нужны, — говорит он. — Все, что необходимо сделать — это заменить аккумулятор и снова включить его. И мне останется только подождать и посмотреть, кто придет.

Он выходит из комнаты. Я слышу, как захлопывается дверь, и шаги поднимаются по ступеням.

Горе — мой единственный спутник, терзает меня острыми как бритва зубами так, что я рыдаю и выкручиваю наручники, сдирая кожу на запястьях. Моя дочь была у него. Он удерживал ее. Я вспоминаю ночи после исчезновения Лоры, когда мой муж и я обнимали друг друга, не осмеливаясь произнести вслух то, о чем думали. *Что, если она мертва?* Теперь я понимаю, что реальность была намного хуже всего, что мы могли себе вообразить: она все еще оставалась жива. Что все эти два месяца, пока Джеймс и я чувствовали, как умирает надежда и на ее место приходит отчаяние, наша Лора все еще дышала. Все еще страдала.

Я оседаю, совершенно изнуренная, и мои крики стихают до завываний. Безумная мысль заставляет меня онеметь. Опираясь о бетонную стену, я пытаюсь соединить только что сказанное им с тем, что я уже знала: спустя два года после исчезновения дочери мой муж и еще четыре человека были убиты в ресторане «Красный феникс». Как эти события могли быть связаны и что их объединяло? Этого он так и не объяснил.

Я изо всех сил стараюсь вспомнить все, что он говорил, выискивая подсказки через пелену горя. Внезапно одно предложение всплывает в моей голове, слова, мгновенно заморозившие кровь в моих венах.

Она продержалась семь или восемь недель. Дольше, чем другие.

В моей голове зарождается осознание. *Другие.*

Моя дочь была не единственной.

Глава тридцать пятая

Что узнал детектив Ингерсолл и почему его за это убили?

Этот вопрос мучил Джейн в конце дня, пока она сидела и просматривала записи об убийстве Ингерсолла. На ее столе были разложены фотографии с места преступления, баллистические и трасологические[74] отчеты, списки вызовов с сотового и стационарного телефонов Ингерсолла и выписки с его банковской карты. По словам Донохью, заказ на убийство Ингерсолла поступил несколько недель назад, сразу после того, как он начал задавать вопросы о пропавших девочках. Все случаи были давними исчезновениями в пределах штата Массачусетс. Она посмотрела на фотографию тела Ингерсолла и подумала: Что за чудовище ты разбудил?

И что связывает пропавших девочек с «Красным фениксом»?

Она потянулась к папкам тех девочек. Ей были хорошо знакомы детали исчезновения Лоры и Шарлотты, поэтому она сосредоточилась на трех других случаях. Все жертвы были хорошенькими и миниатюрными. Все были отличницами. Все были талантливыми.

Патти Боулз и Шерри Танака участвовали в турнирах по теннису. Дебора Шиффер и Патти Боулз выставлялись на художественных выставках. Дебора Шиффер играла на

---

[74] Баллистическая экспертиза — изучение применения огнестрельного оружия. Трасологическая экспертиза — изучение отпечатков и следов, как материальных, так и психологических.

пианино в школьном оркестре. Но ни одна из них не была знакома друг с другом, по крайней мере, со слов их родителей. И все были разного возраста, когда пропали. Шерри Танака было шестнадцать лет. Деборе Шиффер тринадцать. Патти Боулз пятнадцать. Одна училась в средней школе, две в высшей.[75]

Джейн задумалась над этим. Припомнила, что Лоре Фэнг, когда та пропала, было четырнадцать. Она составила список в порядке исчезновения девочек.

Дебора Шиффер, тринадцать лет.

Лора Фэнг, четырнадцать лет.

Патти Боулз, пятнадцать лет.

Шерри Танака, шестнадцать лет.

Шарлотта Дион, семнадцать лет.

Это было все равно что глазеть на флеш-рояль.[76] Каждый год разные девочки разного возраста. Словно пристрастия похитителя взрослели с каждым прошедшим годом.

Она потянулась за папкой с последними фотографиями Шарлотты, снятой на двойных похоронах ее матери и отчима. Снова пролистала их в порядке, отснятом фотографом *«Бостон Глоуб »*. Бледная и стройная Шарлотта в своем черном платье, окруженная скорбящими людьми. Шарлотта отходит подальше от толпы, пока Марк Мэллори, сводный брат, вглядывается в ее сторону. Фото, на котором нет Шарлотты и Марка, а ее отец Патрик выглядит смущенным их внезапным исчезновением. Наконец, Джейн открыла последний снимок, где оба снова вернулись в кадр. Марк шел за Шарлоттой. Высокий и широкоплечий, он с легкостью мог справиться со своей сводной сестрой.

С каждым годом девочка старше предыдущей.

Год, когда исчезла Дебора Шиффер, был как раз годом после свадьбы Дины и Артура Мэллори, они поженились, образовав новую и преобразованную семью, со всеми совместными мероприятиями, которое это за собой повлекло. Школьные собрания. Выступления оркестра. Теннисные турниры на приз штата.

Вот как были выбраны жертвы? Через Шарлотту?

Джейн подняла трубку и позвонила Патрику Диону.

— Извините, что беспокою вас во время обеда, — сказала она. — Но возможно ли мне снова взглянуть на школьные ежегодники Шарлотты?

— Всегда пожалуйста в любое время. Появилось что-то новое?

— Я не уверена.

— А что именно вы ищете? Возможно, я смогу помочь.

— Я много думала о Шарлотте. О том, могла ли она быть ключом ко всему произошедшему.

Она услышала, как Патрик печально вздохнул в телефонную трубку.

— Моя дочь всегда была ключом, детектив. К моей жизни, ко всему, что имеет для меня значение. Не существует ничего, что я желал бы больше, чем узнать, что с ней произошло.

— Я понимаю, сэр, — мягко произнесла Джейн. — Знаю, что вы хотите ответа, и я думаю, что смогу вам его дать.

Он открыл дверь в мешковатом свитере, хлопковых слаксах и шлепанцах. Лицо

---

[75] Система школьного образования США отличается от российской — средние школы (middle schools, junior high schools, или intermediate schools), как правило, обучают детей с шестого по восьмой класс. Высшая школа (high school) — это классы от девятого до двенадцатого. Такого, как в России, когда все дети от 7-ми до 17-ти лет учатся в одной школе, в Америке нет.

[76] Флеш-рояль или королевский флеш — старшинство карточных комбинаций в покере, состоящее из карт от десятки до туза одной масти. Видимо, Джейн имеет в виду, что убийца собрал коллекцию из девочек одного типажа всех возрастов от тринадцати до семнадцати.

Патрика, как и его пуловер, было обвисшим и помятым, в каждой складочке глубоко отпечаталось давнее горе. И Джейн явилась сюда, чтобы освежить ужасные воспоминания. Из-за этого она чувствовала себя виноватой, и когда они обменялись рукопожатием, она задержала свою руку чуть дольше положенного, давая понять, что сожалеет.

Он печально кивнул Джейн и повел ее в столовую, шаркая шлепанцами по деревянному полу.

— Я приготовил для вас ежегодники, — проговорил он, показывая на томики на обеденном столе.

— Я только заберу их и поеду. Спасибо.

— Боже мой. — Он нахмурился. — Если возможно, я бы предпочел, чтобы вы не выносили их из дома.

— Обещаю, я буду обращаться с ними крайне бережно.

— Не сомневаюсь, но… — Он положил руку на стопку книг, словно благословляя ребенка. — Это то, что осталось от моей дочери. И, знаете, тяжело отдавать это кому-либо. Я боюсь, что они потеряются или порвутся. Что кто-то может выкрасть их из вашей машины. Или вы попадете в аварию и… — Он замолчал и печально покачал головой. — Я ужасен, да? Оцениваю стопку книг настолько высоко, что думаю только о том, не случится ли *с ними* чего. А ведь это всего лишь картон и бумага.

— Они имеют для вас большую ценность. Я понимаю.

— Так, может, вы могли бы уступить мне? Вы прекрасно сможете здесь расположиться и сидеть столько, сколько потребуется, чтобы просмотреть их. Могу я вам что-нибудь предложить? Стакан вина?

— Благодарю, но я на дежурстве. И мне еще ехать домой.

— Тогда кофе.

Джейн улыбнулась.

— Это было бы замечательно.

Пока Патрик отправился на кухню варить кофе, она уселась за обеденным столом и разложила перед собой книги. Он принес их все, включая томики из начальной школы Шарлотты. Она отложила их в сторону и открыла ежегодник первого года обучения Шарлотты в академии Болтон, когда та училась в седьмом классе. На фото обнаружилась блондинка хрупкого телосложения с брекетами на зубах. Подпись гласила: ШАРЛОТТА ДИОН. ОРКЕСТР, ТЕННИС, РИСОВАНИЕ. Джейн пролистала ежегодник до фотографий старшеклассников и нашла фото Марка Мэллори, на тот момент десятиклассника. Ему было пятнадцать, и в его списке интересов были указаны оркестр, лакросс, шахматы, фехтование, драма. Вот что их свело вместе — музыка, которая изменила их жизни и их семьи. Дионы и Мэллори встретились, потому что их дети выступали на школьном концерте. Они подружились. Потом Дина бросает Патрика ради Артура, и для них уже ничего не будет как прежде.

— Вот, держите, — произнес Патрик, внося поднос с кофейником. Он наполнил для нее чашку и поставил сахар и сливки на стол. — Вы должно быть проголодались. Я могу сделать сэндвич.

— Не стоит, все и так замечательно, — ответила она, потягивая горячий кофе. — У меня был поздний обед, а поужинаю я, когда вернусь домой.

— Должно быть, у вас очень понимающая семья.

Она улыбнулась.

— Мой муж прекрасно знал, на что подписывается, когда женился на мне. И вы очень кстати о нем напомнили.

Она достала свой мобильник и быстро набрала сообщение Габриэлю: ДОМА БУДУ ПОЗДНО. НАЧИНАЙТЕ УЖИНАТЬ БЕЗ МЕНЯ.

— Вы нашли здесь то, что было нужно? — спросил Патрик, кивая на ежегодники.

Она убрала свой телефон.

— Еще не знаю.

— Если вы расскажете, что ищете, я мог бы помочь.

— Я ищу связь, — ответила она.

— Между чем?

— Между вашей дочерью. И этими девочками. — Джейн открыла папку, которую принесла с собой, и указала на список из четырех имен.

Патрик нахмурил брови.

— Конечно же, я знаю о Лоре Фэнг. После исчезновения Шарлотты полиция изучала возможную связь. Но эти другие девочки, боюсь, их имена мне не знакомы.

— Они не учились в Болтоне, но так же, как и ваша дочь, бесследно исчезли. В разных городах, в разные годы. Я размышляю, могла ли Шарлотта знать кого-то из них. Возможно, в связи с музыкой и спортом.

Патрик с минуту обдумывал это.

— Детектив Бакхольц говорил мне, что дети постоянно пропадают. Почему вы изучаете именно этих конкретных девушек?

Потому что мертвец по имени Ингерсолл указал этот путь, подумала Джейн. Но вслух произнесла:

— Эти имена пришли в ходе расследования. Между ними может вообще не быть никакой связи. Но если и есть какая-то ниточка, связующая их с Шарлоттой, я могу обнаружить ее прямо здесь.

— В ее ежегодниках?

Она пролистала страницы до списка занятий учеников.

— Взгляните, — сказала она. — Я обратила на это внимание еще в прошлый раз. Академия Болтон очень скрупулезно ведет хронику мероприятий всех своих учеников, начиная от школьных концертов и заканчивая теннисными турнирами. Возможно, потому, что у них такой маленький штат школьников. — Она указала на страницу с фотографиями улыбающихся учеников, стоящих возле своих научных проектов. Подпись гласила: НАУЧНАЯ ЯРМАРКА НОВОЙ АНГЛИИ, БЕРЛИНГТОН, ШТАТ ВЕРМОНТ, 17 МАЯ. — С помощью этой документации, — сказала она, — я надеюсь воссоздать школьные годы Шарлотты. Где она бывала, в каких мероприятиях участвовала. — Джейн посмотрела на Патрика. — Она играла на альте. Так вы и познакомились с семьей Мэллори. На детском музыкальном выступлении.

— Чем это вам поможет?

Джейн открыла музыкальный раздел.

— Вот. Это был ее первый год в оркестре. — Она показала на групповое фото музыкантов, среди которых были Шарлотта и Марк. Внизу был заголовок: «ЯНВАРСКИЙ КОНЦЕРТ ОРКЕСТРА ВЫЗВАЛ СТОЯЧУЮ ОВАЦИЮ!»

Один лишь взгляд на снимок заставил Патрика дернуться, словно тот причинил ему физическую боль. Он тихо проговорил:

— Знаете, это тяжело. Смотреть на все эти фото. Вспоминая, как…

— Вы не обязаны этого делать, мистер Дион. — Джейн дотронулась до его руки. — Я сама просмотрю эти книги. Если появятся вопросы, я спрошу у вас.

Он кивнул, внезапно сделавшись гораздо старше своих шестидесяти семи лет.

— Тогда я оставлю вас в одиночестве, — сказал он.

Он бесшумно вышел из столовой, закрыв за собой раздвижные двери.

Джейн налила себе еще одну чашечку кофе. Открыла другой ежегодник.

В тот год Шарлотта училась в восьмом классе и ей было тринадцать лет, а Марку шестнадцать. Его гормоны роста уже бушевали и на фото выделялись квадратная челюсть и широкие плечи. Лицо Шарлотты все еще оставалось детским, бледным и болезненным. Джейн пролистала раздел школьных мероприятий, выискивая их фотографии. Она нашла обоих на групповом снимке, сделанном на конкурсе штата «Битва оркестров» 20-го марта в Лоуэлле, Массачусетс.

Дебора Шиффер жила в Лоуэлле, и она играла на пианино.

Джейн уставилась на изображение Шарлотты и ее собратьев-музыкантов. Через два месяца после того, как была сделана эта фотография, Дебора исчезла.

Рука Джейн гудела от волнения и кофеина. Она допила кофе и налила еще одну чашку. Поискала среди книг ежегодник за девятый класс Шарлотты. Она уже знала, что обнаружит, когда раскрыла раздел музыки. Фото восьми учеников-музыкантов, позирующих со своими инструментами и подпись: ЛУЧШИЕ УЧЕНИКИ БОЛТОНА НА ЛЕТНЕМ ОРКЕСТРОВОМ МАСТЕР-КЛАССЕ В БОСТОНЕ. Она не увидела на снимке Шарлотту, но Марк Мэллори был там. Тогда ему было семнадцать лет, загадочный красавчик, мальчик, способный вскружить голову любой девочке-подростку. В том году Лоре Фэнг было четырнадцать лет. Она тоже посещала оркестровый мастер-класс в Бостоне. Была ли Лора ослеплена этим привлекательным и обеспеченным мальчиком? Мальчиком, для которого девочка скромного достатка вроде Лоры должна быть невидимкой?

Или Лора слишком сильно привлекла его внимание?

Джейн почувствовала, как в горле пересохло, а голове громко зашумело. Она сделала еще глоток кофе и перешла к следующей книге, ежегоднику за десятый класс Шарлотты. Когда она раскрыла его, слова расплылись перед глазами, лица сделались нечеткими. Она протерла глаза и пролистала до раздела мероприятий. Тут снова была Шарлотта со своей скрипкой. Но Марк уже закончил академию и позади нее стоял другой мальчик с литаврой.

Джейн пропустила страницы с атлетикой. Она снова потерла глаза, стараясь избавиться от тумана, что заслонял ей зрение. Фото расплывалось перед глазами, но она все еще могла различить лицо Шарлотты среди шеренги игроков в теннис. КОМАНДА БОЛТОНА ЗАНЯЛА ВТОРОЕ МЕСТО НА ОКТЯБРЬСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОРЕВНОВАНИЯХ.

Патти Боулз тоже была теннисисткой, подумала Джейн. Как и Шарлотта, она была десятиклассницей. Участвовала ли она в этих соревнованиях? Привлекла ли взгляд кого-то, кто мог легко разузнать, кем она была и в какой школе училась?

Через шесть недель после региональных соревнований Патти Боулз исчезла.

Джейн потрясла головой, но туман, казалось, сгущался перед глазами. *Здесь что-то не так.*

Раздавшийся издалека телефонный звонок жужжанием донесся до ее ушей. Она услышала, как Патрик ответил. Попыталась позвать на помощь, но не смогла издать ни звука.

Пытаясь подняться на ноги, она услышала, как стул опрокидывается и падает на пол. Ноги потеряли всякую чувствительность, они были словно деревянные сваи, бессмысленные и неуклюжие. Она, пошатываясь, двинулась в сторону двери, боясь, что рухнет прежде, чем доберется туда, что Патрик обнаружит ее на полу в унизительной позе. Когда Джейн потянулась к дверям, они, казалось, отдвинулись, дразня ее, лишь только она дотронулась до них кончиками пальцев.

Пока она пыталась раздвинуть их, они внезапно раскрылись, и на пороге появился Патрик.

— Помогите мне, — прошептала она.

Но тот не шелохнулся. Он просто стоял и смотрел на нее с холодным и бесстрастным выражением лица. Только тогда Джейн поняла, какую ошибку допустила. Это было последнее, о чем она успела подумать, прежде чем упала без сознания к его ногам.

Глава тридцать шестая

Она испытывала жажду, сильную жажду. Джейн пыталась сглотнуть, но в ее горле пересохло, а язык был шершавым словно старая автомобильная покрышка. Медленно она прислушивалась к другим ощущениям: в левой руке покалывало от слишком долгого лежания в одной позе. Под щекой холодная и твердая поверхность. И голос звал ее, взволнованно и настойчиво. Женский голос, который не давал заснуть, а продолжал надоедать, уговаривая ее сознание вернуться.

— Проснитесь. Вы должны проснуться!

Джейн открыла глаза… или подумала, что открыла. Темнота, которую она увидела, была настолько непроницаема, что ей подумалось, не попала ли она в ловушку на границе между сном и явью, парализованная, но остающаяся в сознании. Или она не могла двигаться по другой причине? Джейн попыталась перевернуться на спину и поняла, что руки и ноги обездвижены. Она напряглась, чтобы освободить запястья и встретилась с неумолимым сопротивлением клейкой ленты. Пол под щекой был бетонным, давил на ушибленное бедро и пропускал холод даже через одежду. Джейн не знала, как оказалась в этом холодном и темном месте. Наконец, она вспомнила, как сидела в столовой Патрика, перелистывая ежегодники Шарлотты. Потягивая кофе. *Кофе, что он принес мне.*

— Детектив Риццоли! *Пожалуйста* , проснитесь!

Джейн узнала голос Ирис Фэнг и повернула голову на звук.

— Как… где…

— Я не в силах вам помочь. Я здесь, у стены. Прикована к стене. Думаю, мы в подвале. Возможно, в его доме. Я не знаю точно, потому что не помню, как сюда попала.

— Не могу пошевельнуться, — простонала Джейн.

— Он притащил вас сюда несколько часов назад. У нас не так много времени. Он просто ждет, пока вернется тот, другой.

Тот другой. Джейн постаралась размышлять сквозь густой туман в голове. Конечно, Патрик работал не один. В шестьдесят семь лет ему бы потребовался кто-то, чтобы помогать с задачами, требующими усилий. Вот почему он нанял профессионалов, чтобы убить Ингерсолла, чтобы напасть на Ирис.

— Мы должны подготовиться, — сказала Ирис. — Прежде, чем они вернутся.

— Подготовиться? — Джейн не смогла выдавить отчаянный смешок. — Я не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. Я даже не чувствую своих рук!

— Но вы можете повернуться к стене. Там у двери висит связка ключей. Я разглядела ее, когда он направил туда фонарик и принес вас сюда. Они могли бы отпереть мои наручники. Вы освободите меня, а я освобожу вас.

— Где находится дверь?

— Справа от меня. Следуйте за моим голосом. Ключи висят на крючке. Если вам удастся подняться на ноги, возьмите ключи зубами.

— Слишком уж много этих если.

— *Сделайте это.* — Команда разрезала темноту, острая словно лезвие. Но следующие слова были мягкими. — Он забрал мою дочь, — прошептала она, сквозь внезапные рыдания. — Это он.

Джейн слушала, как Ирис плачет в темноте, и думала о других девочках, которые пропали. Дебора Шиффер, Патти Боулз, Шерри Танака. Как много было и других, девочек, чьих имен они еще не знали? *Даже его собственная дочь, Шарлотта.*

Джейн сражалась со своими путами, но клейкая лента была несокрушима, излюбленный инструмент МакГайвера [77] и серийных убийц. Никакие усилия и выкручивания не смогли бы разорвать эти путы на ее запястьях.

— Не дайте ему победить, — сказала Ирис. Ее голос звучал ровно, в нем сквозила сталь.

— Я тоже этого хочу, — ответила Джейн.

— Ключи. Вы должны дотянуться до них.

Джейн уже перевернулась, перекатившись по полу. Ее ушибленное бедро ударилось о бетон, и она ахнула, глубоко дыша, пока исчезала боль. Затем еще один переворот, еще одно падение на пол. На этот раз на бетон приземлилось ее лицо, ободрав нос и клацнув зубами.

---

[77] МакГайвер (MacGyver) — герой популярного американского телесериала «Секретный агент МакГайвер» в жанре приключенческого боевика, шедшего с 1985 по 1992 годы.

Она перевернулась на здоровый бок, поджав колени в позе эмбриона, сдерживая слезы боли и разочарования. Как она собирается это проделать? У нее ничего не получалось даже на полу, что уж говорить о том, чтобы встать на ноги и дотянуться до ключей.

— У вас есть дочь, — тихо произнесла Ирис.

— Да.

— Думайте о ней. Думайте о том, что вы должны сделать это, чтобы снова обнять ее. Ощутить запах ее волос, прикоснуться к ее лицу. Думайте. Представляйте.

Эта негромкая команда, казалось, шла откуда-то из головы самой Джейн, словно это был ее собственный голос, требующий действий. Она представила Реджину в ванной, скользкую и душистую от мыла, темные кудряшки прилипли к розовой коже. Реджину, которая вырастает в молодую женщину, не зная собственной матери, кроме как в виде призрака, отражающегося в ее собственном лице, ее чертах. И она представила Габриэля, постаревшего и седовласого. *Жизнь, которую мы никогда не пройдем вместе, если я не переживу эту ночь.*

— Думайте о ней, — голос Ирис раздавался в темноте. — Она даст вам силы, необходимые для борьбы.

— Все эти годы вы поступали именно так?

— Это все, что у меня оставалось. Именно это давало мне силы жить, надежда, что моя дочь может прийти ко мне домой. Я жила этим, детектив. Я жила ради дня, когда снова увижу ее. Или, если этого так и не произойдет, ради дня, когда увижу торжество справедливости. По крайней мере, я буду знать, что умерла, пытаясь.

Джейн снова перекатилась, и ее больное бедро ударилось о пол, а лицо проехалось по неровному бетону. Неожиданно спина натолкнулась на стену, она лежала, тяжело дыша, готовясь к следующей и самой трудной задаче.

— Я добралась до стены, — проговорила она.

— Поднимайтесь на ноги. Дверь в дальнем конце.

Используя стену в качестве опоры, Джейн попыталась изогнуться и встать на колени, но потеряла равновесие и полетела вниз лицом, ударившись ртом об пол. Боль прострелила ее от зубов до черепа.

— Ваша дочь, — произнесла Ирис. — Как ее зовут?

Джейн облизала губы и ощутила вкус крови. Почувствовала, как мягкие ткани уже отекают, раздуваясь.

— Реджина, — ответила она.

— Сколько ей лет?

— Два с половиной.

— И вы ее очень сильно любите.

— Конечно, люблю. — Кряхтя, Джейн попыталась подняться на колени. Ирис знала, что делает — она ощущала в мышцах новые силы, новую сталь в позвоночнике. Нет, она не будет находиться вдали от своей дочери. Она переживет эту ночь, так же как Ирис пережила последние два десятилетия, потому что ничто не значит больше, чем мать, желающая снова увидеть своего ребенка. Она боролась с силой притяжения, напрягая спину и шею, чтобы подняться на колени.

— Реджина, — сказала Ирис. — Она — кровь в ваших венах. Дыхание в легких. — Ее голос был гипнотическим, слова, которые она шепотом повторяла, посылали тепло, приливающее к конечностям Джейн. Слова, сказанные на универсальном языке, который понимает каждая мать.

Она — это кровь в ваших венах. Дыхание в легких.

Вставай на ноги, думала Джейн. Возьми эти ключи. Она покачнулась вперед на коленях, напрягая мышцы, и вскочила. Приземлилась на ноги, но лишь на несколько секунд, прежде чем потеряла равновесие и упала вперед, стукнувшись коленными чашечками о бетон.

— Еще раз, — приказала Ирис. В ее голосе не было никакого намека на сочувствие.

Была ли она так же безжалостна со своими учениками? Именно так муштруют воинов, не давая никакой пощады, заставляя сражаться на пределе сил?

— Ключи, — сказала Ирис.

Джейн глубоко вдохнула, напряглась и вскочила. Снова приземлилась на ноги и покачнулась, но стена была прямо перед ней. Она оперлась на нее плечом, пережидая пока утихнет боль в икрах.

— Я стою, — сообщила она.

— Добирайтесь до дальнего угла. Там где дверь.

Еще один прыжок, еще одно пошатывание. Она могла это сделать.

— Как только мы освободимся, нам все еще надо будет одолеть его, — сказала Джейн. — У него мой пистолет.

— Мне не нужно оружие.

— Ах, верно. Ниндзя же летают по воздуху.

— Вы ничего обо мне не знаете. Или о том, что я могу.

Джейн снова прыгнула, словно кенгуру.

— Тогда расскажите мне. Поскольку, так или иначе, мы, вероятно, умрем. Вы Царь Обезьян?

— Царь Обезьян — это легенда.

— Эта легенда оставляет настоящие волосы. Она убивает настоящим мечом. Так кто это?

— Некто, кого бы вы захотели иметь на своей стороне, детектив.

— Сначала я хочу узнать, кто это.

— Он внутри меня и вас. Он внутри каждого, кто верит в справедливость.

— Это не ответ.

— Это все, что я могу вам сказать.

— Я не говорю о загадочном колдовстве, — Джейн передохнула и снова прыгнула. — Я толкую о чем-то реальном, о том, что я видела на самом деле. Том, что спасло мне жизнь. — Она сделала паузу, чтобы отдышаться. И спокойно произнесла: — Я всего лишь хочу поблагодарить его или ее за это. Поэтому, если вы знаете, кто это был, не могли бы вы передать ему мои слова?

Ирис так же спокойно ответила:

— Оно уже знает.

Джейн сделала еще один скачок и ударилась лбом о дверь.

— Я на месте.

— Они висят примерно на уровне вашей головы. Вы можете их нащупать?

Потершись стеной о стену, Джейн внезапно почувствовала, как металл ободрал ее кожу. Услышала негромкое звяканье висящих ключей.

— Нашла!

— Пожалуйста, не уроните их.

Джейн зажала ключи ртом и потянула связку на себя, пытаясь снять ее с крючка на стене. *У нас получилось. Мы победили их…*

Скрип открывающейся двери заставил ее замереть. Загорелся свет, такой яркий, что она отшатнулась к стене, ослепленная.

— Ну, вот и осложнение, — произнес голос, который она узнала. Медленно Джейн открыла глаза, в которые бил слепящий свет, и увидела Марка Мэллори, стоящего рядом с Патриком. Их всегда было двое, подумала она. Охотились вместе. Убивали вместе. И звеном, связавших этих мужчин, была Шарлотта. Бедняжка Шарлотта, каждое увлечение, каждое мероприятие которой наводило хищников на их жертв, превращая такие невинные вещи, как теннисный турнир или выступление оркестра в возможность для убийц присмотреть и выбрать свежие лица.

Марк схватился за связку ключей и вырвал ее изо рта Джейн. Он толкнул ее, и Джейн упала на пол.

— Кто-нибудь знает, что она приходила сюда?

— Нам надо предусмотреть такой исход событий, — сказал Патрик. — Вот почему необходимо избавиться от ее машины. Мы бы сделали это еще несколько часов назад, будь ты порасторопней.

— Я ждал, не придет ли за ней кто-нибудь.

— Никто не появился?

— Возможно, датчик слежения сломался. — Он посмотрел на Ирис. — Или, может быть, никто о ней не беспокоится. Я ждал несколько часов, и не появилось ни души.

— Ну, кто-нибудь да придет за *одной* из них, — сказал Патрик, опустив глаза на Джейн.

— А где ее мобильник?

Патрик вручил его Марку.

— Что ты собираешься делать?

— Похоже, ее последнее СМС было адресовано мужу. — Он принялся набирать новое сообщение с телефона Джейн. — Давай-ка скажем ему, что она направилась в Дорчестер[78] и какое-то время не появится дома.

— А что потом?

— Все должно выглядеть как несчастный случай. Или самоубийство. — Он посмотрел на Патрика. — Ты уже прежде выполнял подобную работу.

Патрик кивнул.

— Ее оружие в столовой.

— Мой муж догадается, — сказала Джейн. — Он знает, что я бы *ни за что* не покончила с собой.

— Супруги всегда так говорят. А полиция им не верит. Так ведь, детектив? — проговорил Марк и улыбнулся.

Если бы ее конечности не были связаны, она бы вскочила на ноги и ударила его, всадив кулак в эти идеальные зубы. Но даже с гневом, переполнявшим ее мышцы, Джейн не смогла бы освободиться, и ей ничего не оставалось, кроме как наблюдать, как он заканчивает набирать СМС и отправляет его. Она думала о том, как, вероятно, все и случится: ей в голову выпустят пулю, чтобы убить, затем сделают еще один выстрел, чтобы на руке остались частички пороха, обставят все так же, как и самоубийство Ву Вэйминя. Марк говорил правду: возражения членов семьи жертвы слишком часто игнорируют. Она сама грешила этим. Джейн вспомнила, как стояла над телом юноши, который снес себе полголовы выстрелом из дробовика. Вспомнила его мать, рыдающую: *Он никогда бы не убил себя сам! Он недавно полностью изменил свою жизнь!* И она вспомнила свое замечание, брошенное Фросту, о бестолковых семьях, которые никогда не замечают, что назревает подобный поворот событий.

— Вы допустили слишком много ошибок, — сказала Ирис. — Вы и понятия не имеете о том, что натворили.

Марк повернулся к ней и рассмеялся.

— Посмотрите, кто заговорил. Дама, прикованная к стене.

Ирис ответила ему устрашающе спокойным взглядом.

— До того, как для вас все закончится, расскажите мне. Почему вы выбрали мою дочь?

Марк подошел к Ирис, и они оказались лицом к лицу. Хотя он был намного выше и имел явное превосходство, Ирис не выказала ни тени страха.

— Хорошенькая малютка Лора. Ты помнишь ее, Патрик? — Он посмотрел на старика. — Девчушка, которую мы подцепили, когда она шла из школы. Ту, которой

---

[78] Дорчестер (Dorchester) — пригород Бостона, среди местных называемый «Точка». Изначально был населен ирландцами, с 1950 года стал заселяться чернокожими, и превратился в опасное черное гетто, где постоянно идут разборки между ирландской, черной и латиноамериканской мафией. Убийства, грабежи и ночные перестрелки — это обычное дело в Дорчестере.

предложили подвезти ее до дома.

— *Почему?* — повторила Ирис.

Марк улыбнулся.

— Потому что она была особенной. Они все были.

— Мы теряем время, — произнес Патрик, направляясь в сторону Джейн. — Давай уберем ее отсюда.

Но Марк по-прежнему смотрел на Ирис.

— Иногда девочку выбирал я. Иногда Патрик. Никогда заранее не угадаешь, за что зацепится взгляд. Прическа «конский хвост». Симпатичная маленькая задница. Нечто, что выделяет среди остальных. Делает ее подходящей.

— Шарлотта, должно быть, узнала, — сказала Джейн, с отвращением глядя на Патрика. — Наверное, она поняла, чем вы занимались. Иисусе, ее собственный *отец* . Как вы могли убить ее?

— Шарлотта никогда не была частью этого.

— Никогда не была частью чего? Она была центром всего этого!

Мобильный Джейн зазвонил. Марк бросил взгляд на номер звонящего и произнес:

— Муженек, кажется, проверяет свою женушку.

— Не отвечай, — сказал Патрик.

— И не собирался. Я просто вырублю его, и давай-ка отнесем ее в машину.

Ирис произнесла:

— Думаете, это будет настолько просто?

Мужчины проигнорировали ее и наклонились, чтобы схватить Джейн. Патрик поднял ее за ноги, а Марк за руки. Хотя Джейн и извивалась, но противостоять им не могла, и они с легкостью подняли ее и понесли к двери.

— Вы уже покойники, — проговорила Ирис. — Просто пока не знаете об этом.

Марк фыркнул.

— Я знаю, кто из нас прикован к стене.

— А я знаю, кто пришел сюда за вами.

— Никто за мной не пришел… — Его голос внезапно замолчал, когда погас свет.

В кромешной темноте оба мужчины выпустили Джейн из рук, и она упала на пол, ударившись черепом о бетон. Она лежала ошеломленная, пытаясь разобраться, что происходит в комнате, где ничего не было видно, лишь из мрака раздавались проклятия и испуганное дыхание.

— Какого хрена? — заявил Марк.

Голос Ирис прошептал сквозь тьму:

— Началось.

— Заткнись! *Просто заткнись!* — заорал Марк.

— Вероятно, тут ничего такого не произошло, — произнес Патрик, но его голос звучал встревожено. — Посмотрим, может быть, просто перегорел предохранитель. Поднимемся и проверим.

Дверь захлопнулась, и их шаги застучали по лестнице. Джейн слышала только стук собственного сердца.

— Что происходит?

— То, что и должно было случиться.

— Вы знали? Вы ожидали этого?

— Слушайте меня внимательно, детектив. Это не ваша битва. Это было запланировано давным-давно, и это сражение пройдет без вас.

— Чье сражение? Что там такое?

Ирис не ответила. В тишине Джейн скорее почувствовала, чем услышала, струю воздуха на своей щеке, когда что-то стремительное словно ветер проникло в комнату и прошло в темноте. *Здесь с ними было что-то еще.*

Она услышала негромкое клацанье расстегнувшихся наручников. И шепот:

— Приношу свои извинения*, Сифу* . Я бы пришла раньше.

— Мой меч?

— Чжэн И здесь. Я нашла его наверху.

Джейн знала этот голос.

— Белла?

Рука зажала ее губы, и Ирис прошептала:

— Жди.

— Вы не можете бросить меня здесь!

— Здесь вам безопаснее.

— По крайней мере, развяжите меня!

— Нет, — ответила Белла. — Она создаст проблемы.

— А если у вас не получится? — спросила Джейн. — Я останусь в ловушке, здесь внизу, и не смогу защитить себя. По крайней мере, дайте мне шанс сразиться!

Она почувствовала, как ее руки дернулись, услышала шипение лезвия, рассекающего связывающую ее ленту. Второй взмах освободил ее лодыжки.

— Помните, — прошептала ей на ухо Ирис, — это не ваша битва.

Вот еще. Но Джейн промолчала и не двигалась, пока две женщины не растаяли в темноте. Она не видела и не слышала, как они вышли. Все, что она ощутила — еще один поцелуй воздуха, как будто они растворились подобно ветру, просочились сквозь дверь и взлетели вверх по лестнице.

Джейн попыталась подняться на ноги, но голова закружилась и она пошатнулась в темноте, ничего не видя вокруг. Она снова опустилась на пол, череп раскалывался от боли после падения на бетон. Эта боль и остаточное действие наркотика ослабляли ее. Джейн протянула руку и наткнулась на стену, снова попыталась встать, но этот раз, придерживаясь за стену и покачиваясь, словно новорожденный жеребенок.

Выстрел заставил ее подбородок вздернуться.

Мне нельзя оставаться здесь, подумала она. Я должна выйти из этого дома.

Она нащупала дверь. Та была незаперта и тихонько скрипнула. Где-то наверху она расслышала тяжелый топот обуви. Еще два выстрела.

Пора выбираться. Прежде, чем мужчины вернутся за тобой.

Она начала подниматься по ступеням, двигаясь медленно, боясь издать хотя бы звук. Боясь предупредить кого-нибудь о своем присутствии. Без оружия, без возможности защитить себя, она не может присоединиться к этой схватке. Она была гражданской, пытающейся проскользнуть через зону боевых действий в безопасное место, где бы оно ни было. Найти выход, выбраться из дома. У нее не было ключей от своей машины, поэтому Джейн собиралась добежать до соседей. Она попыталась представить себе особняк. Вспомнила длинную подъездную дорогу, леса и лужайки, которые его окружали. При дневном свете все это было похоже на частный райский сад, закрытый от остального мира. Сейчас же она знала, что ворота с прикрепленными над ними камерами, предназначались не только для охраны людей, но и для того, чтобы удержать их внутри. Это был не сад Эдема, а концлагерь.

Джейн добралась до вершины лестницы и нащупала еще одну закрытую дверь. Прижавшись к ней ухом, она ничего не услышала. Тишина нервировала. Сколько выстрелов прозвучало? По меньшей мере, три, подумала она, достаточно, чтобы уложить обеих, Ирис и Беллу. Лежали ли женщины мертвыми за этой дверью? Направлялись ли Патрик и Марк обратно в подвал, чтобы найти ее?

Ладони были скользкими от пота, когда она схватилась за ручку. Дверь беззвучно распахнулась в такую же плотную темноту, как и в подвале. Она не могла уловить ни одного силуэта или тени. Этот пол тоже был бетонным, и она медленно продвигалась по нему, вытянув вперед руки, чтобы избежать невидимых препятствий. Джейн услышала, как что-то маленькое и металлическое отскочило от ее обуви. Она наткнулась ушибленным бедром о край чего-то и остановилась, пытаясь понять, что это. Предмет был похож на стол, покрытый

пылью. Зазубренный металл внезапно поранил ее пальцы, и она попятилась от неожиданности. Это была циркулярная пила. Джейн немного отошла во тьму и ударилась о другое препятствие. На этот раз на сверлильный станок. Она находилась в деревообрабатывающей мастерской Патрика. Джейн стояла среди электроинструментов, размышляя, были ли красное дерево и клен единственными материалами, с которыми соприкасались лезвия пилы и дрель.

Новый приступ паники заставил ее шарить в темноте в поисках выхода. Она дотронулась до стены и, держась за нее, пошла в угол.

Еще выстрелы. Четыре подряд. *Выбирайся, выбирайся!*

В конце концов, она добралась до двери и, не теряя времени, выскочила из нее, чтобы обнаружить еще один набор ступеней, ведущих вверх. Как глубоко под землей она была?

Достаточно глубоко, чтобы никто не услышал моих криков.

Джейн вышла через дверь наверху лестницы и оказалась в покрытом коврами коридоре. Здесь она еле-еле смогла различить очертания предметов и балюстраду справа от нее. Нащупав рукой стену, она медленно двинулась вперед. Джейн не имела понятия, к передней или задней части дома направляется, все, чего она хотела — найти выход.

Лестничная площадка второго этажа заскрипела, и по ней начали спускаться чьи-то шаги.

Джейн лихорадочно нырнула в первую же открытую дверь справа от нее, в комнату, где через окна проникал лунный свет, отражаясь от пола и книжных полок. Кабинет.

Шаги достигли первого этажа.

Она пробралась вперед, ища укрытия в тенях, и ее туфли захрустели осколками разбитого стекла. Внезапно нога зацепилась за препятствие, и Джейн потеряла равновесие, размахивая руками, чтобы не упасть. Ее ладонь скользнула по чему-то липкому и теплому. В лунном свете она разглядела темную фигуру, лежащую на полу справа от нее. Труп.

Патрик Дион.

Задохнувшись, она отшатнулась, шаря рукой по полу. Почувствовала, как задела рукой что-то тяжелое. Пистолет. Она потянулась к нему, и пальцы мгновенно обхватили рукоять, Джейн узнала свое собственное оружие. Пистолет, который забрал у нее Патрик. *Мой старый друг.*

Шаги за спиной заскрипели и остановились.

Застигнутая врасплох у освещенного окна, Джейн была окутана лунным сиянием, которое казалось ярким и неумолимым, словно прожектор. Она подняла глаза, чтобы увидеть силуэт Марка, стоящего над ней.

— Меня здесь не было, — произнес он. — Когда полиция придет поговорить со мной, я скажу им, что все это время находился дома в своей постели. Это Патрик убил всех этих девочек и похоронил их в своем дворе. Патрик убил тебя. А затем застрелился.

Пряча руку в тени за спиной, она крепче сжала оружие. Но Марк уже наставил на нее пистолет. Он выстрелит первым, имея лучшее положение для выстрела. У нее не было времени, чтобы прицелиться, не было времени, чтобы хоть что-нибудь предпринять, но, возможно, ее последняя пуля угодит в него. Даже сейчас, когда она подняла оружие, Джейн знала, что было слишком поздно.

Но в это мгновение Марк пораженно задохнулся и отвернулся от нее, его внимание привлек кто-то или что-то еще.

Джейн направила на него пистолет и выстрелила. Три выстрела, четыре. Ее рефлексы действовали на автомате. Пули вошли в его тело, и Марк покачнулся назад, задев край стола. Он рухнул со звуком расколовшегося дерева.

В ушах стучал собственный пульс, Джейн поднялась на ноги и встала над телом, направив на него оружие и готовая выстрелить снова, если он чудесным образом вернется к жизни. Марк не двигался.

Но двигались тени.

Это был всего лишь шепот воздуха, совершенно беззвучный. Колыхание черного на

черном, которое она смогла уловить краешком глаза. Джейн медленно повернулась к фигуре, стоявшей под покровом темноты. Несмотря на то, что она сжимала пистолет, несмотря на то, что могла бы выстрелить, она этого не сделала. Джейн просто стояла и смотрела на лицо, обрамленное серебристым мехом. На острые зубы, сверкавшие в лунном свете.

— Кто ты? — прошептала она. — Что ты?

Дуновение ветра пронеслось по ее лицу, и она сморгнула. Когда Джейн снова открыла глаза, лица не было. Она лихорадочно оглядывала комнату, ища того, кто стоял здесь, но видела только лунный свет и тени. *Оно и вправду было здесь или я это себе придумала? Я сама и мой страх создали это существо из тьмы?*

Через окно она уловила движение. Джейн смотрела на залитый лунным светом сад и видела его, пронесшегося через лужайку и исчезнувшего среди деревьев.

— Детектив Риццоли?

Джейн обернулась и увидела в дверях двух женщин, Ирис держалась за Беллу.

— Ей нужна «скорая помощь»! — сказала Белла.

— Я уже не так молода, как прежде, — простонала Ирис. — И не так стремительна.

Бережно Белла опустила своего учителя на пол. Положив Ирис к себе на колени, она стала бормотать на китайском слова, повторяя их снова и снова, словно читала волшебное заклинание. Слова исцеления. Слова надежды.

Глава тридцать седьмая

Джейн стояла среди нагромождения полицейских машин Бостона и Бруклина, припаркованных на подъездной дороге Патрика Диона, и наблюдала, как восходит солнце. Она не спала уже целые сутки и ничего не ела со времени вчерашнего ланча, а первый проблеск рассвета показался настолько ослепительным, что она закрыла глаза, внезапно ощутив головокружение, и чуть не упала на полицейский автомобиль позади нее. Когда она вновь открыла глаза, Маура и Фрост уже вышли из дома и направлялись к ней.

— Ты должна вернуться домой, — сказала Маура.

— Мне все это говорят. — Она посмотрела в сторону особняка. — Вы там закончили?

— Сейчас они вынесут тела.

Фрост насупился, глядя на Джейн, которая наклонилась, чтобы нацепить бахилы.

— Знаешь, возможно, тебе не стоит идти в дом, — произнес он.

— Разве я уже там не была?

— В этом все и дело.

Ему не было нужды пояснять, она и так поняла. Она была той, кто уложил Марка Мэллори, и почти наверняка в мозгу Патрика Диона обнаружат пулю из ее пистолета. В данный момент ее оружие было отправлено на баллистическую экспертизу, и Джейн недоставало его привычного веса на поясе.

Входная дверь распахнулась, и вынесли первые носилки с одним из трупов. Молча они наблюдали, как их отнесли в фургон морга.

— У старшего мужчины было одно пулевое ранение. В правый висок с близкого расстояния, — сказала Маура.

— Патрик Дион, — пояснила Джейн.

— У меня есть ощущение, что мы обнаружим частички пороха на его правой руке. Это не напоминает тебе другое место преступления?

— «Красный феникс», — негромко произнесла Джейн. — Ву Вэйминь.

— Его смерть объявили самоубийством.

— А чем ты собираешься объявить эту смерть, Маура?

Маура вздохнула.

— У нас нет свидетелей, так?

Джейн покачала головой.

— Белла сказала, что она и Ирис были наверху, когда это произошло. Они не видели.

— Но в доме был еще один незваный гость, — напомнил Фрост. Ты сказала, что видела его.

— Я не знаю, что я видела. — Джейн посмотрела в сторону сада. Прошлой ночью в лунном свете, она увидела там нечто, ускользнувшее в лес. — Не думаю, что когда-нибудь узнаю это.

Маура обернулась посмотреть, как из дома выносят второй труп.

— Я могла бы объявить смерть Патрика Диона самоубийством, но она слишком похожа на «Красный феникс», Джейн. Она кажется инсценированной.

— Думаю, эта схожесть имеет значение. Она словно эхо из прошлого. Правосудие восторжествовало.

— *Правосудие* не признает законным убийство.

Джейн посмотрела на нее.

— А, может, и должно бы.

— Эй, Фрост! Риццоли! — Детектив Тэм помахал им из рощицы, где стоял вместе с бригадой криминалистов.

— Что там? — спросила Джейн.

— Поисковая собака что-то учуяла!

Пропавшие девочки. Конечно, здесь было больше имен, не попавших в список Ингерсолла, другие девочки, исчезнувшие в те же годы, что и Шарлотта Дион. И разве существовало более удобное место, чтобы спрятать тела, чем частное убежище, укрытое от посторонних глаз? Когда они подошли к команде криминалистов, Джейн увидела собаку, наблюдающую за ней живыми глазами и счастливо виляющую хвостом. Изо всех них довольной была только собака. Мужчины и женщины, собравшиеся в тени этих деревьев, молча стояли с мрачными лицами, потому что догадывались, что, наиболее вероятно, лежит под их ногами.

— Слой почвы здесь был поврежден, — сказал Тэм, указывая на участок голой земли под деревьями. — Он был засыпан валежником, чтобы скрыть это.

Последнее захоронение. Джейн оглядела рощицу и густой кустарник, все потайные места, скрытые под валежником и тенями. Здесь было зло, масштабы которого она с ужасом осознала. Как много тел лежит тут, подумала она. Сколько безмолвных девочек, которые наконец-то смогут заговорить? Внезапно она ощутила всю тяжесть предстоящей им задачи. Она была вся в синяках, голодная и до смерти уставшая.

— Фрост, думаю, я оставлю все на тебя. А сама поду домой, — объявила Джейн и пошла назад через лужайку. Назад к солнечному свету.

— Риццоли, — окликнул Тэм. Он последовал за ней к подъездной дорожке. — Просто хотел, чтоб ты знала, я только что разговаривал с больницей. Ирис Фэнг успешно перенесла операцию и уже пришла в себя.

— С ней все будет хорошо?

— Она получила пулю в бедро и потеряла много крови, но она поправится. Похоже, Ирис довольно выносливая личность.

— Мы все должны быть такими же выносливыми.

На дорожке в их лица ярко светило утреннее солнце. Тэм достал из кармана солнцезащитные очки и надел их.

— Может быть, мне стоит съездить в больницу? Взять у нее показания? — предложил он.

— Позже. Сейчас ты нужен мне здесь. Бруклин попросил нас помочь, поэтому нам придется потратить кучу времени на это имение.

— Значит, я остаюсь в команде?

Она покосилась на него, солнечные блики слепили ее усталые глаза.

— Угу, после того, как мы закончим с этим делом, я попрошу руководителя твоего района А-1 перевести тебя к нам. Естественно, если ты сам хочешь остаться в убойном отделе.

— Спасибо. Я очень сильно этого хочу, — просто ответил Тэм. Когда он повернулся, чтобы уйти, она внезапно заметила светлую нить на задней части его головы, отсвечивающую на солнце. Зацепившись за его черные как смоль волосы, одинокий волосок выделялся своим мерцанием. *Серебристый волосок.*

— Тэм? — окликнула она.

Он обернулся.

— Да?

Мгновение она разглядывала Тэма, желая посмотреть ему в глаза, но тот был в солнечных очках, и все, что она увидела в этих зеркальных линзах — свое отражение. Она припомнила, как быстро и бесшумно он проскользнул через окно Ингерсолла. Вспомнила, как камера наблюдения на Напп-стрит сняла ее и Фроста, неуклюже карабкавшихся по пожарной лестнице, но не Тэма. *Возможно, я призрак* , пошутил тот. Не призрак, подумала Джейн, но кто-то такой же неуловимый. Тот, кому был известен каждый шаг расследования, кто знал, что было сказано и что запланировано. Она не могла видеть выражения его лица, не могла прочесть тайны, но знала, что они там были, ожидая разоблачения. Его тайны, которые она решила сохранить.

На данный момент.

— У тебя возник вопрос, Риццоли? — спросил он.

— Ничего такого, — ответила Джейн. Она повернулась и пошла прочь.

В «У Джи Пи Дойла» был «счастливый час»[79] и бар был забит таким количеством копов, что Джейн обеспокоило отсутствие Корсака. Только после того, как официантка указала ей в направлении обеденного зала, Джейн, наконец-то, обнаружила его. Корсак восседал в кабинке в компании тарелки обжаренных морепродуктов и пинты эля.

— Извини за опоздание, — сказала она. — Что будешь?

— Надеюсь, ты не против того, что я уже заказал.

Она посмотрела на горку креветок во фритюре.

— Нарушаешь диету, ага?

— Не дави на меня, ладно? День выдался препаршивейший и мне в самом деле необходима любимая пища. — Он подцепил четыре креветки и отправил их себе в рот. — Ты собираешься что-нибудь заказывать или как?

Она подозвала официантку, заказала маленький салатик и увидела, как Корсак расправился еще с полдесятком креветок.

— Это все, что ты будешь? — спросил он, когда принесли ее заказ.

— Я поужинаю дома. В последние несколько дней я проводила там не так много времени.

— Угу, слышал, там, в Бруклине был настоящий цирк. Сколько тел они уже откопали?

— Шесть, похоже, все женские. Пройдут месяцы, прежде чем мы обыщем все имение, и могут обнаружиться другие захоронения, о которых мы не знаем. Поэтому заодно надо осмотреть и особняк Марка Мэллори.

Корсак поднял свой эль.

— Как там говорят дамочки вроде тебя? *Молодчина, девочка!*

Джейн посмотрела на его забрызганную подливкой рубашку и подумала: Вот человек, который действительно вложил в эту фразу всю душу. Она подняла свой стакан с водой, и они громко чокнулись, облив пивом его быстро уменьшающуюся горку креветок.

— Есть лишь одна ложка дегтя, — сказала она, берясь за вилку. — Я так и не смогла закрыть дело Джона и Джейн Доу. А ведь именно ее смерть запустила все это.

— Так и не нашли меч, которым ее убили?

---

[79] «Счастливый час» (Happy Hour) — акция, применяемая во многих кафе и ресторанах. В определенный промежуток времени назначается «счастливый час», когда на меню и напитки действует большая скидка. Например, 2 напитка по цене одного, к покупке определенного блюда добавляется бесплатный бонус и т. п.

— Бесследно исчез. Наверное, той ночью он ушел вместе с существом, что скрылось среди деревьев. Мы никогда не обсуждали это друг с другом. Но у меня есть чертовски хорошая идея насчет того, кто это сделал.

— Достаточно хорошая, чтобы выдвинуть обвинение?

— Честно? Я не хочу обличать его. Иногда, Корсак, делать свою работу означает, что мне придется неправильно поступить.

Корсак рассмеялся.

— Нельзя допустить, чтобы доктор Айлз услышала, как ты говоришь подобные вещи.

— Да, она бы не поняла, — согласилась Джейн. Маура принимала лишь факты, и эти факты несколько дней назад привели офицера Уэйна Граффа к тюремному заключению. Да или нет, черное или белое, для Мауры линия всегда была идеально ясной. Но чем дольше Джейн была копом, тем меньше понимала, где именно проходила эта линия между правильным и неправильным.

Она подцепила салат и отправила его себе в рот.

— Итак, что с тобой случилось? О чем ты хотел со мной поговорить?

Он вздохнул и отложил вилку. Очень немногие вещи, помимо пустой тарелки могут заставить Винса Корсака отложить его вилку.

— Ты знаешь, что я люблю твою маму, — сказал он.

— Ага, думаю, эту часть я уже уяснила.

— Я имею в виду, что *по-настоящему* люблю ее. Она веселая, умная и сексуальная.

— Здесь, я считаю, можно остановиться. — Она опустила вилку. — Просто скажи мне, что происходит.

— Все, чего я хочу — это жениться на ней.

— И она уже ответила «да». Так что еще?

— Проблема в твоем брате. Он звонит по три раза на дню, пытаясь отговорить ее от этого. Совершенно ясно, что он презирает меня.

— Фрэнки не нравятся любые перемены.

— Он очень расстраивает ее, и сейчас она подумывает, чтобы отменить свадьбу, лишь бы он оставался доволен. — Его глубокий вздох ближе к концу почти сорвался до хныканья, и она отвернулась, разглядывая зал через проход кабинки. Малыш в высоком креслице взглянул на Корсака и зарыдал. Мать выстрелила в Винса злобным взглядом и взяла ребенка на руки. Бедный Корсак, достаточно невзрачный, чтобы напугать маленького ребенка, который не мог увидеть разницы между его грубой внешней оболочкой и добрым сердцем внутри. *Но ее мама видела. И она заслуживает хорошего мужчину вроде него.*

— Все нормально, — сказала она, — я поговорю с Фрэнки.

Если это не сработает, она хорошенько настучит брату по голове.

Он воспрял.

— Ты сделаешь это для меня? Правда?

— А почему бы и нет?

— Не знаю. Мне в голову приходила мысль, что ты не в восторге от того, что я и твоя мама вместе. Занимаемся сексом.

— Я просто не хочу слышать грязные подробности, договорились? — Она потянулась через стол и ласково похлопала его по руке. — Ты крутой, Корсак. И делаешь ее счастливой. Это все, что меня волнует. — Она поднялась. — Мне пора домой. Теперь ты в порядке?

— Я люблю ее. Ты это знаешь.

— Знаю, знаю.

— Тебя я тоже люблю. — Он насупился и добавил. — Но не твоего брата.

— Я полностью это понимаю.

Она оставила его наедине с тарелкой морепродуктов и прошла через переполненный зал. Когда она уже почти дошла до двери, кто-то позвал:

— Риццоли!

Это был отставной детектив Бакхольц, который расследовал исчезновение Шарлотты

девятнадцать лет назад. Он сидел на своем обычном месте за стойкой со стаканом скотча.

— Я должен поговорить с вами, — произнес он.

— Мне уже пора домой.

— Тогда я провожу вас.

— Мы можем поговорить завтра, Хэнк?

— Нет. Я должен кое-что рассказать, и это действительно важно. — Он осушил свой стакан и хлопнул им по прилавку. — Давайте выйдем отсюда. Здесь чертовски шумно.

Они вышли из «У Дойла» и остановились на парковке. Был прохладный весенний вечер, воздух пах влажной землей. Джейн застегнула молнию на куртке и бросила взгляд на свой припаркованный автомобиль, размышляя, надолго ли затянется разговор и останется ли у нее время, чтобы купить молоко по дороге домой.

— Вы изучили все обстоятельства вашего дела против Патрика Диона и Марка Мэллори? Вы сделали неверные выводы, — заявил он.

— Что вы имеете в виду?

— Это освещается во всех новостях. Два богатых парня в течение двадцати пяти лет вместе охотились на девочек. Вся страна говорит об этом, удивляясь, почему мы не заметили этого раньше. Почему не остановили их.

— Они все делали с умом, Хэнк. Они не оставляли следов и не допускали оплошностей. Им удавалось контролировать ситуацию.

— У Патрика Диона есть алиби на некоторые из этих исчезновений.

— Потому что они похищали девочек по очереди. Мэллори забирал одних, Дион других. Мы уже нашли шесть тел в имении Диона, и я уверена, что обнаружим и остальных.

— Но не Шарлотту. Гарантирую, что ее вы там не найдете.

— Откуда вы знаете?

— Когда я расследовал это дело, то не работал вполсилы, ясно? Может быть, это и произошло девятнадцать лет назад, но я помню подробности. Прошлым вечером я достал свои старые записи, просто чтобы удостовериться в своей правоте. Я *знаю* , что Патрик Дион был в Лондоне в день, когда пропала Шарлотта. В тот же вечер он вылетел домой сразу, как получил это известие.

— Хорошо, вы правы насчет этой детали. Это легко проверить.

— Я также прав и насчет Марка Мэллори. Он не мог похитить Шарлотту, потому что у него тоже есть алиби. Он навещал свою мать. Годом раньше она перенесла инсульт и находилась в реабилитационной клинике.

Она взглянула на него в угасающем дневном свете. Бакхольц отстаивал свои записи, поэтому не мог оставаться объективным. Судя по его потерянному лицу и потертой рубашке, отставка не пошла ему на пользу. Он практически жил в «У Дойла», словно только там, в окружении копов, мог чувствовать себя живым. Снова нужным.

Уступи старику. Она сочувственно кивнула ему.

— Я пересмотрю обстоятельства дела и сообщу вам.

— Вы думаете, что можете вот так просто отмахнуться от меня? Я был хорошим копом, Риццоли. Я проверял этого мальчика. Когда речь идет о похищении, всегда первым делом проверяют семью, поэтому я пристально изучил ее сводного брата. Каждый шаг, который он сделал в тот день. И я утверждаю, что Марк Мэллори не мог похитить Шарлотту.

— Потому что сказал, что навещал свою мать? Ну же, Хэнк. Вы не можете полагаться на его слова или слова его матери. Она бы солгала, чтобы защитить своего ребенка.

— Но вы можете положиться на медицинскую карту.

— Что?

Он полез в куртку и вытащил сложенные бумаги, которые вручил ей.

— Я взял это из истории болезни Барбары Мэллори. Это фотокопия записей медсестер. Взгляните на запись от двадцатого апреля, тринадцать часов.

Джейн всматривалась в то, что написала медсестра.

Давление сто пятнадцать на восемьдесят, пульс восемьдесят четыре удара в минуту. Пациентка спокойно спит. Здесь же находится навещающий ее сын, который попросил, чтобы его мать переместили в более тихую палату, подальше от медсестринского поста.

— В тринадцать часов, — сказал Бакхольц, — Шарлотта Дион была со своей школьной группой в Фанейл Холле. Учителя впервые заметили ее отсутствие через пятнадцать минут. А теперь скажите мне, как Марк Мэллори, который сидел в больничной палате своей матери в двадцати милях от места происшествия, смог умыкнуть свою сводную сестру с одной из улиц Бостона, и все это за пятнадцать минут?

Джейн читала и перечитывала запись медсестры. Тут не было никакой ошибки в дате или времени. Все было совсем не так, как она думала.

Это нельзя сбросить со счетов. Все было написано здесь черным по белому.

— Прекратите выставлять все так, будто я облажался, — заявил Бакхольц. — Очевидно, что два ваших злодея не похищали Шарлотту.

— Тогда кто же? — пробормотала Джейн.

— Скорее всего, мы никогда этого не узнаем. Держу пари, это был какой-то парень, который заметил ее и совершил незапланированное похищение.

Какой-то парень. Преступник, которого они еще не вычислили.

Она поехала домой, положив отфотокопированную страницу на сиденье рядом с собой и обдумывая разные варианты. С двумя убийцами в своей семье Шарлотта умудрилась быть похищенной посторонним незнакомцем? Она въехала на парковку своего дома и оставалась на месте, размышляя, еще не готовая вернуться к шуму и хаосу материнства. Она обдумывала то, что они точно знали: Дион и Мэллори преследовали и похищали девочек вместе. Они закопали в имении Диона, по меньшей мере, шесть трупов. Что если Шарлотта обнаружила тайну отца? Стало ли это реальной причиной, чтобы избавиться от нее? Нанять для этого третью сторону, чтобы Патрик и Марк смогли бы обеспечить себе твердое алиби?

Джейн помассировала голову, переполненную вопросами. Шарлотта снова оказалась в центре детективного романа. Что она могла знать и когда догадалась обо всем. И с кем этим поделилась. Она подумала о последних фотографиях Шарлотты на похоронах ее матери и отчима. Вспомнила, как по бокам от Шарлотты стояли ее отец и Марк. Окружена врагами и не может убежать.

Джейн выпрямилась, неожиданно ошарашенная ответом, который был очевиден с самого начала.

Может быть, она и убежала.

Глава тридцать восьмая

В полдень Джейн пересекла границу Нью-Хэмпшира[80] и направилась на север в штат Мэн. Стоял теплый майский день, на деревьях распустились листья, над полями и лесами зависла золотистая дымка. Но к тому времени, как во второй половине дня она достигла озера Мусхед, в воздухе похолодало. Она припарковала свой автомобиль, намотала на шею шерстяной шарф и пошла к пристани, где был пришвартован катер.

Мальчик лет пятнадцати с растрепанными ветром светлыми волосами помахал ей рукой.

— Вы миссис Риццоли? Я Уилл из «Лун Пойнт Лодж». — Он взял ее дорожную сумку. — Это весь багаж, что у вас есть?

---

[80] Нью-Хэмпшир или Нью-Гэмпшир (New Hampshire) — небольшой штат в регионе Новая Англия на северо-востоке США. Неофициальное название — «Гранитный штат». Столица штата — город Конкорд, крупнейший город — Манчестер. Первый штат Америки, провозгласивший независимость от Великобритании. На юге граничит со штатом Массачусетс, на востоке с Мэном.

— Я останусь всего на одну ночь. — Она оглядела пристань. — Где капитан?

Ухмыляясь, он помахал рукой.

— Прямо здесь. Я управляю этой лодкой с восьми лет. Если вы переживаете по этому поводу, то могу сказать, что совершал этот рейс… ммм… несколько тысяч раз.

Все еще сомневаясь, обладает ли этот ребенок необходимыми навыками капитана, Джейн поднялась на борт и надела предложенный ей спасательный жилет. Пока она устраивалась на скамейке, то заметила коробки с продуктами и стопку газет, верхней из которых была *«Бостон Глоуб».* Очевидно, что это лодочное путешествие заодно являлось для мальчика и поездкой за покупками.

Когда тот завел двигатель, она спросила:

— Как долго ты работаешь на турбазе?

— Всю жизнь. Ее владельцы — мои мама и папа.

Она более пристально поглядела на мальчика. Обратила внимание на волевую челюсть и выгоревшие на солнце волосы. Он был сложен точно спасатель, стройный, но мускулистый, тот тип ребенка, что смотрелся бы как дома на калифорнийском пляже. Он выглядел абсолютно спокойным, когда отчаливал от причала. Прежде чем она успела задать ему какие-либо вопросы, они уже заскользили по покрытой рябью воде, да и шум двигателя тоже не способствовал беседе. Джейн придерживалась за бортик и разглядывала густой лес и озеро, настолько огромное, что оно простиралось перед ними, словно море.

— Как же здесь красиво, — сказала Джейн, но он ее не услышал, внимание мальчика было сосредоточено на том, чтобы перевезти их по воде до конечного пункта назначения.

К тому времени, как они достигли другого берега, солнце опустилось к горизонту, окрасив воду огненным и золотым. Она увидела деревянные домики впереди, и двигатели катера смолкли, приблизившись к берегу. На пирсе стояла белокурая девчушка и ждала, чтобы поймать швартовый. Как только Джейн смогла поближе увидеть лицо девочки, то сразу поняла, что эти двое были братом и сестрой.

— Эту проказницу зовут Саманта, — со смехом пояснил Уилл и ласково потрепал волосы сестренки. — Она наша главная девочка на побегушках здесь. Если вам понадобятся зубная щетка, дополнительные полотенца, все, что угодно, только крикните ей.

Когда девчушка убежала с пирса с сумкой гостьи в руках, Джейн спросила:

— Ей ведь восемь или девять лет? Разве вы оба не ходите в школу?

— Мы учимся на дому. Слишком трудно добираться до города зимой. Мой папа всегда говорит нам, что мы самые везучие дети в мире, потому что живем здесь, в раю. — Он повел ее вверх по тропинке к одному из домиков. — Мама поместила вас тут. Это самый уединенный коттедж.

Они поднялись по ступенькам на застекленное крыльцо, и дверь с визгом закрылась за ними. Саманта уже принесла сумку Джейн в домик и поставила на незамысловатую багажную полку в ногах кровати. Джейн осмотрела выступающие балки и неровные сосновые стены. В каменном очаге уже потрескивал огонь.

— Вас все устраивает? — спросил Уилл.

— Жаль, что я не привезла сюда мужа. Он бы влюбился в это место.

— В следующий раз возьмите его с собой. — Уилл отсалютовал ей и развернулся, чтобы уйти. — После того, как устроитесь, приходите к ужину на турбазу. Думаю, у нас будет тушеная говядина.

После того, как он ушел, Джейн опустилась в кресло-качалку на крыльце и сидела, любуясь закатом, озаряющим озеро точно пожар. Жужжание насекомых и звук плещущейся воды клонили ее ко сну. Она закрыла глаза и не заметила гостью, подошедшую к домику. Только когда она услышала стук, Джейн очнулась и увидела светловолосую женщину, стоящую у двери крыльца.

— Детектив Риццоли? — уточнила женщина.

— Входите.

Блондинка зашла внутрь, осторожно придерживая дверь. Даже на темном крыльце

Джейн заметила сходство женщины с Уиллом и Самантой и поняла, что это их мать. Она также, без сомнения, поняла, как ее звали. То неподходящее время, которое Ингерсолл выбрал для рыбалки, и заставило Джейн обратить пристальное внимание на «Лун Пойнт», как и то, что он не взял с собой рыболовные снасти. Вот в чем была настоящая причина поездки Ингерсолла в Мэн: увидеться с женщиной, которая сейчас стояла на крыльце домика Джейн.

— Здравствуйте, Шарлотта, — сказала Джейн.

Женщина бросила взгляд через стеклянную стену, осматривая окрестности, чтобы убедиться, что никто больше не сможет их услышать.

— Прошу, больше не произносите это имя. Сейчас меня зовут Сьюзан.

— Ваша семья не знает?

— Муж знает, а дети нет. Для них будет слишком сложно понять все это. И я не хочу, чтобы они когда-нибудь узнали, что за человек их дед… — Ее голос прервался. Со вздохом она опустилась на одно из кресел-качалок. С минуту на крыльце раздавалось лишь поскрипывание кресла.

Джейн разглядывала женский профиль. Шарлотте… нет, Сьюзан, было всего тридцать шесть лет, но выглядела она намного старше. Годы на открытом воздухе сделали ее кожу веснушчатой, а в волосах уже серебрилась седина. Но возраста ей прибавляла эта боль в глазах, боль, которая проложила глубокие складки на лице и сделала взгляд отстраненным.

Опираясь головой на спинку кресла, Сьюзан не сводила глаз с темнеющего озера.

— Все началось, когда мне исполнилось девять лет, — заговорила она. — Однажды ночью, когда моя мама спала, он пришел ко мне в комнату. Он сказал, что я стала достаточно взрослой. И что мне пришло время узнать то, что должны делать все дочери. Мы должны доставлять удовольствие своим папочкам. — Она сглотнула. — Я так и сделала.

— И вы не рассказали своей матери?

— Моей матери? — Сьюзан горько рассмеялась. — Заботы моей матери никогда не выходили за пределы ее корыстных интересов. После того, как она закрутила роман с Артуром Мэллори, прошло всего два месяца, а она уже смотала удочки. Она никогда не оглядывалась. Не уверена, что она хотя бы вспоминала, что у нее есть дочь. Так я и осталась с моим отцом, который был только рад освободиться от нее. Конечно, это было обоюдно. О, несколько раз в год я должна была проводить выходные с мамой и Артуром, но она совершенно меня игнорировала. Только Артур относился ко мне с неподдельной добротой. Я не очень хорошо его знала, но он казался мне порядочным человеком.

— А что насчет его сына Марка?

Повисло долгое молчание.

— Я не понимала, кем был Марк, — тихо произнесла она. — Когда наши семьи впервые встретились, он казался совершенно безобидным. Вскоре мы стали видеться все чаще. Обедали то в нашем доме, то у Марка. Все шло так гладко. Проблема была в том, что я не понимала, что моя мама и Артур становятся все ближе.

— Похоже, что ваш отец и Марк тоже очень сблизились.

Сьюзан кивнула.

— Они стали лучшими друзьями. Словно мой папа, наконец, обрел сына, которого всегда хотел. Даже после того, как мои родители развелись, Марк приходил в гости к папе. Они спускались вниз в отцовскую мастерскую и делали скворечники или рамы для картин. Я и понятия не имела о том, что происходило там на самом деле.

Гораздо большее, чем работа по дереву, подумала Джейн.

— Вам не казалось странным, что эти двое проводят так много времени вместе?

— По большей части я чувствовала облегчение, что меня оставили в покое. Мне было около тринадцати, когда отец перестал приходить в мою комнату по ночам. Тогда я еще не знала почему. Теперь я понимаю, что это произошло, когда исчезла первая девочка. Когда мне исполнилось тринадцать, мой папочка нашел себе кого-то другого, чтобы развлечь себя. При помощи Марка.

Сьюзан прекратила раскачиваться и сидела неподвижно, не сводя взгляда с озера.

— Если бы я знала, если бы поняла, кем на самом деле был Марк, моя мама и Артур были бы живы.

Джейн нахмурилась.

— Почему вы так говорите?

— Я была причиной, по которой той ночью они пришли в ресторан «Красный феникс». Они были там из-за того, что я им рассказала.

— Вы?

Сьюзан сделала глубокий вдох, словно собираясь с силами, чтобы продолжить.

— Наступили запланированные выходные, которые мне предстояло провести у мамы и Артура. Я только что получила права и в первый раз поехала в их дом сама. Я взяла машину отца. Вот тогда я и обнаружила кулон. Он застрял между сиденьем и коробкой передач, где никто не замечал его целых два года. Он был из золота в форме дракона, и на обороте было выгравировано имя. Лора Фэнг.

— И вы узнали имя?

— Да. Когда она пропала, эта история была во всех газетах. Я запомнила имя, потому что она была моей ровесницей и играла на скрипке. Некоторые ученики из Болтона говорили о ней, потому что были знакомы с ней по летнему оркестровому мастер-классу.

— Марк тоже посещал этот мастер-класс.

Сьюзан кивнула.

— Он знал ее. Но я не догадывалась, что он связан с моим отцом. Каким образом кулон Лоры оказался в машине моего отца? Затем я подумала обо всех ночах, когда он приходил в мою спальню, и о том, что он со мной делал. Если он насиловал меня, то возможно, проделывал это и с другими девочками. Может быть, именно это и случилось с Лорой. Поэтому она и исчезла.

— И тогда вы рассказали обо всем своей матери?

— В те выходные, когда я приехала погостить к ней, все и произошло. Я рассказала обо всем ей и Артуру. О том, что мой отец проделывал со мной все эти годы. О том, что я нашла в его автомобиле. Сначала мама не могла в это поверить. Затем, в своей обычной манере, принялась беспокоиться о всеобщей огласке и о том, что ее имя окажется во всех газетах. Что ее ославят, как недалекую жену, которая и понятия не имела о том, что происходило в ее собственном доме. Но Артур… Артур воспринял это всерьез. Он поверил мне. И я всегда буду уважать его за это.

— Почему они сразу же не обратились в полицию?

— Моя мама первым делом хотела удостовериться во всем сама. Она не хотела привлекать ничьего внимания, пока они не убедятся, что все это не более чем странное недоразумение. Возможно, это была другая Лора Фэнг, сказала она. Поэтому они решили показать кулон семье Лоры. Убедиться, что он действительно принадлежал той Лоре, что пропала два года назад. — Голова Сьюзан опустилась, и ее последующие слова были почти неразличимы. — Тогда я в последний раз видела их живыми. Когда они ушли, чтобы встретиться в ресторане с отцом Лоры.

Это был последний кусочек головоломки: причина, по которой Артур и Дина приехали той ночью в Чайнатаун. Не ради еды, а чтобы поговорить с Джеймсом Фэнгом о его пропавшей дочери. Разговор прервала стрельба, кровавая бойня, вину за которую возложили на несчастного иммигранта.

— Полиция объявила это убийством-самоубийством, — продолжала Сьюзан. — Они сказали, что мама и Артур попросту оказались в неправильном месте в неправильное время. Кулон так и не нашли, поэтому у меня не было доказательств. И мне больше не к кому было обратиться. Я все время размышляла, было ли это связано. Лора и стрельба. И тогда здесь был Марк. Он был дома вместе с нами в те выходные, поэтому был в курсе происходящего.

— Он позвонил Патрику. Рассказал ему, что ваша мать и Артур собрались ехать в Чайнатаун.

— Уверена, что он так и сделал. Но только на похоронах я окончательно поняла, что они были заодно. Мой отец и Марк работали вместе. Без кулона я ничего не могла доказать. Мой отец имел огромную власть, поэтому я знала, как просто для него было бы заставить меня исчезнуть.

— Поэтому вы сами инсценировали свое исчезновение.

— Я не планировала этого заранее. Но я оказалась с моим классом, гуляя по «Тропе Свободы» Бостона. — Она грустно рассмеялась. — И внезапно я подумала, что тоже хочу быть свободной! И сейчас самое время, чтобы сделать это. Поэтому я ускользнула от учителей. Пройдя несколько кварталов, я начала думать, как сбить всех со следа. Я бросила рюкзак и удостоверение личности в переулке. У меня было достаточно денег, чтобы купить билет на автобус, отправляющийся на север. У меня не было полной уверенности, куда идти, я просто знала, что должна уехать как можно дальше от своего отца. Когда я приехала в Мэн и вышла из автобуса, то внезапно почувствовала себя, словно… — Она вздохнула. — Словно приехала домой.

— И вы остались здесь.

— Я нашла работу — убирать домики для туристов. Встретила своего мужа Джо. И это был самый большой подарок за всю мою жизнь, найти человека, который любит меня. Кто всегда будет на моей стороне, несмотря ни на что. — Она глубоко вздохнула и подняла голову. Выпрямилась. — Вот так я и изменила свою жизнь. Родила детей. Вместе с Джо построила эти домики. Я считала, что буду счастлива, навечно укрывшись здесь.

Со стороны озера раздался смех, где Уилл и его сестра, одетые в купальники, наперегонки бегали по пирсу. Они спрыгнули, и смех превратился в визг, когда они погрузились в холодную воду. Сьюзан поднялась с кресла и посмотрела на своих детей, счастливо плескавшихся в озере.

— Саманте девять лет. Мне было столько же, когда все началось. Когда отец впервые вошел в мою спальню. — Сьюзан стояла спиной к Джейн, словно не хотела, чтобы та увидела ее лицо. — Думаешь, что можешь оставить бесчестье позади, но этого никогда не случится. Прошлое всегда рядом, поджидает встречи с тобой в ночных кошмарах. Оно появляется, когда меньше всего этого ожидаешь. Когда улавливаешь запах джина и сигар. Или слышишь, как ночью скрипит, открываясь, дверь спальни. Даже спустя все эти годы, он до сих пор мучает меня. А когда Саманте исполнилось девять, ночные кошмары сделались еще страшнее, потому что я видела себя в ее возрасте. Такую невинную, все еще нетронутую. Думала о том, что он со мной вытворял, и что мог проделывать с Лорой. И размышляла, были ли и другие девочки, другие жертвы, о которых я даже не догадывалась. Но я не знала, как вывести его на чистую воду, не могла сделать этого сама. У меня не хватило мужества.

Снаружи Уилл и Саманта забрались обратно на пирс и обсыхали, хохоча. Сьюзан приложила руку к стеклянной стене, словно набираясь мужества у своих детей.

— Тридцатого марта, — произнесла Сьюзан, — я раскрыла *«Бостон Глоуб».*

— Вы увидели объявление Ирис Фэнг. О резне в «Красном фениксе».

— *Правда так и не была рассказана* , — прошептала Сьюзан. — вот о чем говорилось в объявлении. И я внезапно поняла, что не одинока. Что кто-то еще искал ответы. Во имя справедливости. — Она повернулась лицом к Джейн. — Вот тогда я в итоге и осмелилась позвонить детективу Ингерсоллу. Я знала его, потому что он расследовал резню в «Красном фениксе». Я рассказала ему о кулоне Лоры. О своем отце и Марке. Сообщила, что могли быть и другие пропавшие девочки.

— Так вот почему он начал задавать вопросы о девочках, — протянула Джейн. Вопросы, которые подвергли его жизнь опасности, потому что до Патрика дошли слухи, что Ингерсолл собирал доказательства, связывающие его не только с пропавшими девочками, но и с «Красным фениксом». Он предполагал, что за всем этим стоит Ирис Фэнг, потому что она поместила объявление в *«Глоуб».* Она потеряла дочь и мужа. Убийство Ирис и Ингерсолла устранило бы проблему, поэтому Патрик нанял профессионалов. Но убийцы

недооценили своих противников.

— Я боялась, что отец может разыскать меня, — сказала Сьюзан. — Я попросила детектива Ингерсолла не рассказывать *ничего* , что могло бы привести ко мне. Он пообещал, что даже его собственная дочь не узнает, над чем он работает.

— Он сдержал свое слово. Мы и не подозревали, что это вы наняли его. Предполагали, что это миссис Фэнг.

— Через несколько недель он позвонил мне. Сказал, что надо встретиться и приехал сюда. Рассказал, что вычислил схему. Он отыскал имена трех девочек, с которыми я могла встречаться до того, как они исчезли. Девочки, которые участвовали со мной в одном и том же теннисном турнире или музыкальном лагере. Оказалось, что *я* была связующим звеном. *Я* была причиной того, почему выбирали именно их. — Ее голос дрогнул, и она снова опустилась в кресло. — Здесь, в Мэне я живу с моей малышкой в безопасности и надежности. Я не знала, что были и другие жертвы. Если бы я была храбрее, то давно могла бы это остановить.

— Это *уже* остановили, Сьюзан. И вы *сыграли* в этом свою роль.

Сьюзан посмотрела на Джейн, ее глаза блестели.

— Только это была отрицательная роль. Детектив Ингерсолл погиб из-за этого. А вы завершили его дело.

Но не в одиночку, подумала Джейн. У меня был помощник.

— Мама? — раздался голос девочки из сумерек. Саманта стояла по ту сторону стеклянной стены, силуэт ее тоненькой фигурки вырисовывался на фоне отражающегося от озера света. — Папа зовет тебя. Он не уверен, пора ли вынимать пирог из духовки.

— Иду, милая. — Сьюзан поднялась на ноги. Когда она распахнула дверь на крыльцо, то обернулась и улыбнулась Джейн. — Ужин готов. Приходите, когда проголодаетесь, — сказала она и вышла, позволив двери с визгом захлопнуться за ее спиной.

С крыльца Джейн наблюдала, как Сьюзан взяла Саманту за руку. Мать и дочь вместе шли вдоль кромки воды, пока не растворились в сумерках. Они держались за руки всю дорогу.

Глава тридцать девятая

Три месяца спустя
Провинция Фуцзянь, Китай

Сладковатый запах ладана плывет по внутреннему дворику, где я и Белла стоим перед могилой предков ее отца. Это древнее кладбище. На протяжении по меньшей мере тысячи лет, поколения семьи Ву хоронили здесь, и сейчас прах Ву Вэйминя лежит вместе со своими праотцами. Его измученной душе больше не придется бродить по миру духов, взывая к справедливости. Здесь он, наконец, обрел успокоение и навечно упокоился в мире.

Когда сгущаются сумерки, Белла и я зажигаем свечи и поклоняемся памяти ее отца. Внезапно я ощущаю чье-то присутствие и оборачиваюсь, чтобы увидеть силуэт, проходящий через ворота кладбища. Хотя я не могу разглядеть его лица в темноте, но по бесшумной походке и по непринужденной грации, с которой он движется, я узнаю сына Ву Вэйминя от первой жены. Сына, который никогда не забывал его и продолжал почитать. Белла кивает своему сводному брату, и тот отвечает на приветствие с грустной улыбкой. Они так похожи, эти двое, оба непреклонны, словно камень на могиле их отца. Теперь, когда их долг исполнен, я размышляю, что же с ними будет. Когда половина твоей молодости была посвящена только одной цели и ты, наконец, ее достиг, к чему еще стремиться?

Он почтительно кланяется мне.

— *Сифу* , приношу извинения за опоздание. Мой рейс из Шанхая отложили из-за погоды.

При свете свечей я изучаю его лицо и вижу нечто большее, чем усталость в

мимических морщинках вокруг его глаз.

— Возникли проблемы в Бостоне?

— Уверен, что она знает. Я чувствую, как она наблюдает и исследует меня. Ощущаю ее подозрительность каждый раз, когда она смотрит на меня.

— И что же теперь будет?

Он издает долгий вздох и не сводит глаз с горящих свечей.

— Я думаю… я надеюсь… что она понимает. Она написала мне блестящую рекомендацию. И она хочет, чтобы я работал с ней на другом расследовании в Чайнатауне.

Я улыбаюсь Джонни Тэму.

— Детектив Риццоли не так уж и отличается от нас. Она может не соглашаться с нашими методами, но я уверена, что она понимает, почему мы это сделали. И считает это правильным.

Я подношу спичку к кострищу, поджигая сухой трут. Языки пламени взмывают точно хищные зубы, и мы скармливаем им жертвенные деньги.[81] Огонь пожирает их, и поднимающийся дым несет спокойствие и удачу призракам тех, кого мы любим.

Остался последний предмет, который мы должны сжечь.

Когда я вытягиваю маску из мешка, в серебристых волосах отражается пламя костра, и она внезапно кажется живой, как будто дух самого Сунь Укуна возник из сумерек. Но маска безвольно висит в моем кулаке, всего лишь неживой предмет, сделанный из кожи и меха обезьяны, подержанный реквизит, который я приобрела несколько лет назад в китайском оперном театре. Все трое из нас носили маску. Все трое разделили между собой эту роль. Я, чтобы защититься от женщины-убийцы на крыше. Белла, чтобы спасти жизнь женщине-полицейскому. И последним из нас это сделал Джонни, когда выпустил пулю в голову Патрика Диона, замкнув круг смерти.

Я бросаю маску в огонь. Волосы мгновенно загораются, и я ощущаю запах подпаленного меха и обугленной кожи. Одна яркая вспышка, и маска сгорает, возвращая Сунь Укуна в мир духов, которому принадлежит Царь Обезьян. Но он всегда будет рядом с нами. Когда он будет нужен больше всего, каждый из нас найдет его внутри себя.

Огонь угасает, и мы втроем смотрим на кострище, выискивая в светящемся пепле то, что хочет увидеть каждый из нас. Для Беллы и Джонни это улыбка одобрения их отца. Они исполнили свой сыновний долг, и теперь их жизни предоставлены самим себе.

А что ищу в этом пепле я? Я вижу лицо своей дочери Лоры, чьи останки были выкопаны десять недель назад из-под заросшего виноградной лозой закоулка в имении Патрика Диона. Я вижу лицо моего любимого мужа, все еще молодое, его волосы черны, как и в тот день, когда мы поженились. В то время как они не стареют, я по-прежнему остаюсь на этой земле, мое здоровье дает сбой, волосы покрываются серебром, а время все глубже прокладывают морщины на моем лице. Но становясь старше с каждым годом, я также все больше приближаюсь к Джеймсу и Лоре, к тому дню, когда мы снова будем вместе. Поэтому я шагаю сквозь сгустившиеся сумерки, спокойная и бесстрашная.

Потому что знаю, в конце моего путешествия они будут ждать меня.

Благодарности

---

[81] Жертвенные деньги — древний китайский обычай. Китайцы верят, что после смерти человек, оставляя земную жизнь, переходит в потусторонний мир с пустыми руками, и его дети и внуки должны обеспечить покойного всем для жизни в потустороннем мире, где он остается вплоть до следующего перерождения. Поэтому в поминальные дни на кладбищах Китая родственники покойных сжигают бумажные подношения, которые, согласно поверьям, попадают в потусторонний мир в виде реальных предметов. Дым от подобных жертвоприношений доходит до духов усопших, и сообщает им о том, что живые помнят о них. Приношение необходимо произвести либо рано утром, либо до захода солнца, потому что именно в это время духи предков находятся дома — в могилах.

Ни один из романов, которые я написала, не был таким личным, как этот. На эту историю меня вдохновили рассказы моей матери, выросшей в Китае, истории о призраках и загадочных мастерах боевых искусств, и, да, героическим Царем Обезьян. Так что, спасибо тебе, мама, за то, что познакомила меня с чудесным миром китайских легенд.

Также благодарю Тони Йи и офицера управления полиции Бостона Томми Юназа за их уникальную информацию о Китайском квартале Бостона; Хэлфорда Джонса за то, что долго уговаривал меня написать историю о боевых искусствах; моего сына Адама Герритсен за помощь с мандаринскими словами и разъяснения об огнестрельном оружии; доктора Рину Рой, доцента кафедры криминалистики университета штата Пенсильвания за ее неоценимую помощь в исследовании шерсти приматов; Джона Р. Мишо, доцента правовых исследований и его Клуб Криминальной Юстиции студентов университета Хассон за их консультацию в исследовании металла древних мечей; и детектива Рассела Гранта из полиции Бостона за то, что всегда охотно отвечал на мои вопросы. Любые ошибки, которые я допустила в этом романе, мои и только мои.

Затем, верную команду, которая всегда поддерживает меня на каждом этапе, советуя, поощряя и иногда подливая столь необходимое «мартини»: моего несравненного литературного агента Мег Рули из агентства Джейн Ротроузен; моего редактора из «Баллантайн» Линду Мэрроу; моего куратора из «Трансуолд» Селину Уокер; и человека, который сохраняет меня в безопасности и здравом уме, пока я в дороге, Брайана МакЛендона.

Больше всего благодарю своего мужа Джейкоба, который бодро переносит все издержки брака с писателем. Проведя весь день с людьми, которые существуют лишь в моей голове, мне бесконечно приятно возвращаться к реальному герою из плоти и крови.